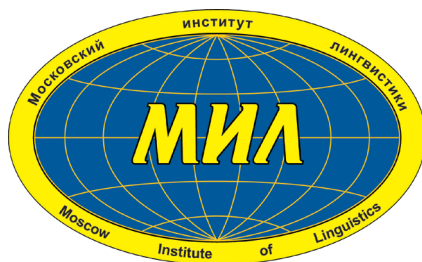

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2014
1 (19)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2014
1 (19)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Виноградов Виктор Алексеевич, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Караулов Юрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, член-корр. РАН, директор Научного центра русского языка Московского государственного лингвистического университета, Москва, (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского национального исследовательского государственного университета, главный научный сотрудник сектора русского языка Института филологии СО РАН, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2014

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2014

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2014

© Авторы, 2014

Подписано в печать 25.05.2014. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Зак. № 0218. Усл. печ. л. 10,9. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

---

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS
Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Viktor A. Vinogradov, Doctor of Philology, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Yury N. Karaulov, Doctor of Philology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Scientific Russian Language Centre of Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied researches.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights are reserved.

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2014

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2014

© Moscow institute of linguistics, 2014

© Authors, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Лингвистика как работа, хобби и жизнь. К 75-летию профессора В.И. Шаховского.....	9
<i>Шаховский В.И.</i> Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека.....	13
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ	
<i>Баринова А.О., Гриценко Е.С.</i> Феномен <i>hara</i> как гибридная (этно)идентичность: лингвистический аспект.....	22
<i>Ланно М.А.</i> Сущность идентичности и методы ее анализа в лингвисти- ческих/психолингвистических исследованиях.....	30
<i>Шляхова С.С.</i> SWOT-анализ Коми-Пермяцко-русского двуязычия.....	40
<i>Hristo Kyuchukov, Jill de Villeirs</i> Roma Children's Knowledge On Romani.....	58
<i>Кузнецова А.О.</i> Конструирование идентичности в дискурсе алтимат фрисби.....	66
<i>Бондарькова А.В.</i> Самопрезентация как особый Интернет-жанр (на материале русскоязычных блогов).....	78

МЕТОДЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

<i>Горошко Е.И., Полякова Т.Л.</i> Политический твиттинг как новый жанр интернет-коммуникации.....	92
<i>Федосеева Т.В.</i> Семиотический и психолингвистический подходы к интерпретации текста.....	104
<i>Чугунова С.А.</i> Тело человека как база представлений о времени в различ- ных лингвокультурах.....	112

КРУГЛЫЙ СТОЛ

<i>Реджина Мария Фрейре.</i> «Грамотность и ее враги»: достижения и перспективы развития теории грамотности.....	122
<i>Синтия Ферейра Гонсалес, Реджина Мария Фрейре.</i> О некоторых возможностях использования дискурс-анализа в практике лечения речевых и языковых расстройств.....	123
<i>Реджина Мария Айрес Камарго Фрейре, Джанайна Венециан, Манозла де Суза Пиккирилли, Бруна де Суза Диогенез.</i> Проект «Грамотность и ее враги»: пространство для разрушения стереотипов и появления новых знаний.....	124
<i>Синтия Ферейра Гонсалес, Реджина Мария Фрейре.</i> Представление об учащемся в педагогическом дискурсе.....	125
<i>Гисель Гоувза, Реджина Мария Фрейре.</i> Семиология применительно к теории и практике речевых и языковых нарушений: понятие знака и языкового симптома.....	127

РЕЦЕНЗИИ

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград, Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с. <i>(Ионова С.В.)</i>	128
---	-----

Бабайцева В.В. Статьи последних лет. – М. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – 276 с. <i>(Сигал К.Ю.)</i>	132
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	136
----------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ	138
-------------------------	-----

CONTENTS

FROM THE EDITORS

OUR ANNIVERSARIES

Linguistics as Profession, Hobby and Life. On the 75th Anniversary of Professor V.I. Shahovsky.....9

Viktor I. Shakhovsky. Emotive Lingua-Ecology: the Complex Approach to the Study of Language, Speech Activity and a Human Being.....13

PSYCHOLINGUISTIC STUDY OF IDENTITY

Anastasia O. Barinova, Elena S. Gritsenko. Hapa-Phenomenon: Linguistic Construction of a Mixed-Root Identity.....22

Marina A. Lappo. Identity and Methods of Its Analysis in Linguistic/ Psycholinguistic Research 30

Svetlana S. Shlyakhova. Swot-Analysis of the Komi- Permic-Russian Bilingualism.....40

Hristo Kyuchukov, Jill de Villeirs. Roma Children's Knowledge on Romani.....58

Alexandra O. Kuznetsova. Construction of Identity in the Discourse of Ultimate Frisbee (on the Material of Descriptions of Teams) 66

Anastasiya V. Bondarkova. Self-Presentation as a Genre of Internet Discourse (Based on Russian Blogs) 78

METHODS OF MODERN PSYCHOLINGUISTICS

Elena I. Goroshko, Tatyana L. Polyakova. Political Twitting as a New Digital Genre 92

Tatyana V. Fedoseeva. Semiotic and Psycholinguistic Approaches to Text Interpretation 104

Svetlana A. Chugunova. The Human Body as Basis for Conceptualization of Time in Various Linguo-Cultures 112

WORKSOP

Regina Maria Freire. "Literacy and Its Avatars": Gleaming New Gazes/Doings in the Process of Literacy.....122

Cinthia Ferreira Gonçalves, Regina Maria Freire. Discourse Analysis and Speech and Language Therapy Dialogue: Possibilities.....123

Regina Maria Freire, Janaina Venezian, Manoela de Souza Piccirilli, Bruna de Souza Diogenes. "Literacy and Its Avatars": Space for Deconstructing and Constructing Knowledge.....124

Cinthia Ferreira Gonçalves, Regina Maria Freire. The Apprentice's Position in the Discourse of Teachers.....125

Gisele Gouvea, Regina Maria Freire. Speech-Language Pathology Semiology: the Sign and the Language Symptom.....127

REVIEWS

Emotive Lingua-Ecology in the Modern Communicative Space: Collective Monograph / Scientific Editor Prof. V.I. Shahovsky, Editor Prof. N.N. Panchenko, Editor Board: Y.A. Volkova, A.A. Shteba, N.I. Korobkina. – Volgograd, Publishing House VGSPU "Peremena", 2013. – 450 p. (**Ionova S.V.**).....128

Babaytseva V.V. Recent Articles. – M. – Stavropol: Publishing House SKFU, 2014. – 276 p. (**Sigal K. Yu.**).....132

NOTES ON CONTRIBUTORS.....136

INFORMATION.....138

Дорогие читатели!

Наш журнал еще раз изменился. Изменился его формат – он стал более компактным; изменилось и количество выпусков – теперь их будет четыре в год. Вместе с редколлегией над новыми выпусками будет теперь работать международный по своему составу редакционный совет.

Мы благодарим наших зарубежных коллег, которые согласились разделить с нами труды и ответственность по выпуску журнала: это профессор Наталья Васильевна Дмитриук (Казахстан), профессор Чжао Цюе (Китай), профессор Ли Тоан Тханг (Вьетнам), профессор Мартин Линч (США), профессор Федор Борисович Поляков (Австрия). С некоторыми из них нас связывают давние научные связи, с другими наше сотрудничество только начинается.

Российская география нашего редакционного совета также расширилась: в него вошли профессор Елена Сергеевна Гриценко из Нижнего Новгорода и профессор Ирина Германовна Овчинникова из Перми.

В состав редакционного совета вошел член-корр. РАН Юрий Николаевич Караулов, и мы ему очень признательны.

Неизменной остается лишь редакционная политика журнала: мы по-прежнему будем знакомить наших читателей со всем новым и интересным, что появляется в отечественной психолингвистике и смежных областях знаний.

Благодарим всех наших авторов и читателей за интерес к нашему журналу. И очень надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

**ЛИНГВИСТИКА КАК РАБОТА, ХОББИ И ЖИЗНЬ.
К 75-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
ВИКТОРА ИВАНОВИЧА ШАХОВСКОГО**

Шаховский Виктор Иванович (Viktor I. Shakhovskiy) [09.01.1939, г. Николаевск, Волгоградской обл.] – российский языковед; специалист в области эмотиологии (лингвистики эмоций), доктор филологических наук (1988), профессор, заслуженный деятель науки РФ (1999), почетный доктор Волгоградского государственного педагогического университета, зав. кафедрой языкознания ВГПУ (с 1989).

В.И. Шаховский родился в г. Николаевске Волгоградской обл. в семье рабочего и служащей. После окончания средней школы № 1 в 1956 г. работал в школе № 8, в райкоме комсомола (РК ВЛКСМ), в 1958 г. поступил в Сталинградский пединститут им А.В. Серафимовича на факультет иностранных языков. После окончания вуза работал в сельской школе учителем английского и немецкого языков. В 1966 г. поступил в аспирантуру Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской, где защитил кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые способы выражения эмотивно-субъективной оценки в сфере имен существительных современного английского языка» (1969 г.), в которой начал исследование, связанное с отражением эмоций в английском языке.

С этого момента В.И. Шаховский остается на протяжении более сорока лет верным этой сложной и удивительной проблеме. В 1988 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» в Институте языкознания АН СССР. В ней представлены концепция эмотивности языка, эмотивной коннотации и лингвистическая концепция эмоций, описаны средства и способы категоризации эмоций в русском, английском и немецком языках, предложено ряд новых теоретических понятий (эмотивная валентность, эмотивный текст, эмотивная номинация и деривация, эмотивная компетенция, представлены способы лексикографической фиксации эмотивной семантики слова, фразеологических единиц и др).

В своих последующих работах В.И. Шаховский совместно со своими аспирантами и докторантами разработал различные аспекты теории эмотивности языка: лингвокультурология эмоциональных фрагментов национальных картин мира; эмоциональный дейкисис вербального поведения человека; эмоциональная рамка высказывания; эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста; личностные эмотивные смыслы текста и высказывания, эмотивные лакуны в межкультурной коммуникации; языковая игра как форма манифестации эмоций говорящего; эмотивный код языка; эмоциональные смыслы и доминанты текста; эмотивная компетенция межкультурных коммуникантов и мн. др. В последние годы им разрабатывается новое лингвистическое направление - эмотивная лингвозология. По данной проблеме издана коллективная монография, проведен Всероссийский научно-теоретический семинар, издаются статьи, защищаются работы аспирантов и докторантов.

В трудах В.И. Шаховского и последователей разработаны основы теории эмотивности языка и ее национально-лингвальные особенности (во французском, немецком, испанском, чешском, английском, русском языках). Им опубликовано более 465 работ, в том числе 5 авторских монографий, разделы в 10 коллективных монографиях. В 2008 г. в издательстве «Гнозис» вышла обобщающая многолетняя исследовательская работа В.И. Шаховского монография «Лингвистическая теория эмоций», переиздано первое издание (1987 г.) монографии «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» (2-е изд. 2008, 3-е изд. 2009, 4 изд. – 2010 гг.). Работы В.И. Шаховского опубликованы во всех центральных и академических журналах СССР и России, а также в США, Германии, Испании, Китае, Болгарии, Словении, Польше, имеются в библиотеке Кэмбриджского университета Великобритании, Ромапо колледжа США, университетов Германии, где профессор В.И. Шаховский неоднократно проходил научные и научно-методические стажировки.

Для студентов Волгоградского государственного социально-педагогического университета он читает разработанные им теоретические курсы лексикологии и стилистики английского языка, лингвокультурологии. В.И. Шаховский разработал авторские дисциплины по выбору «Лингвокультурология эмоций» и ее вариант «Лингвистика эмоций», опубликовал пособия по данным курсам, которые были неоднократно переизданы.

Профессор В.И. Шаховский подготовил 37 кандидатов и 13 докторов филологических наук. В настоящее время под его руководством выполняется 3 докторские диссертации по различным теоретическим проблемам языка, речи, текста на материале разных лингвокультур.

Он основатель и бессменный руководитель научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» Института иностранных языков ВГПУ и научного аспирантского семинара кафедры языкознания ВГПУ, которая является кузницей высокопрофессиональных научных кадров не только для ВГПУ, но и для вузов других городов России.

Профессор В.И. Шаховский – научный редактор многочисленных сборников по проблемам эмотиологии, коммуникативистики, лингвокультурологии. Он является членом редколлегии зарубежного журнала «Русистика» (г. Киев), журнала «Вопросы психолингвистики», университетского журнала «Известия ВГПУ» (серия «Филология») и электронных научных журналов: «Мир лингвистики и

коммуникации» (<http://www.tverlingua.by.ru>), «Экология языка и коммуникативная практика» (<http://www.sfu-kras.ru>).

Имя профессора В.И. Шаховского занесено в отечественные и международные справочники (АВІ и ВВІ) и каталоги успешных людей мира: «Hübner's Who is Who» Швейцарской классической коллекции, «Русисты мира» американского биографического института и Оксфордского международного биографического центра и др.).

В.И. Шаховский имеет почетное звание Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, является Отличником высшей школы, награжден почетным знаком «За отличные успехи» Министерства Образования СССР, знаком «Бронзовый крест» ВГПУ, многочисленными почетными грамотами Министерства образования СССР и Министерства образования Российской Федерации.

Список монографий В.И. Шаховского

Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка (монография). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1987. – 208 с.

Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград: Перемена, 1998. – 149 с. (в соавторстве с Ю.А. Сорокиным, И.В. Томашевой).

Реализация эмотивного кода в языковой игре // Эмотивный код языка и его реализация. Коллек. монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 7-18.

Лингвистическая теория эмоций (монография). – М.: Изд-во «Гнозис», 2008. – 416 с.

Die Amerikanisierung Russlands und seiner Sprache (монография). // Angloamerikanisches in der russischen Gesellschaft sowie Wirtschafts- und-Allgemeinsprache. – Freiburger Beiträge: zum Einfluss der Angloamerikanischen Sprache und Kultur auf Europa. – Band 6. – Hrsgb. von Hermann Fink und Liane Fijas. – Peter Lang, Europaeischer Verlag der Wissenschaften. – S. 1-51.

Лингвистиката на емоциите като област на изследване (на болгар. яз.) // Коллективна монография: Лингвистична Русия: научни школи на Волгоград. – София: «Мысль», 2010 г. – с. 49 – 59.

Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология (монография). – М.: Книжный дом «Либриком», 2009. – 128 с.

О варьировании исходного притчевого замысла в разных вербальных контекстах отечественной и зарубежной беллетристики (на примере евангельской притчи о блудном сыне) // Дискурс, концепт, жанр: Коллективная монография. – Нижний Тагил, 2009. – С. 309- 323.

Роль эмоций в формировании экологичности массмедиаальной коммуникации // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. монография / отв. ред. В.И. Шаховский, И.В. Крюкова, Е.А. Сорокина. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – с. 20 – 35.

Предупреждение как мини-послание радиослушателю в информационном пространстве рекламы // Рекламный дискурс и рекламный текст: кол. монография / отв. ред. Т.Н. Колокольцева. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – с. 168 – 177.

Лингвистическое моделирование методических приемов обучения иностранному языку // Моделирование речевой деятельности в лингвистике и лингводидактике: коллективная монография. – Волгоград: Парадигма, 2010. – с. 5 – 12.

Голос эмоций в языковом круге homo sapiens (монография). - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 144 с.

Теоретические основы эмотивной лингвозологии // Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: коллективная монография. — Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. – С. 45 – 71.

Оскорбление как коммуникативный фактор в конфликтной ситуации // Институционализация конфликта как средство обеспечения юридической и социальной безопасности = The institutionalization of the conflict as a means of providing legal and social security = Die Institutionalisierung des Konflikts als ein Mittel, die rechtliche und soziale Sicherheit: коллективная монография / под ред. В.А. Летяева. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. – С. 253 – 264.

Медийная неэкологичность как способ / средство диффамации адресата // Эмотивная лингвозология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол. Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 8 – 34- 43; 53 – 77; 302 – 317.

В.И. Шаховский

УДК 81'16

**ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ:
КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА,
РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЧЕЛОВЕКА**

Статья посвящена обоснованию предмета и методологических установок эмотивной лингвоэкологии как нового направления, развивающего идеи эмотивной лингвистики в применении к экологическим исследованиям в языкознании.

Ключевые слова: эмотивность, лингвоэкология, неэкологичность, валентность, модальность, модус экологичности.

Viktor I. Shakhovsky

**EMOTIVE LINGUA-ECOLOGY:
THE COMPLEX APPROACH TO THE STUDY OF LANGUAGE,
SPEECH ACTIVITY AND A HUMAN BEING**

The article is devoted to the substantiation of both the subject and methodological aims of emotive lingua-ecology as a new direction which develops the ideas of emotive linguistics concerning the ecological research in linguistics.

Keywords: emotivity, lingua-ecology, non-ecologicness, valency, modality, modus of ecologicness.

Полипарадигмальность современного гуманитарного знания обуславливает закономерное появление эмотивной лингвоэкологии, которая сегодня оформляется в новое научное направление на пересечении таких дисциплин, как культура речи, валеология и эмотиология. Данное научное направление в качестве методологической основы использует понятийно-терминологический аппарат лингвоэкологии, а также теоретические положения лингвистики эмоций, апробированные на обширном материале последних тридцати лет (В.И. Шаховский, Я.А. Волкова, В.В. Жура, С.В. Ионова, С.С. Тахтарова, И.И. Чесноков и др.).

Как неоднократно нами отмечалось ранее, с помощью эмоций мы имеем доступ к сфере *ratio* и *cognitio*, поскольку эмоция и когниция неразделимы [Шаховский 1987; 2009]. Кроме того, переживание конкретной эмоции всегда сопровождается психосоматическими коррелятами, что имплицитно подразумевает невозможность рассмотрения сферы эмоционального в отрыве от ее влияния на здоровье (психическое и физическое) *homo sentiens*. Эмотивная лингвоэкология развивает идеи лингвистики эмоций [Шаховский 1987; 2009], так как при разработке критериев определения экологичности/неэкологичности коммуникации принимается во внимание эмоциональное содержание используемых языковых единиц языка и характер категориальных эмоциональных ситуаций. Если под лингвистической экологией понимать некую конструктивную силу, позволяющую разрешать проблемные ситуации, связанные с общением, то следует учитывать два аспекта применения лингвистических знаний: экологию языка (зависимость развития языка от человека и общества) и экологию человека (влияние на человека языковой и коммуникативной среды его жизнедеятельности) [Ионова 2011]. В связи с этим актуальным оказывается знание

не только об экологичном/неэкологичном языке и его использовании в речи, но и об экологических/неэкологических тактиках коммуникации и типах мышления человека.

В эмотивную лингвоэкологию транспонируются методы и приемы эмотивной лингвистики [Шаховский 2008; 2013]; теоретико-методологические положения, вырабатываемые в этой области знания, сегодня получают все большую значимость для решения задач экологии языка, речи, коммуникации и самого человека.

Остановимся на некоторых из них:

1. Существует три вида эмотивной семантики слова: собственно эмотивность, эмотивность как одна из реализаций семантики слова и ситуативная эмотивность, т.е. речь идет о таких трех статусах эмотивной семантики, как аффектив, коннотатив и потенциатив. Проблемным является вопрос взаимозависимости актуализуемых в коммуникации статусов эмотивной семантики (эмотивного фонда языка в его коммуникативной реализации) и экологичности/неэкологичности порождаемых высказываний и текстов, т.е. всегда ли использование отрицательного эмотива задает неэкологичную тональность коммуникации. Интересным кажется и сопоставление перлокутивного эффекта сообщений, в которых доминируют слова с аффективным, коннотативным или потенциативным видом эмотивной семантики в лингвоэкологическом аспекте.

2. В результате вербализации эмоции могут быть названы (номинация), описаны (дескрипция), выражены (экспрессия). Взаимозависимость формы экспликации эмоций и параметров экологичности/неэкологичности эмоциональной коммуникации является малоизученным и потому перспективным направлением будущих исследований (например, насколько адекватными с лингвоэкологической точки зрения являются выражения «*Я ненавижу тебя*» vs «*Ты разорвал мое сердце*»).

3. Способом реализации эмотивной функции языка является эмотивная валентность, которая одновременно является и потенцией к эмотивному приращению семантики любого слова, и реализацией данной потенции, что приводит к образованию нового эмотива. Кроме того, эмотивная валентность может быть использована как прием анализа эмотивной плотности (количественной и качественной) текста.

4. Эмоции коммуникантов регулируют тональность эмотивных высказываний и эмотивных текстов. Это проблема текста-отношения, который характеризуется доминирующими в нем эмотивной и экспрессивной функциями, а также эффектом эмоционального воздействия.

5. В семантике слова эмоции фиксируются в форме специфических сем эмотивности, структура которых следующая: инвариантный семантический признак 'эмотия' и вариантный семный конкретизатор, определяющий конкретную эмоцию.

Логичным развитием указанных положений, всесторонне обоснованных в научных работах лингвистов, является выход за рамки семантики слова в семантику текста, в котором слово функционирует, в коммуникативную ситуацию и речевую деятельность в целом. Именно эти психолингвистические сферы являются наиболее актуальными для эмотивной лингвоэкологии.

Мы исходим из того, что эмоции пронизывают любую деятельность человека. Значит, они представлены на каждом из уровней анализа коммуникативной ситуации и в каждой ее целевой подсистеме. Соответственно, есть эмоциональный язык, эмоциональная речь и эмоциональная коммуникация, а также эмоциональное мышление, под которым понимается неразделимая связь рационального и эмоционального.

Наши наблюдения за различными эмоциональными коммуникативными ситуациями показывают, что вербализованные эмоции оказывают значительное влияние на психологическое и физическое здоровье человека. В связи с этим важным является вопрос о необходимости включения в коммуникативную компетенцию личности таких её компонентов, как эмотивная и лингвоэкологическая компетенции, которые формируют эмоциональный интеллект человека и способность говорящего рефлексировать над своими речевыми действиями и их потенциальный эффект.

На начальных этапах разработки положений эмотивной лингвоэкологии мы высказывали положение о безусловной связи неэкологичности речи и негативных эмоций как наиболее очевидном стимуле и результате таких речевых действий [Шаховский, Солодовникова 2010]. Из общенаучного положения о том, что тождество структур ведет к тождеству функций, учеными и сегодня часто делается следующий вывод: употребление бранной лексики обязательно предполагает ситуацию конфликтного общения. Не отрицая онтологической и генетической связи отрицательных эмоций с неэкологичными по своей природе ситуациями, все же отметим отсутствие их *прямой* связи в лингвистическом выражении. Будучи опосредованными языковыми знаками, эмоциональные переживания включаются в сложные отношения с психологическим и физическим миром человека. И лингвистика эмоций позволяет объяснять эти непрямые и противоречивые отношения. Например, существует множество коммуникативных эмоциональных ситуаций, среди которых есть негативные по содержанию и цели. В ряду негативных выделяется ситуация агрессивного общения, располагающая своими категориальными признаками. Однако в реальной коммуникации на выходе из конфликта негативные эмоции могут трансформироваться в позитивные, когда агрессия меняется на эмпатию, сопереживание, сочувствие. Эмотивная лингвоэкология исходит и того, что любая коммуникативная ситуация амбивалентна с точки зрения генетических особенностей мышления, а также амбивалентного потенциала семантики и прагматики любого знака. Возникает проблема установления факторов, объясняющих подобный эмотивно-когнитивный диссонанс и рассогласование с эталонной схемой: «отрицательный стимул – отрицательная реакция». И эти факторы должны учитывать и отражать целый комплекс особенностей эмоциональной ситуации агрессивного общения на уровне мышления, языка, речи и коммуникации.

В публикациях современных ученых, разрабатывающих проблемы лингвоэкологии, уже предпринимаются попытки обоснования комплексного, многофакторного подхода к их анализу. В работах А.П. Сквородникова рассуждения об экологии русского языка неизбежно приводят к постановке вопросов о речевых компетенциях говорящих, вариативности языковых и речевых и норм в коммуникации, коммуникативно-прагматическом и этико-речевом аспектах общения [Сквородников 2013: 219]).

В кандидатской диссертации Н.Г. Солодовниковой методологическая база эмотивной лингвистики применена к анализу экологичности/неэкологичности текста. Автором предложены следующие этапы его анализа:

- 1) установление вербальных эмотивных средств текстов;
- 2) установление невербальных эмотивных средств текстов;
- 3) установление способов реализации этих средств в текстах;

4) установление соотношения вербальных и невербальных эмотивных средств и способов варьирования экологичности текстов [Солодовникова 2010: 5–6]. В качестве ведущего принципа эмотивной лингвоэкологии предлагается принять «хорошую речь», в которой приоритет должен отдаваться возвышению языком, а не диффамации адресата.

В исследовании А.В. Пузырева представлена семиуровневая пирамида признаков конструктивности/деструктивности текста, которую составляют физический, личностный, межличностный, этнический, социальный, принципиальный и интегративный уровни потребностей и установок личности [Пузырев 2013: 77]. Отметим, что уже беглого взгляда на данную модель достаточно, чтобы установить деструктивность современного медиапространства, которое культивирует низшие потребности (физический уровень) в человеке, эгоцентризм (личностный уровень), враждебность к Другому (межличностный и этнический уровни) и т.п. Стратегия подобной когнитивной аутотрансформации Homo Debilis в Homo Sapiens предложена филологической герменевтикой, когда чтение перестает быть заполнителем паузы и становится работой и, кроме того, выгодным инвестированием в свое будущее, при всей кажущейся авантюристичности подобного предприятия.

Исследователями Волгоградского государственного университета разработана методика эколингвистического мониторинга содержания медийного пространства печатных СМИ [Основы лингвистического 2011: 56–86]. Данная процедура предполагает учет следующих параметров:

- 1) примат достоверной информации, которая должна соответствовать описываемой ситуации;
- 2) индекс упоминания имен и событий как свернутых ситуаций;
- 3) тональность представления события в новостном контексте. Выделенные критерии представляются вполне применимыми к изучению текстов различных жанров.

Е.М. Пылаева в своей работе [Пылаева 2011] предлагает следующие способы анализа материала: метод деконструктивного анализа, заимствованный у постмодернистов, и метод анализа текста по ключевым словам. Метод деконструкции предполагает анализ некоторого объекта либо через разрушение имеющегося по отношению к нему стереотипа, либо путем помещения данного объекта в новый контекст. Действительно, при рассмотрении определенного слова или словосочетания, например бранного, на позицию исследователя будет влиять стереотип или эталон, который навязывает понимание значения этой лексической единицы. Но мена контекста позволяет увидеть, что отрицательная оценка бранного слова может понижаться или меняться на противоположную, если это слово адресуется близкому человеку в ситуации доверительного общения; если это слово конкретизируется положительно-оценочным определением; если оно конкретизируется отрицательно-оценочным определением, которое стоит перед определяемым словом (*чертов урод vs урод чертов*).

Перспективной для эмотивной лингвоэкологии является методика выявления внутренней формы слова с позиции заключенных в ней рефлексивных векторов (рефлексем) фундаментальных предикатов сознания, предложенная З.Я. Кармановой [Карманова 2010: 47–116]. Данные рефлексемы наглядно демонстрируют возможности слова, скрытую в нем смысловую энергетику, проявляющуюся тогда,

когда оно становится «словом дискурса». Исследовательница выделяет два интенциональных рефлексивных вектора сознания. Первый связан с мировосприятием языковой личности: юмором, сатирой, сарказмом, иронией, остроумием, усмешкой, комизмом, прямолинейностью, агрессивностью, подхалимством и т.д. Второй интенциональный вектор согласуется с особенностями речевого акта, который, по Дж. Сёрлю [Серль 1986], служит для выражения соответствующего состояния: веры, страха ненависти, нужды, одобрения, скорби, раздраженности и т.д. Другими словами, данные рефлексемы показывают, почему говорящий сказал именно так, а не иначе, а также вскрывают мотивацию некоторых коммуникативных ходов языковой личности.

Общим основанием обозначенных выше подходов, применимых к анализу экологичности/неэкологичности языка и речи, неизбежно выступает сфера эмоционального. Как мотивационная основа сознания, эмоции позволяют приблизиться к выявлению мотивов речемыследеятельности говорящего, ориентироваться не только на форму эмоциональных единиц общения, но и на их содержание и функциональную направленность речи, не только на то, как сказано, но и для чего говорящий выбрал именно данную форму для выражения эмоционального переживания. Так, использование в речи бранной лексики может ошибочно указывать на ее неэкологичность, и напротив, литературная форма высказываний может скрывать в себе сильное негативное действие и нести разрушительную энергию слова в определенных ситуациях [Ионова 2013: 323].

Наблюдения за многочисленными частными приемами реализации экологичных/неэкологичных коммуникативных ситуаций позволяет сформулировать некоторые закономерности и промежуточные выводы в рамках искомого направления эмотивной лингвоэкологии [Шаховский 2013].

1. *Скорость промысливания эмоций* [Шаховский 1987; 2009: 16]. Речь идет о влиянии выбора лексики, выражающей эмоции, на перлокутивный эффект общения. Например, в конфликтной ситуации говорящий может поддаться аффекту и прибегнуть к употреблению нецензурной лексики или (обладая достаточной эмотивной компетенцией) выбрать из синонимичной парадигмы не менее экспрессивную, но цензурную лексическую единицу, с помощью которой можно выразить свое недовольство, раздражение, при этом не унизив адресата. Важна и позиция слушающего, который выберет либо стандартную схему реакции на отрицательный стимул, либо ему удастся пренебречь данным «эталонном», чтобы найти причину раздражения говорящего. Так, частотное использование аффективов (допустим, что это бранная лексика) в повседневной речи отчасти стирает табуированность мата для говорящего. Но адресат, для которого оскорбительно уже только слышать мат, распознает этот отрицательный эмоциональный посыл, вызывающий у него чувство дискомфорта, и постарается предупредить коммуникативного партнера, что ему не следует так «выражаться». В этот момент говорящий может не только идентифицировать негативную энергетику собственного слова, но и расценить это как поучение, критику или даже оскорбление. Инициатор оскорбления должен успеть не только просчитать возможные эффекты от сказанного им, но и переключиться на декодирование появившегося у него чувства негодования от услышанных назиданий, а также выбрать адекватную форму проявления/подавления новой эмоции.

2. *Определение порогов коммуникативно-эмоционального эффекта высказываний* [Шаховский 1987; 2009: 25]. Эта проблема остается малоизученной и перспективной, поскольку нужны обстоятельные наблюдения за тем, как статус эмотивной семантики (аффектив, коннотатив и потенциатив), а также форма выражения эмотивности (номинация, дескрипция и экспрессия) преобразуют одну и ту же эмоцию: *disgust* (называет) – *phew* (выражает непосредственно – аффектив) – *anass* (выражает опосредованно – коннотатив) – *stupidly* (описывает).

Так, И. Фонажи, касаясь проблемы воздействия на читателя формы подачи информации, рассматривает природу гортанного приступа, влияющего на смысл сообщения. С первых месяцев жизни гортанный приступ непосредственно соотносится человеком с дискомфортом и отвращением (ср. междометия *Ah! Oh!*, произношение которых сопровождается «твердыми атаками» (*attaques dures ou fortes*)). Аналогичные «атаки» связываются с выражением таких отрицательных эмоций, как гнев, ненависть (*Je le hais*). Цитируемый автор задается вопросом: чем обусловлен прерывистый стиль (подобный стилю словного удара немецкого языка) новостных передач по радио и телевидению, и предполагает, что это может быть обусловлено либо попытками говорящего усилить воздействующий эффект своего сообщения, либо отражать имманентную агрессивность политических комментариев как таковых [Fonagy 1979].

3. *Применение приемов субституции и контрастирования* [Шаховский 1987; 2009: 31]. Данные приемы позволяют устанавливать силу или активность эмоции, что подразумевает следующие три этапа:

- а) толкование слова;
- б) пример с перифразой этого слова (замена в большинстве случаев на нейтральный вариант, который дается в толковании);
- в) контекст употребления слова, активность эмотивного компонента в семантике которого проверяется.

В последующем можно устанавливать, какие рефлексивные векторы потеряло сообщение после замены одного слова другим. Перспективными кажутся наблюдения за преобразованием нейтральных слов в ситуативные эмотивы, поскольку в последнем случае возникает необходимость уточнения этапов использования этого приема. В данном направлении исследований предполагается два аспекта анализа: от эмотива к его эмотивности через сопоставление с нейтральным вариантом (вышеописанные три этапа) и от нейтрального по форме слова/словосочетания к его эмоциональному содержанию через восстановление, к примеру, прецедента.

4. *Учет эмотивной валентности единиц* [Шаховский 1987; 2009: 36]. Эмотивная валентность суть не только способность слов вступать в эмотивные связи на основе явных или скрытых эмосем, но и прием анализа эмотивной плотности (количественный и качественный аспекты) текста, а также его экологичности/неэкологичности. Предлагается три типа эмотивных валентностей слов на основе признака 'характер эмосем', лежащих в их основе: актуализация, экспликация (явные эмосемы) и инвенция (скрытые эмосемы). Инвенция (от лат. *invenire* – *открывать, изобретать*) представляет собой «нестандартный ассоциативный контекст слова» [Гридина 1996: 12, 39], эстетически, этически, прагматически приемлемые аномально-нормальные выражения. Такого рода отклонения от принятых форм понимаются не как нарушение языковой системы, ее разрушение, но, напротив, как

развитие и обогащение. Учет эмотивных валентностей служат средством активизации интерпретативных усилий адресата. См., например, оксюморонимы *злобр* или *адорай*, аккумулирующие в себе мощный энергично-смысловой потенциал, действие которого исключительно благотворно. Учет выделенных типов эмотивных валентностей слова становится еще одним этапом анализа экологичности/неэкологичности знака на пути «смысл-текст». Лингвоэкологическая задача, стоящая перед языковедами, - установить признаки, по которым креативные решения языкового сообщества можно отграничить от квазикреативных, вносящих когнитивно-когнитивные шумы и дестабилизирующие работу языка [Сорокин 2008: 27].

5. *Учет модуса экологичности в эмоциональной коммуникации.* В своей книге «Русский язык на грани нервного срыва» М.А. Кронгауз олицетворяет русский язык с говорящим на нем человеком. Автор справедливо замечает, что в результате регулярных негативных эмоций, транслируемых языком на его пользователей и на самого себя, все коммуникативное пространство русского языка в настоящее время находится в крайне негативном эмоциональном состоянии, граничащим с нервным срывом [Кронгауз 2008]. А поскольку язык – это часть нас всех, то эти изменения в обществе касаются каждого из нас, отражаются в нашем мироощущении. В результате преобразований, происходящих в языковом пространстве, изменяется характер эмоциональной коммуникации в межличностной, групповой и институциональной сферах. Все сложнее становится выражать свои позитивные чувства, но появляются все новые и новые средства для обозначения негативных эмоций и отрицательных явлений, порождения эмоционально отрицательных сообщений и целых текстов. Сформированное с помощью языка негативное поле эмоциональности значительно активизирует проявления негуманных, часто аморальных действий и состояний членов общества по отношению друг к другу: *апатию, недружелюбие, равнодушие, хамство, зависть, ложь, подлость, предательство, агрессию* и т.д. Таким образом, языковые процессы оказываются напрямую связанными с нравственным, духовным и правовым состоянием общества.

Параметры экологичности/неэкологичности общения должны включать в себя представления о модусе реализуемых эмоций в конкретной коммуникативной ситуации. Еще Аристотель, рассуждая о природе гнева, писал о том, что сама эмоция гнева не значит ничего постоянного вне конкретной ситуации: кто гневается, на кого, за что, как и какова эффективность конкретного гнева. С позиций экологичности, можно говорить о противоположных модусах противоположных эмоций, а также о противоположных модусах одной и той же эмоции и, следовательно, о противоположных модусах ее экологичности. Отрицательные эмоции, например гнев, ярость, могут в определенных коммуникативных ситуациях быть экологичными, например: *Пусть ярость благородная вскипает, как волна // Идет война народная, священная война* – благородный гнев. Дискурсивные практики использования обценных выражений показывают, что ситуации их использования, как это ни странно, могут быть вполне экологичными с точки зрения их участников. Экологичным является не такой текст, в котором выражены исключительно положительные эмоции, а такой, причиной создания которого является конструктивное, а не деструктивное намерение говорящего.

Приведенные здесь рассуждения имеют своей целью продемонстрировать значимость активно развивающегося нового направления лингвистики – эмотивной

лингвоэкологии – для лингвистической теории и коммуникативной практики. Решения новых задач, которые ставит перед учеными современное общество, требует аккумулирования всех знаний, накопленных традиционным языкознанием и лингвистикой эмоций, их уточнения, конкретизации с целью создания такого знания, «в котором сочеталось бы умение что-то делать и умение пользоваться сделанным» [Платон 1990].

Можно констатировать, что на сегодняшний день уже не остается сомнений в том, что эмотивная лингвоэкология может рассматриваться как новое научное направление, располагающее своей теоретико-методологической базой, разработанным понятийным аппаратом и намеченным проблемным полем. Она развивает идеи лингвистики эмоций, адаптирует ее методы и приемы, которые возможно применять при установлении уровня экологичности / неэкологичности значительного числа коммуникативных ситуаций, поскольку все они, как правило, в разной степени опосредованы эмоциями.

Список литературы

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.

Ионова С.В. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 191-198.

Ионова С.В. Неэкологичное эмоциональное общение в «приличной» упаковке // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – С. 323 – 332.

Карманова З.Я. Феноменология слова: слово vs мысль: монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2010. – 390 с.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 232 с.

Основы лингвистического мониторинга медиа-пространства региона: уч. пособие // В.А. Брылева, О.С. Волкова, С.В. Ионова, Е.Ю. Ильинова, Л.А. Кочетова, О.П. Сафонова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. – 80 с.

Платон. Собрание сочинений в 4 т. – Т.1. – М.: Мысль, 1990. – 860.

Пузырев А.В. Лингвоэкология (эколингвистика) с точки зрения субстратного подхода к языку // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 77-89.

Пылаева Е.М. Эколингвистика как новое направление в языкознании XXI века // Вестник Пермского государственного технического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2011. – № 5. – С. 106-113.

Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / пер. с англ. и нем., сост. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151-169.

Сквородников А.П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. № 1. – С. 194-222.

Солодовникова Н.Г. Экологичность эмотивной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 182 с.

Сорокин Ю.А. Нужна ли нам лингвоэкология?//Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. – 2008. – № 2 . – С. 24-30.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 190 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 208 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2010. – № 1 (31). – С. 22-29.

Шаховский В.И., Штеба А.А. Методы, приемы и подходы современной лингвоэкологии//Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 61-77.

Fonagy I. Gamme semantique des coups de glotte dans le francais moderne // Le francais dans le monde, 1979. – № 143. – P. 43–47.

А.О. Барина, Е.С. Гриценко

УДК 811.111'374:39

**ФЕНОМЕН НАРА КАК ГИБРИДНАЯ (ЭТНО)ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье анализируются особенности концептуализации гибридной (этно) идентичности *hapa*, используемой представителями смешанной расы для самоидентификации. Выявляются и систематизируются лексикографические и дискурсивные средства конструирования этничности в контексте глобальных социальных и культурных трансформаций. Материал исследования отбирался из онлайн-словарей, корпуса COCA, текстовых фрагментов Интернет-форумов.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, этнический, гибридный, языковое конструирование, дискурс, глобализация, мультикультурализм.

Anastasia O. Barinova, Elena S. Gritsenko

**HAPA-PHENOMENON:
LINGUISTIC CONSTRUCTION OF A MIXED-ROOT IDENTITY**

The article highlights the means of conceptualizing *hapa* – a hybrid ethnic identity used by people of mixed origin for self-identification. We reveal and describe the lexicographic and discursive means of ethnic identity construction in the context of global social transformations. The material was taken from online dictionaries, COCA and Internet forums.

Keywords: identity, self-identification, ethnic, mixed race, hybrid culture, language use, discourse, globalization, multiculturalism.

В современной социальной теории этническая группа рассматривается не только как заранее установленная общность, но и как сообщество, формирование которого отражает осознанную потребность в принадлежности к коллективу, представленному в индивидуальном или социальном воображении как устойчивый и надежный «дом». [Соловьева 2009: 26]. Особый интерес в этой связи представляет исследование языкового конструирования этничности в изменчивом контексте глобализации [Maher 2010; Глобализация-этнизация 2006; Тишков 2000; Барина 2011; Гриценко 2012].

В современном мире понятие этничности все чаще используется для описания активных процессов объединения или разделения людей в результате действия механизмов идентификации – отождествления себя с определенной общностью, акцентуация культурной специфики, ценностей и пр. Для описания этих сложных и взаимосвязанных процессов Дж. Мэйер предложил понятия «метроэтничность» и «метроязык». Соответствующие термины быстро вошли в научный обиход как средства обозначения вербальных и невербальных аспектов конструирования «‘облегченной’ этнической идентичности – игровой, гибкой, способной жить в условиях любого большого города» [Maher 2010: 575–591]. Иллюстрацией названных феноменов могут служить, например, требование к стюардессам тайского происхождения, отлично говорящим на английском языке, имитировать тайский акцент для создания имиджа компании [Maher 2010: 580]; ношение европейцами одежды

с орнаментами из символов китайской иероглифики и т.п. Ярким примером конструируемости этнических представлений является гибридная (этно)идентичность *hapa*, объединяющая представителей смешанных рас, обычно с азиатскими или тихоокеанскими корнями [Hapa – Wikipedia, электронный ресурс].

Для характеристики сообщества *hapa* в полной мере применим термин «гибридность», который в современной социальной и культурной теории используется для обозначения «пограничных» или контактных точек диаспор [Hutnyk 2005: 79–102]. Как отмечал С. Холл [1988: 27–30], «гибридность» связана с идеей «новых этничностей», стремлением создать не-статичные и не-эссенциалистские подходы к этнической культуре. В настоящем исследовании предпринята попытка описания *hapa*-идентичности как языкового конструкта.

В отличие от традиционно принятых для такого рода (этно)сообществ наименований *multicultural*, *multiracial*, *racially mixed people*, лексический идентификатор *hapa* подчеркивает ярко выраженное этническое самосознание членов сообщества, которое позволяет им осуществлять культурную (само)идентификацию. При этом если обычно в основе гибридации и фрагментации этничности лежат символы культуры, этики или эстетики [Gilroy 1993; Ibrahim 1999; Anthias 2001; Bailey 2000; Wan Shun Eva Lam 2004; Pavlenko, Norton 2007], *hapa*-идентичность как дискурсивный конструкт основывается на традиционной идее происхождения.

Этноним *hapa* пока не зарегистрирован в авторитетных лексикографических источниках – таких как OALD, Macmillan's Dictionary, Longman Dictionary of English Language and Culture и др. Однако этот термин фиксируется в корпусах и электронных лексикографических ресурсах, в том числе в открытых виртуальных словарях, где дополнения и комментарии к словарным статьям и дефинициями могут вносить сами пользователи сети Интернет. Обращение к таким источникам представляется целесообразным, поскольку позволяет проследить *процесс* конструирования этничности, а не только его результат.

Материалом исследования послужили фрагменты виртуальных лексикографических источников, форумов и проектов, в том числе:

Статьи электронных словарей Hawaiian Dictionary [электронный ресурс] и Double Tongued Dictionary [электронный ресурс], а также отдельные статьи неформального лексикографического ресурса Urban Dictionary [электронный ресурс];

Контексты корпуса The Corpus of Contemporary American English (COCA) [электронный ресурс], в которых зарегистрировано 13 вхождений лексемы *hapa* за период с 1990 по 2011 гг.;

Тексты анкет представителей сообщества *hapa*, размещенные в открытом доступе на электронных ресурсах «Голос *Hapa*» [Hapa Voice, электронный ресурс] и «Коллекция *Hapa*» [Discover Nikkei, электронный ресурс];

Тексты чата Интернет-форума [Mixed Asians, электронный ресурс];

Названия Интернет сайтов (16 примеров) и видеофрагментов (21 пример), размещенных на сайте Youtube [электронный ресурс], в которых содержится лексема *hapa*.

Впервые слово *hapa* (от англ. *half*) было зафиксировано в гавайском пиджине и означало «часть, фрагмент» (*Portion, fragment, part, fraction, installment; to be partial, less*) [Hawaiian Dictionary, электронный ресурс]. В дальнейшем за термином *hapa* закрепилось значение «представитель смешанной расы», а также

«человек, имеющий корни на Гавайях» (*'Of mixed blood, person of mixed blood, as hapa Hawaii, part Hawaiian'*) [Hawaiian Dictionary, электронный ресурс]. В других Интернет-словарях находим следующие дефиниции *hapa*: *'racially mixed, esp. with an Asian racial'* [Double Tongued Dictionary, электронный ресурс]; *adj. 1. Slang. Of mixed racial heritage with partial roots in Asian and/or Pacific Islander ancestry. n. 2. Slang. A person of such ancestry'* [Urban Dictionary, электронный ресурс].

В словаре Double Tongued Dictionary зарегистрирована помета, которая сужает денотативный компонент лексемы *Asian* и является свидетельством фрагментации этнического конструкта: *'this is "Asian" in the North American sense, where it usually refers to East Asians from China, Japan, Vietnam, and Korea'*.

Согласно данным электронного словаря Hawaiian Dictionary, изначально слово *hapa* использовалось для детализации расовой или этнической принадлежности, например:

hapa haole (part Caucasian/white);
hapa kanaka (part Native Hawaiian);
hapa popolo (part African/black);
hapa kepani (part Japanese);
hapa pilipino (part Filipino);
hapa pake (part Chinese);
hapa kolea (part Korean);
hapa katoa (part Samoan);
hapa (hi)sepania (part Spanish/white and Latino);
hapa pukiki (part Portuguese/white).

У истоков конструкта *hapa* стоял фотограф Кип Фалбек, результатом пятилетней работы которого стала вышедшая в 2006 г. книга «Проект *Hapa*» (*'The Hapa Project'*), которая представляет собой альбом с фотографиями представителей *hapa*-идентичности [The Hapa Project, Discover Nikkei, электронный ресурс]. Целью книги К. Фалбека являлось описание (само)идентификации представителей смешанной расы в контексте мультикультурализма, привлечение внимания к существованию гибридных форм этничности, проблеме толерантности и т.п. При этом он активно использовал стратегию концептуализации рассматриваемого феномена как научной категории, оформляя свою книгу в стиле медицинских и др. трактатов ученых XVIII-XIX вв., занимавшихся описанием тех или иных расовых, психических и прочих типов людей. Новаторство Фалбека заключалось в том, что он дал возможность представителям смешанной расы самим охарактеризовать свою этническую идентичность, показав, таким образом, что этничность не является биологически детерминированной, что это социокультурный конструкт и каждый человек вправе осознавать себя определенным образом: *'Fulbeck also notes that a main objective '... was to make the book I wish I owned when I was a kid. I never knew anyone else like me, going through things I went through, not fitting in, always having to choose sides ... Identity is a personal process and I'm adamant that it should be a personal decision, not one made by a community, a government or others.'*

'He argues that race in itself is not biologically determined, but socially created: 'For the record, race is not a scientifically sound assumption. For example, there is no DNA difference between human beings. We are all African. Biologically, race does not exist. It is a social and cultural construct...' [en.academic.ru, электронный ресурс].

Таким образом, если сначала ярлык *hapa* воспринимался как стигма («полукровка»), то в контексте глобализационных процессов и под влиянием дискурса мультикультурализма он подвергся амелиорации и в настоящее время используется для акцентуации самостоятельности и самодостаточности обозначаемого этносообщества, ср.: *'I am a hapa (part Japanese, Scottish, German and Irish); 100% Hapa by association! I am hapa... I am half Japanese, some German, Irish, American Indian, and Norwegian; I am: 100% Japanese, 100% Scottish, 100% Mohawk, 100% Musician, 100% Bay Area, 100% HAPA!'* [en.academic.ru, электронный ресурс].

Распространение данного феномена приобрело глобальный масштаб. На сегодняшний день сообщества *hapa* представлены в самых разных уголках Интернет-пространства [Mixed Asians, Harvard Hapa, Hapas.com, электронный ресурс]. При этом сообщества ставят перед собой разные социальные цели. Так, целью студенческого Интернет-сообщества представителей *hapa* при Гарвардском университете (Harvard Hapa, *'Harvard Half People's Association'*) [Harvard Hapa, электронный ресурс] является объединение студентов смешанной расы, организация лекций, семинаров, встреч с представителями других *hapa*-сообществ в реальном времени для обсуждения проблем социальных взаимоотношений в мультикультурном обществе и т.п. Девиз сообщества *'Welcome to Harvard Hapa'* подчеркивает его открытость, актуальность и востребованность.

Термин *hapa* в значении новой самодостаточной гибридной этничности фиксируется корпусом COCA с 1998 года и насчитывает 13 вхождений в различных жанрах (массмедийном, художественном и научном): *'Honolulu lawyer Hayden Aluli, president of the Native Hawaiian Bar Association, disputes that view, insisting, 'This isn't a racial issue. We're all hapa mixed blood here. This is a cultural issue'* [COCA 1998, электронный ресурс].

Лексический статус *hapa* как этнонима в современном английском языке подтверждает использование данного слова в названии одного из Интернет-ресурсов в атрибутивной позиции к лексемам *nation* и *identity* (*Hapa Nation: Discussion of Hapa identity*). Еще в 5 словосочетаниях *hapa* соотносится с лексемой, обозначающей этническую идентичность, например: *hapa vs multiracial identity* (*Hapa Voice: A celebration of multiracial identity*) и др.

Виртуальные словари регистрируют ряд производных от лексемы *hapa* окказионализмов, имплицитующих этнонимический статус *hapa*:

'Hapanese' is used in terms of referring to a half Japanese: hapa + japanese = hapanese [Urban Dictionary, электронный ресурс] (ср. зафиксированные в словнике и ИК словаря OALD гибридные этнонимы *Ameridian*, *Eurasian*, также образованные путем словосложения).

Производные лексемы также свидетельствуют о популярности термина *hapa*, и о возможности его использования в качестве эстетической характеристики: *hapaholic*, *hapaish*, *hapalicious*, *hapa-obsessed* и *hapaness*.

'Hapaholic – a person obsessed with, addicted to, or highly attracted to people of mixed racial heritage: mainly part Asian/Pacific Islander and part Caucasian' [Urban Dictionary, электронный ресурс];

'Latinas in North/West Texas aren't that good. The ones in South Texas are better while those in Florida are great and somewhat hapaish';

‘There are some like that back in Shittzarillo... maybe I don’t get out enough... or maybe it’s b/c I live in a lower income neighborhood now than b4... hence, less hapalicious type Latinas’;

‘...but HM wants to rule out every single LATINA while subjecting hapa women with his usual ‘attention’. I figured if he appreciated women of another culture he might be less ‘hapa-obsessed’ [Mixed Asians, электронный ресурс];

‘Exploring the Realities of Hapa-ness’ [Youtube, электронный ресурс]. Дистрибутивные возможности (сочетаемость) *hapa* позволяют провести аналогию со словами, зарегистрированными в словаре OALD и содержащими этномаркированные морфемы – *Afro-, Angl-, Euro-, Franco-* – в словах: *Afrobeat, Anglomania, Anglophile, Anglophobia, Anglophobe, Anglophobic, anglophone, the Anglosphere, Eurosceptic, Eurocrat, Euroland, Eurovision, the Eurozone, francophone* и др. [OALD].

Анализ текстов 30 анкет, находящихся в открытом доступе на сайте «Голос *Hapa*» [*Hapa Voice*, электронный ресурс], подтвердил, что представители названного сообщества, испытывая острую потребность в самоопределении, идентифицируют себя как *hapa*, поскольку не находят себе места в существующем этническом пространстве: ‘*It was strange – as a multiracial, multicultural person, I felt like I could relate to almost everyone, but that I truly connected with hardly anyone*’.

Идентифицируя себя как *hapa*, они обретают чувство радости, гордости, уверенности в себе: ‘*I’m proud of being Hapa and have embraced it fully*’; ‘*I am very lucky and proud to be a Hapa*’, ‘*I love everything about being Hapa and I know it will continue to grow as generations go by*’; ‘*Although many people don’t recognize that I’m Asian I’m very proud and happy to be Hapa!*’

При этом *Hapa*-идентичность ассоциируется у представителей смешанной расы с культурным и духовным многообразием: ‘*Hapa to me represents diversity. Diversity of mind, heart, and soul*’; ‘*I love seeing different races come together and create something beautiful*’). Она дает толчок к более глубокому познанию своих этнических корней: ‘*Also I do have relatives living in South Korea: I’m dying to meet them. Maybe one day I learn to speak Korean so I can communicate with them, also learn the culture*’; ‘*Another hard thing is I have no contact with my Japanese family. No dad, no grandfather. I don’t know Japanese*’ [*Hapa Voice*, электронный ресурс].

В одной из дефиниций словаря *Urban Dictionary* подчеркивается генетическое и эстетическое превосходство *hapa*: ‘*A term in biology for genetic supremacy. The combination of two races that come together to create a visually appealing piece of art*’. В дефиниции к словосочетанию *hapa girl* акцентируется красота представительниц *hapa*: ‘*Hapa girls are girls that are half Asian, half white. They are Hawaii’s gift to the world. Most Hapa girls are really beautiful and everyone loves them. They get the smarts of Asian’s and the good looks of white people, except even better looking*’ [*Urban Dictionary*, электронный ресурс].

Визуальные признаки (внешность) *Hapa* воспринимаются даже как более привлекательные нежели традиционные, о чем свидетельствуют контексты корпусов: в одном из них говорится о том, что благодаря пластической хирургии можно перевоплотиться в *hapa* и стать востребованной, например, в модельном бизнесе: ‘*If I wanted to become a model, let’s say, in Asia, in any one of the countries... my nose first of all would be skinnier...*’ [COCA 2007, электронный ресурс].

Можно сказать, что феномен *hapa* представляет собой результат вербализованной в различных типах дискурсивных практик (поп-культура, словари, форумы в Интернете, научный дискурс и т.п.) этнокультурной рефлексии, которая стала возможна в контексте глобализации, новых глобальных ценностей, социокультурных трансформаций. Не случайно значение сочетания *hapa look* в одном из контекстов корпуса СОСА приравнивается к значению словосочетания *global look*: *'because they are looking for this pan-Asian look, a mixture, a hapa look, if you will, throughout the world; You'd be very successful as a model in Asia because they're looking for that global look; it's what you see in television, what you see on billboards in the magazines, and models these days'* [СОСА 2007, электронный ресурс].

В жанре устных текстов корпуса СОСА *hapa*-идентичность, которая становится все более популярной среди молодежи, представлена как этническая идентичность будущего Америки: *'Once derogatory, hapa has become, among many young people, a boast, meaning part-Asian or part-Hawaiian, and something else ... who foretell not a post-racial, but a multiracial America; Perhaps all of America will become hapa'* [СОСА 2011, электронный ресурс].

В комментариях участников выставки К. Фалбека «Коллекция *Hapa*» ("The *Hapa* Collection")¹ феномен *hapa* также позиционируется как перспектива, предвестник будущего: *'Hapas are not weird. We're beautiful. A foreshadowing of the world to come'* [Discover Nikkei, электронный ресурс].

Анализ семантической просодии контекстов со словом *hapa* показал, что в 12 из 37 названий сайтов и видеофрагментов, посвященных данному феномену, регистрируются положительные смыслы: *Mixed-Race Asian Find Pride as Hapas, 'Hapas' find a voice in emerging culture, Hapa issues move into the spotlight, Hapas define themselves, Exploring the Realities of Hapa-ness, Growing Up Hapa, Global Hapa, Famous Hapas (Eurasians/Blasians), Everything Hapa: The best of both worlds, Real Hapas! Mixed race Asians! Hines Ward Hapa Hero, One Big Hapa Family: NTV Interview*. Более половины контекстов являются оценочно нейтральными. Контекстов с негативной просодией в материале исследования не выявлено.

Таким образом, как показал анализ, феномен *hapa* представляет собой гибридную идентичность, выражающую стремление и право представителей смешанной расы на этническую самоидентификацию. (Этно)идентичность *hapa* не имеет таких традиционных характеристик как общность проживания и языка, типичных для эссенциалистского понимания этничности. Как языковой и культурный конструкт эпохи глобализации феномен *hapa* наиболее полно и широко представлен в англоязычном Интернет-дискурсе.

Проведенное исследование носит пилотный характер. В нем представлены первые, самые общие результаты анализа феномена *hapa*. Системное рассмотрение данного феномена и особенностей его языковой репрезентации может стать предметом отдельного исследования.

¹ Выставка проходила в Национальном Музее Японской и Американской Культуры (the National Japanese-American Museum) в Лос-Анжелесе с 08.06.2006 по 29.10.2006 [Discover Nikkei 2011 <http://www.discovernikkei.org/en/nikkeialbum/albums/196/>].

Список литературы

Баринова А.О. Репрезентация этничности в английской лексикографии // Вестник НГЛУ. Выпуск 16. Язык и культура, 2011. – С.11–18.

Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 кн./ Коллективная монография / Отв. ред. Немищенко Г.П. // Науч. совет РАН «История мировой культуры»; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006. Кн.1. – 2006. – 486 с.

Гриценко Е.С. Глобальное и локальное в речевых практиках молодежных субкультур // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2, 2012. – С.87–93.

Соловьева А.Н. Культурные различия как основа этнической идентичности в контексте глобализации // Мир психологии. № 3, 2009. – С. 23–34.

Тишков В.А. Конструирование этнической идентичности // Политическая антропология. – Курс лекций. Нью-Йорк. 2000. // Электронный ресурс Интернет: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/konstruiro.html>.

Anthias F. New Hybridities, Old Concepts and the Limits of ‘Culture’ // Ethnic and Racial Studies. – 2001. – Vol. 24, № 4. – P. 619–641.

Bailey B. Language and Negation of Ethnic/Racial Identity among Dominican Americans // Language in Society. – 2000. – Vol. 29 (4). – P. 555–582.

COCA // The Corpus of Contemporary American English // Электронный ресурс Интернет: <http://corpus.byu.edu/coca/>

Discover Nikkei // Электронный ресурс Интернет: [http:// www.discovernikkei.org/en/nikkeialbum/albums/196/](http://www.discovernikkei.org/en/nikkeialbum/albums/196/)

Double Tongued Dictionary / Edited by Grant Barrett. – 2012. // Электронный ресурс Интернет : <http://www.doubletongued.org/>

en.academic.ru // Электронный ресурс Интернет: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/11137765> *Gilroy P.* The Black Atlantic Modernity and Double Consciousness. – Cambridge, MA: Harvard UP, 1993. – 255 p.

Hall S. New Ethnicities // Black Film, British Cinema / K. Mesner (ed.). – London : Institute of Contemporary Arts, 1988. – P. 27–30.

Hawaiian dictionary / Edited by M. K. Pukui, S. Elbert. – Ulukau, the Hawaiian Electronic Library, University of Hawaii, 2004. –2012. // Электронный ресурс Интернет: <http://wehewehe.org>

Hapa – Wikipedia // Электронный ресурс Интернет: <http://en.wikipedia.org/wiki/Hapa>

Hapas.com // Электронный ресурс Интернет: [http:// www.hapas.com/board/](http://www.hapas.com/board/)

Hapa Voice // Электронный ресурс Интернет: <http://www.hapavoice.com/what-is-hapa/>

Harvard Hapa // Электронный ресурс Интернет: [http:// www.hcs.harvard.edu/harvardhapa/](http://www.hcs.harvard.edu/harvardhapa/)

Hutnyk J. Hybridity // Ethnic and Racial Studies. – 2005. – Vol. 28. – № 1. – P. 79–102.

Ibrahim A. Becoming Black: Rap and Hip-Hop, race, gender, identity and the politics of ESL learning // TESOL quarterly. – 1999. – № 3(33). – P. 349–369.

Maher J.C. Metroethnicities and Metrolanguages // The Handbook of Language and Globalization / N. Coupland (Ed.). – Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. – P. 575–591.

Mixed Asians // Электронный ресурс Интернет: <http://www.mixedasians.com/forum/viewtopic.php?f=6&t=9117#p339989>

OALD // *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English // Edited by Joanna Turnbull. – 8th edition, 2010. – Oxford University Press, 2010. – 1796 p.

Pavlenko A., Norton B. Imagined Communities, Identity, and English Language Learning // *Kluwer Handbook of English Language Teaching* / J. Cummins, C. Davison (eds.). – Dordrecht, Netherlands: Springer, 2007. – P. 669 – 680. // Электронный ресурс Интернет: http://astro.temple.edu/~apavlenk/pdf/Imagined_Communities_Identity_and_EnglishLanguage_Learning.pdf

The Hapa Project // Электронный ресурс Интернет: <http://seaweedproductions.com/the-hapa-project/>

Urban Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=hapa>

Wan Shun E.L. Second Language Socialization in a Bilingual Chatroom: Global and Local Considerations // Language Learning & Technology. – 2004. – Vol. 8. – № 3. – P. 44–65. // Электронный ресурс Интернет: <http://llt.msu.edu/vol8num3/lam/default.html>

Youtube // Электронный ресурс Интернет: http://www.youtube.com/watch?v=hV_m6dLIEMs.

М.А. Лаппо

УДК 81'33, 81'42

**СУЩНОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕТОДЫ ЕЕ АНАЛИЗА
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ/ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

В данной статье под идентичностью понимается переживание говорящим субъектом своей принадлежности к какой-либо общности или категории людей. Анализируется роль лингвистики и психолингвистики с учетом их взаимодействия в изучении идентичности. Если в пределы лингвистической науки входит исследование речевых актов самоидентификации как выражения и описания идентичности, то психолингвистические работы могут существенно корректировать содержание, внутренний смысл указанных актов. В работе уточняется соотношение понятий конструирования и выражения идентичности, самоидентификации и самопрезентации.

Ключевые слова: Идентичность, самоидентификация, самопрезентация, выражение и описание идентичности, функции вербальной самоидентификации, лингвистические и психолингвистические методы изучения идентичности.

Marina A. Lappo

**IDENTITY AND METHODS OF ITS ANALYSIS
IN LINGUISTIC/PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH**

In this paper, the identity of the speaker refers to the experience of the subject of his belonging to any community or category of people. The role of linguistics and psycholinguistics with regard to their interaction in the study of identity is analyzed. While the linguistic science includes the study of speech acts as an expression of identity and description of the identity, psycholinguistics can significantly adjust the content, the inner meaning of these acts. The paper clarifies relations between the concepts of design and expression of identity, self-identification and self-presentation.

Keywords: Identity, self-identification, self-presentation, description of the identity, representation of the self, self-designation, functions of verbal self-identification, linguistic and psycholinguistic methods for identity investigation.

Концепт *идентичности*¹ ввиду своей многозначности и высокой степени объяснительной силы оказался ключевым во всех науках гуманитарной сферы – социологии, философии, психологии, культурологии, политологии и др. В основе самых разнообразных подходов к феномену идентичности лежит стремление со-

---

¹ Согласно мнению М.А. Фадеевой, в науке существует три основных понимания идентичности: идентичность как тождество, идентичность как подлинность и идентичность как принадлежность. В данной работе идентичность понимается преимущественно как переживание принадлежности индивида к какой-либо общности людей. Кроме этого, мы считаем, что идентичность как тождество индивида самому себе, идентичность как подлинность и идентичность как принадлежность тесно связаны друг с другом, взаимно определяют друг друга. Так, принадлежность индивида к группе – его внутреннее переживание тождества с ней и приписывания себя к этой группе – обусловлено идентичностью-подлинностью, поскольку в процессе самоидентификации индивид привлекает какие-либо объективные показатели своей принадлежности. Тождество индивида самому себе является в этом процессе неким фундаментом, базой: он эти поиски принадлежности связывает с собой, а не с кем-то другим.

циума к целостности, постоянству и прозрачности образа человека: *self* (самость) должен быть очевиден и понятен, форма должна быть равна содержанию, поведение человека должно адекватно отражать его интенции и образ Я, поведение должно быть предсказуемо и константно. Однако желаемое далеко от действительного, имеет место сложное соотношение поведения и психологических доминант: во-первых, самому человеку далеко не всегда понятны мотивы его поступков (по причине преобладания бессознательного над осознаваемым), во-вторых, даже нечто поняв, человек не всегда спешит знакомить окружающих с результатами своего осознания. Отмеченные феномены *текущей, разорванной, недостигнутой, множественной, конфликтной, кризисной, масочной, виртуальной идентичности* также существенно усложняют процессы управления² субъектом и коммуникации с ним. Вследствие этого научная задача многих исследовательских практик формулируется либо в области эффективной диагностики «реальной» идентичности, либо в сфере коррекции каких-либо отклонений от «здоровой» идентичности личности/социума (разрешение кризиса идентичности, достижение «нормальной», недевиантной, непатологической идентичности и под.).

Для лингвистики последних лет характерен поиск своих аспектов в исследовании проблематики идентичности и связанного с ней процесса самоидентификации (см. работы Ю. Антонян, И.И. Валуйцевой и Г.Т. Хухуни, Р. Водак, Е.И. Горошко, Л.И. Гришаевой, Е.С. Гриценко, В.М. Громовой, В.А. Даулетовой, Е.И. Дахалаевой, Т. ван Дейка, Л.В. Ениной, Е.Н. Катановой, В.И. Карасика, В.Б. Кашкина, О.В. Кашкиной, Н.А. Купиной, М.А. Лаппо, Е.В. Леоновой, Е.П. Матузковой, И.А. Медведевой, О.А. Михайловой, А.В. Оляничка, Д.В. Осипова, Е.С. Ощепковой, М.Н. Рассоха, Н.А. Мишанкиной и З.И. Резановой, П. Рикера, Н.Б. Слободяник, Л.В. Цуриковой, Э.В. Чепкиной, И.В. Шалиной, М.С. Школовой, Л.Дж. Филлипс и М.В. Йоргенсен и др.). Лингвисты, осознавая сложное соотношение речи и сознания, языка и мышления, выражают эту идею несимметричности в изучении таких вопросов, как *самопрезентация говорящего субъекта, речевая маска, конструирование идентичности, виртуальная идентичность*.

Изучение идентичности как категории, способной быть описанной под лингвистическим углом зрения, осуществляется преимущественно в контексте социального конструкционизма. Представители этого подхода транслируют идею о том, что социально значимые категории (национальность, пол, возраст, религиозная принадлежность и т. д.), к которым может отнести себя субъект, являются дискурсивно зависимыми, конструируемыми в процессе коммуникации, то есть идентичность – это не объективная данность, лишь отражаемая в деятельности, а создаваемая в процессе этой деятельности структура (см. работы П. Бергера и Т. Лукмана, Р. Барта, И. Гоффмана, П. Рикера, М. Фуко, В. Benwell and E. Stokoe, К. Gergen, W.B. Pearce; V. Burr, J.H. Powers, S. LaBelle, E.Laclau and C. Mouffe, В. Lincoln, J.P. Gee, Ch. Barker и др.).

² Вопрос же об управлении поведением человека актуален как в быту, так и на уровне государственной политики. Не случайны поэтому постоянные попытки обывателей/государственных деятелей как-то исправить чужую неправильную идентичность (например, гомосексуальную): люди болезненно реагируют на поведение других, нарушающее их представление о сущности человека и как-то пошатывающее образ правильного, стабильного мира.

Конструкционизм критически относится к репрезентационному потенциалу речевых актов самоидентификации. Так, Л.В. Енина и Э.В. Чепкина считают, что говорящий субъект, не имея устойчивой идентичности, не может *репрезентировать* в речи «свойственную» ему идентичность, он может *установить* ее в ходе дискурса: «Идентичность субъекта возникает в дискурсе и, соответственно, всякое высказывание субъекта есть совершение действия по установлению собственной идентичности»; «идентичность есть всякий раз промежуточный результат непрерывного процесса идентификации посредством использования дискурсивных практик» [Енина, Чепкина 2010: 160]. Критически относится к работам, в которых на первый план выдвигаются презентационные и репрезентационные задачи, и Е.В. Леонова: «Анализ лингвистических работ по данной тематике, вышедших в последнее время, убедительно показал, что большинство авторов интересуется проблема идентичности исключительно в прагматическом аспекте; на первый план при этом выдвигается не столько идентичность, сколько вопросы самопрезентации личности. Так, исследуются дискурсивные стратегии в текстах интервью, позволяющие произвести определенное впечатление/воздействие на собеседника, проводится функциональный анализ самоидентифицирующих высказываний на материале парламентских дебатов, выявляются вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе, а также коммуникативно-языковые особенности конструирования идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений, т. е. носитель идентичности в представленных дискурсивных условиях, по сути, отвечает на вопрос «Какие качества своей личности стоит проявить в данной ситуации, чтобы произвести положительное/нужное впечатление?» вместо «Кто я и какой я есть на самом деле?» [Леонова 2010: 71].

Я убеждена, что внутреннее и внешнее не противопоставлены абсолютно диаметрально, что невозможно считать идентичность/самоидентификацию чем-то внутренним, а самопрезентацию – исключительно внешним проявлением этого внутреннего. *Форма является неотъемлемой частью самого переживания*: «... чувства, переживания, верования протекают в особых формах – позах, жестах, манерах; эти формы двойственны по своей сути: они одновременно и часть самого переживания, чувства, верования, но и до некоторой степени отчужденная его часть, ставшая чисто традиционной, его внешнее проявление, могущее быть его знаком» [Степанов 1971: 8]. О слитости предметных значений и чувственных образов, неразрывности предметного значения с вербальным говорит А.А. Леонтьев: «... человек не «номинарует» чувственные образы, – предметные значения есть компонент этих образов, то, что их цементирует для человека, то, что опосредует само существование этих образов» [Леонтьев 1993: 18].

Феномен идентичности включает в себя возможность и/или потребность человека говорить о себе, о своей сущности, выражать себя самыми разными способами, прямо или косвенно сообщать собеседнику о том, принадлежит ли тот к «его» миру или нет. Идентичность социальна по своей природе [Русаков, электронный ресурс] и поэтому требует признания со стороны других. Поэтому в актах вербальной самоидентификации актуализируется не только презентационная функция языка [Олянич 2007], но и функция идентификации [Рассоха 2012].

Языковедческая проблематика самоидентификации лежит не только в области выбора одного из двух исследовательских подходов к соотношению языка и

идентичности – языка как средства отражения идентичности или языка как средства ее создания (об этих подходах см., в частности, в [Енина 2010; LaBelle 2011; Ощепкова 2012; Матузкова 2013]). Ответ на вопрос, выражает или конструирует идентичность вербальная материя, не является для лингвистики принципиальным: речь говорящего *и конструирует* (=приписывает смыслы self'у), *и выражает идентичность* (как язык способен выражать нечто внутреннее, например, эмоции) одновременно. Не вызывает сомнения, что и для конструирования идентичности, и для ее выражения нужны внешние, материально закрепленные ресурсы (языковые средства, одежда, жесты, позы, мимика), которые и нуждаются в семиотическом исследовании.

Актуализируя собственно лингвистические аспекты идентичности и самоидентификации, приходим к тому, что **самоидентификация** – это осознанное либо неосознанное вербальное, пара- и невербальное маркирование идентичности, т. е. принадлежности, стремления к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе/категории, к какому-либо классу/уровню/типу людей.

Актуальной собственно лингвистической проблемой является смешение, различие во многих работах двух основных форм вербализации идентичности – самоидентификации как *выражения* идентичности и как ее *описания*. Названные формы самоидентификации выполняют разные функции языка, несмотря на одинаковую генеральную цель – обозначить свое место в совокупности всех людей: выражение идентичности, как и выражение эмоции, выполняет экспрессивную функцию, а описание идентичности, как и описание эмоционального состояния, – номинативную.

Отправным пунктом моих размышлений стало убеждение в том, что в изучении идентичности/самоидентификации в лингвистическом аспекте необходимо следовать сложившейся в языкознании традиции анализа отраженных в языке экстралингвистических сущностей, категорий внутреннего (психологического) мира человека. Известно, что, например, лингвисты не сразу признали категорию эмотивности языковых единиц. В.И. Шаховский пишет об этом так: «Лингвистика эмоций своими корнями восходит к давнему спору большой группы лингвистов <...> о том, должна ли лингвистика заниматься эмоциональными составляющими. Долгое время ученые расходились в решении этого вопроса. Часть из них считала, что доминантой в языке является когнитивная функция, и потому они исключали изучение эмоционального компонента из исследований о языке (К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом). Другая группа ученых (Ш. Балли, ван Гиннекен, М. Бреаль) выражение эмоций считали центральной функцией языка» [Шаховский 2007: 8]. И далее: «Эмотиология далеко ушла от того положения дел, когда были актуальны заявления, подобные следующим: «эмоциональной лексики в языке нет» (Е.М. Галкина-Федорук), «эмоции не входят в структуру языка» (В.А. Звегинцев) и т.п. Теперь бесспорны утверждения иного типа: «в языке все эмоционально» (Ш. Балли), «все высказывания эмоциональны» (В.Г. Гак), «вся лексика языка/речи эмоциональна» (Е.Ю. Мягкова и др.)» [Там же]. Следующим шагом в лингвистике стало разграничение языка описания эмоционального состояния и язык выражения эмоций, то есть лексики эмоций и эмоциональной лексики (Е.М. Галкина-Федорук, Н.А. Лукьянова, Л.Г. Бабенко, Е.М. Вольф, Л.А. Пиотровская и др.). Очевидно, что описа-

ние и выражение эмоций связано с разными функциями языка/речи: описание эмоционального состояния выполняет номинативную (репрезентативную) функцию, а выражение эмоций – эмотивную (экспрессивную). В.И. Шаховский указывает уже на три разных способа вербализации эмоций – название, выражение, описание [Шаховский 1987].

Логично будет предположить, что к категории идентичности как категории внутреннего мира человека также можно применить разграничение понятий ее описания и выражения говорящим субъектом. Наиболее разработанной является тема выражения идентичности говорящего в языке/речи. К области выражения идентичности носителя языка можно отнести два следующих лингвистических сюжета социолингвистических работ:

- 1) изучение языковой самоидентификации как выражения этничности;
- 2) изучение речевого «портретирования».

ЯЗЫК КАК МАРКЕР ЭТНИЧЕСКОЙ (КУЛЬТУРНОЙ) ИДЕНТИЧНОСТИ. Данный вопрос поднимают специалисты по контактной лингвистике, изучающие специфику освоения языка билингвами и полилингвами: «Язык может внушать носителям чувство патриотизма, подобное национальному патриотическому чувству, связанному с идеей нации. Язык, будучи неприкосновенной сущностью, противопоставляемой другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, которое нуждается в «отстаивании». <...> Но вряд ли стоит сомневаться, что именно в ситуациях языкового контакта люди лучше всего осознают отличительные особенности своего языка по сравнению с другими и именно в этих ситуациях чистый или стандартизованный язык легче всего становится символом единства группы» [Вайнрайх 1972: 57–58]. Рано или поздно перед билингвами (полилингвами) встает вопрос, какой язык они считают родным, основным, более освоенным. Довольно часто это становится попутным ответом на вопрос о национально-культурном приоритете у носителя двух и более языков.

Считается, что самым глобальным маркером этнической идентичности является язык, на котором субъект производит речевые акты (причем не только внешней, но и внутренней речи), поскольку, «как правило, каждый человек идентифицирует себя с конкретным этносом», и «незнание языка может служить признаком отчуждения от этноса» [Маркова 2010: 239]. Изучению вопроса соотношения лингвистической и этнической идентичностей посвящено немало исследований (см., например, их обзор в указанной работе Е.А. Марковой).

РЕЧЕВОЕ «ПОРТРЕТИРОВАНИЕ». Не новым для отечественной лингвистики является изучение процессов индикации какого-либо социального статуса говорящего субъекта, речи как социального индикатора, то есть речевое «портретирование». Л.П. Крысин называет первые работы в области изучения речевого портрета группы носителей языка, которые были основаны на методологии диалектологических исследований: «В середине и особенно во второй половине XX века методы диалектологического описания активно переносятся с сельских диалектов на городскую речь; в этой связи нельзя не вспомнить пионерские работы Б.А. Ларина, в известном смысле содержавшие программу изучения языка города. В США первые социолингвистические обследования, проводившиеся в городах, осуществлялись в тесном сотрудничестве с диалектологами (таковы, например, работы У. Лабова, Р. Мак-Дэвид, Дж. Гамперца, Л. Левина и К. Крокет, Р. Фэйсолда и др.)» [Крысин

2001: 90]. И далее: «По всей видимости, непосредственным толчком к разработке понятия «социально-речевой портрет» явилась идея фонетического портрета, выдвинутая в середине 60-х годов XX века Михаилом Викторовичем Пановым и блестяще воплощенная им в ряде фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII–XX вв.» [Там же: 91].

К данному направлению относятся также работы Ю.Н. Караулова, актуализировавшего в науке термин языковая личность, Т.М. Николаевой, введшей термин социолингвистический портрет, Л.П. Крысина, поднявшего вопрос социального аспекта владения языком и введшего термин социально-речевой портрет, К.Ф. Седова, выстроившего теоретическую модель психолингвоперсонологии, Н.Д. Голева, Е.В. Иванцовой и др., работающих в русле лингвоперсонологического подхода к речевому поведению, В.И. Карасика, разрабатывающего темы языка социального статуса и лингвокультурных типажей и др.

Самоидентификация как описание идентичности говорящего представлена следующими способами:

- 1) прямое описание;
- 2) косвенное описание.

ПРЯМОЕ ОПИСАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ. Лингвистический анализ номинативной стратегии причисления к группе включает как лексический, так и грамматический компонент. Анализ языковых моделей описания идентичности был намечен в статье «Лексические средства описания идентичности»: «В центре словаря идентичности находится собственно номинативная лексика, отвечающая за объективную категоризацию человеческого сообщества: *мать, отец, женщина, мужчина, девочка, мальчик, врач, учитель, продавец, русский, украинец, казах, православный, мусульманин, атеист, сибиряк, волжанин*. Примыкают к данному словарю лексемы, в значении которых соединяются семантика социальной категоризации (денотативные компоненты лексического значения слова) и эмотивно-оценочная семантика (коннотативные компоненты): *матушка, батюшка, баба, мужик, девчонка, мальчонка, врачиха, учительша* и т.д.» [Лаппо 2011: 22]. При этом важно помнить, что в реальном дискурсе могут актуализироваться различные коннотативные компоненты номинативов.

Грамматический компонент самоидентификации представляет собой «самоидентификационную формулу», то есть формулу описания социальной идентичности автора высказывания. И.В. Шалина определяет понятие «идентификационной формулы» следующим образом: «Статусно-ролевые номинации и предикации субъектов группируются на основании обобщенной идентификационной формулы: *Имя (местоимение) + таксономический / характеризующий предикат*. Таксономический предикат выделяет лицо в границах какой-либо группы, микроколлектива» [Шалина 2010: 14].

Думается, что в задачи исследования вербализации идентичности должно войти изучение специфики «самоидентификационной формулы», ее отличий от «идентификационной формулы», обозначенной И.В. Шалиной.

КОСВЕННОЕ ОПИСАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ. В дискурсе самоидентификации косвенная форма – довольно распространенное явление, поскольку в культуре существуют определенные ограничения в актах самоидентификации, а «косвенная форма осуществления, как правило, повышает этикетность коммуникативного акта, так

как один из главных принципов вежливости состоит в предоставлении адресату большей степени свободы реагирования» [Кобозева 2003: 106].

При использовании косвенного описания идентичности акт самоидентификации не выражен явно. Имеет место либо переносное использование элементов «самоидентификационной формулы» (при эксплицитном косвенном описании идентичности), либо «самоидентификационная формула» является результатом выводного знания, т. е. она достраивается адресатом самостоятельно, на основе имеющихся у него знаний о мире (при имплицитном косвенном описании идентичности). Косвенные способы вербализации идентичности нуждаются в специальном рассмотрении, так как существуют различные пути такого описания – эксплицитные и имплицитные.

Следующий пример иллюстрирует избегание конкретной номинации в национальной самоидентификации:

Еременко Юрий Иванович, Черниговская область: «Господин Президент, нет ли на Вашем генеалогическом древе веточки с украинской окраской?»

В.В. Путин: Юрий Иванович, нет. Как Высоцкий пел: «Если кто залез ко мне, то и тот татарин». Но если по-серьезному, то все мои родственники из Тверской губернии России, это где-то километров 200 от Москвы. И в течение многих лет, многих столетий не только жили в одном месте, в одной деревне, но и ходили в одну и ту же церковь, как выяснилось, потому что все эти данные были получены из церковных документов. Но если бы у меня вдруг выяснилось, что у меня есть такие родственные связи, я бы этим только гордился. Мне нравится Украина (стенограмма интервью В.В. Путина украинским телеканалам, 27 октября 2004, опубликовано: ukraine.ru/stories/01/11/26/2091/230908.html).

Конкретное обозначение «я – русский» заменяется описательной конструкцией «все мои родственники из Тверской губернии России». Пресуппозиция о доминантной национальной принадлежности жителей Тверской области становится ключом к распознаванию смысла данного высказывания

Актуализируя психолингвистические аспекты изучения идентичности, отмечу, что наиболее сложным моментом в самоидентификации представляется соотношение осознаваемого и неосознаваемого. Споры вызывает даже вопрос о возможности осознания субъектом собственной идентичности. Например, психоаналитик Э. Балинт считает, что переживание идентичности невозможно выразить в языке/речи [Balint 1991]. Представляется, что «стремление к солидарности с групповыми идеалами», обозначенное Э. Эриксоном [1996], может быть выражено и описано всеми доступными человеку способами и средствами, в том числе и средствами языка. Однако это конструирование-выражение идентичности в речи протекает одновременно в двух планах – сознательном (рациональном) и неосознаваемом (иррациональном): «К рациональным относятся такие способы самоидентификации (*отнесения себя к..., самоотождествления себя с...*), которые не только осуществляются осознанно, но и дискурсивно раскрываются (потенциально могут быть изложены) основания и мотивы ее, способные быть понятыми другими людьми. Наоборот, иррациональные самоидентификации либо носят бессознательный характер, либо (что еще более важно) отсылают к основаниям и мотивам недискурсивного характера, в сущности даже не подлежащего рассуждению, обсуждению и пониманию» [Русаков, электронный ресурс].

Поскольку лингвистика бессильна в решении вопроса о соотношении в выражении и описании идентичности в речи рационального и иррационального, необходимым методологическим шагом является обращение лингвистов к междисциплинарным подходам, а именно к психолингвистическому или лингвокогнитивному моделированию. Е.Ф. Тарасов пишет: «Когда лингвист исследует знания, используемые носителями языка в речевом общении, обслуживаемом языковыми знаками, он выходит на периферию своей профессиональной деятельности и даже покидает ее и действует во многом как профан: поэтому закономерны попытки сотрудничества лингвистов в этой области и с философами, и с логиками, и с психологами. Для того, чтобы воспользоваться выгодами корректного сотрудничества лингвистов с психологами и возникла психолингвистика. Поэтому обращение к образу сознания при анализе содержательной стороны речи характерно прежде всего для психолингвистов, которые более четко ориентируются в психологических представлениях об образах сознания» [Тарасов 2004: 42].

Психолингвисты намечают пути изучения идентичности. Так, Е.С. Ощепкова совершенно справедливо обозначает две категории, в рамках которых можно изучать психолингвистическую сущность идентичности, – образы сознания и деятельностная парадигма коммуникации [Ощепкова 2012: 130]. При помощи психолингвистических методов можно выявить неосознаваемые, *ускользающие* семантические компоненты самономинаций³ и именованных других. Теория речевой деятельности способна существенно скорректировать применение дискурса-анализа.

Для изучения лингвистических аспектов идентичности/самоидентификации мной предполагается использовать комплекс лингвистических и психолингвистических методик в рамках антропоцентрической парадигмы в лингвистике:

1. Лингвистические методы анализа предусматривают анализ средств языка, участвующих при выражении и описании идентичности (лексем, фразеологических единиц, грамматических конструкций).

1.1. Метод описания инвариантных моделей самоидентификации. Данный метод использован мной в статье «Инварианты и варианты синтаксических конструкций со значением принадлежности говорящего субъекта к группе / категории лиц» (сдана в печать).

1.2. Метод моделирования лексических полей предусматривает описание лексических средств языка со значением принадлежности к группе/категории. Языковые средства идентификации родства, пола и возраста проанализированы в статье «Языковые средства идентификации/самоидентификации как нечеткие (размытые) лингвистические множества» [Лаппо 2010] в рамках прототипического подхода когнитивной лингвистики. Размытые лингвистические множества представляют собой структурированный тем или иным образом континуум языковых единиц, имеющих различный семантический «вес».

1.3. Дискурс-анализ направлен на описание стратегий самоидентификации, к которой прибегает языковая личность. К примеру, ведущими способами само-

³ Заметим, что вопрос о самономинации и самокатегоризации – пока основной в социологических исследованиях идентичности. Вопросы об удовлетворенности своим положением в анализе социологов привязан к вопросу о категоризации.

идентификации Ю.М. Лотмана как элитарной языковой личности являются: при отстранении – косвенное и эмоционально негативное маркирование, при актуализации идентичности – эмоционально амбивалентное и концептуальное метафорическое маркирование.

2. Психолингвистические методы предполагают изучение языкового сознания носителей русского языка.

2.1. Ассоциативный эксперимент направлен на изучение ассоциативного значения лексем номинирующих принадлежность человека к определенным социальным группам и категориям. Важным является не столько номинирование, сколько тот смысл, который вкладывается в то или иное самообозначение.

2.2. Классификационный эксперимент (метод группировки слов). Испытуемому нужно отнести ряд слов к одной или нескольким категориям, данная операция «базируется на ощущении сходства или несходства смыслов слов» [Фрумкина 2001: 63]. Классификационный эксперимент позволяет оценить содержательную сторону самономинации (дополнительные семантические признаки, не вычленимые другими методами, связь с номинациями одного уровня других категорий людей, то есть т. н. микроуровень иерархии, эмоциональные и поведенческие характеристики).

2.3. Метод семантического дифференциала в исследовании идентичности можно применять для построения психосемантических пространств. Так, нами собран материал для анализа идентичностей одной студенческой группы в векторах *позитивный / негативный* и *опасный / безопасный*.

Применение данной программы может иметь как теоретическую, так и практическую значимость. Во-первых, учет лингвистических и психолингвистических аспектов идентичности/самоидентификации вписывается как зарубежный социологический опыт, так в отечественную традицию изучения человека говорящего (деятельностный подход в психологии и психолингвистике, интегральный подход к лексическому значению слова, современная теория дискурса и др.). Во-вторых, полученные результаты можно применять в практике преподавания русского языка как иностранного, лингвокультурологии, при решении экспертных задач (например, лингвистическая экспертиза спорных текстов на предмет атрибуции текста, выявлении языковых маркеров разжигания межгрупповой ненависти и др.); кроме этого, результаты исследования могут применяться в практике психокоррекции проблем личности.

Список литературы

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 25–60.

Енина Л.В., Чепкина Э.В. Самоидентификация журналиста в прямом эфире на радио // Изв. Уральск. гос. ун-та. – 2010. – № 3(78). – С. 159–167.

Кобозева И.М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарных исследований: учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 100–115.

Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 90–106.

Латно М.А. Языковые средства идентификации/самоидентификации как нечеткие (размытые) лингвистические множества // Дискретность и континуальность в

языке и тексте: Материалы Международной конференции «Континуальность и дискретность в языке и речи. Язык как живая система в в исследовательских парадигмах современной лингвистики» / под ред. Т.А. Трипольской. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. – С. 92–102.

Леонова Е.В. К вопросу о дискурсивном пространстве формирования и вербализации идентичности // Языковые и культурные контакты: Сб. научн. трудов. – Саратов, 2010. – С. 68–73.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание. Парадоксальная рациональность / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16–21.

Маркова Е.А. К вопросу о языковой идентичности // Языковой аспект интеграции и самоидентификации в современном мире: мат-лы межвузовск. научно-практич. конф. / отв. ред. Г.О. Лукьянова. – М., 2010. – С. 238–242.

Матузкова Е.П. Междисциплинарные научные подходы к изучению идентичности // Мова і культура (Науковий журнал). – Киев: Видавничий дім Д. Бураго, 2012. Вип. 15. – Т. I (155). – С. 79–86.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.

Ощепкова Е.С. Языковые основы идентичности // Жизнь языка в культуре и социуме-3 / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: Эйдос, 2012. – С. 420–422.

Рассоха М.Н. К проблеме функций языка: функция идентификации // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2012. – № 1-2 (9). – С. 40–47.

Русаков В.М. Опасности иррациональной самоидентификации // Альманах «Дискурс-ПИ» (электронный журнал). – Вып. 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://discourse-pm.ur.ru/avtor5/rusakovvm.php>

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства). – М.: Наука, 1985. – 335 с.

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. – 2004. № 2. – С. 34–47.

Фадеечева М.А. Национальная и этническая идентичность: гражданин между холизмом и робинзонадой // Альманах «Дискурс-ПИ» (электронный журнал). – Вып. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://discourse-pm.ur.ru/avtor/fadeicheva.php>

Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.

Шалина И.В. Уральское городское просторечие как просторечный феномен: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – 43 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1987. – 192 с.

Шаховский В.И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. – 2007. № 5. – С. 3–13.

Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 340 с.

Balint E. Commentary on Philip Bromberg's "On Knowing One's Patient Inside Out" // Psychoanalytic Dialogues. – 1991. – 1 (4). – P. 423–430.

LaBelle S. Language and Identity. Introduction // The Language, Society and Power Reader. Ed. by A. Mooney and others. – London and New York: Routledge, 2011. – С. 291–293.

С.С. Шляхова

УДК 811.511.13

SWOT-АНАЛИЗ КОМИ-ПЕРМЯЦКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

В статье предлагается SWOT-анализ (внутренний и внешний коммуникационный аудит) ситуации коми-пермяцко-русского двуязычия. Рассматриваются сильные и слабые стороны, возможности и угрозы билингвизма на различных уровнях: билингвизм и принадлежность к коми-пермяцкому этносу, билингвизм и принадлежность к российскому обществу, билингвизм и принадлежность к мировому сообществу. Устанавливается, что преимущества, получаемые коми-пермяками от коми-пермяцко-русского двуязычия, значительно превышают угрозы родному языку со стороны русского влияния.

Ключевые слова: пермские языки, коми-пермяцкий язык, «малые» языки, двуязычие, SWOT-анализ.

Svetlana S. Shlyakhova

SWOT-ANALYSIS OF THE KOMI- PERMIC-RUSSIAN BILINGUALISM

The article offers a SWOT-analysis (internal and external communication audit) of the situation of the Komi-Permyak-Russian bilingualism. Explores the strengths, weaknesses, opportunities and threats bilingualism at different levels: bilingualism and belonging to the Komi-Permyak ethnos, bilingualism and membership to the Russian society, bilingualism and belonging to the world community. Is established, that the benefits derived by the Komi-Permyak from the Komi-Permyak-Russian bilingualism, significantly exceed the threat of the native language by the Russian influence.

Keywords: Permic languages, Komi-Permyak language, local languages, bilingualism, SWOT-analysis.

Коми-пермяцкий язык – язык коми-пермяков, основного населения Коми-Пермяцкого округа, расположенного на северо-западе Пермского края РФ. Относится к пермской ветви финно-угорской подсемьи уральских языков и состоит в близком родстве с языками коми-зырян и удмуртов. Около 90 % коми-пермяков свободно владеют русским языком.

«Языковая ситуация Пермского края может быть охарактеризована как поликомпонентная и при этом гетерогенная, гетероморфная и неравновесная <...> Языковая ситуация на территории бывшего Коми-пермяцкого округа отличается от общей языковой ситуации Пермского края». Там «широко представлен коми-пермяцко-русский билингвизм, в то время как русско-коми-пермяцкий билингвизм представлен довольно редко» [Русская спонтанная речь коми-пермяков 2007: 3-4]. Таким образом, можно говорить о ситуации однополярного двуязычия, т. е. преимущественного влияние русского языка на коми-пермяцкий. Исследования показывают, что однополярное двуязычие, в отличие от полилингвизма (биполярного двуязычия), обладает большей силой воздействия на ассимилятивные процессы.

Предметом нашего SWOT-анализа является ситуация коми-пермяцко-русского двуязычия. Аббревиатура SWOT (Strengths – сильные стороны, Weakness – слабые стороны; Opportunities – возможности; Threats – угрозы) впервые была применена в 1963 г. в Гарварде профессором К.Р. Andrews на конференции, посвя-

щенной проблемам бизнеса и политики. С тех пор SWOT-анализ является необходимым элементом исследований при составлении стратегических и маркетинговых планов любого уровня.

На наш взгляд, SWOT-анализ может являться важным компонентом стратегической оценки языковой ситуации. Полученная в результате анализа матрица может послужить базой для формирования эффективной коммуникационной стратегии коми-пермяцкого этноса в ситуации двуязычия.

Сильные и слабые стороны – это внутренние черты ситуации, следовательно, ей подконтрольные. Возможности и угрозы связаны с характеристиками внешней среды и слабо поддаются влиянию этноса.

Сильные стороны ситуации могут быть использованы как основа для формирования стратегии и конкурентного преимущества того или иного языка. Если сильных сторон недостаточно, то внутри этноса должна создаваться база, на которой эта стратегия могла бы основываться. В то же время успешная стратегия должна быть направлена на устранение слабых сторон, которые делают этнос уязвимым, мешают его самоидентификации.

SWOT-анализ ситуации коми-пермяцко-русского двуязычия должен учитывать факторы, связанные с проблемами толерантности, а также с языковой ситуацией в России в целом. Нормальное самосознание гражданина новой России – это единство трех начал: 1) чувство принадлежности к своему этносу своему народу, любовь и уважение к национальным традициям и истории народа, стремление владеть национальным языком и культурой; 2) чувство принадлежности к многонациональному российскому обществу, российский патриотизм, непременно сопряженный с отказом от национального (этнического) тщеславия, от представления о своей этнической исключительности и о неполноценности других народов; 3) чувство принадлежности к мировому сообществу, чувство ответственности не только за судьбы своего народа и страны, но и всего мира [Леонтьев, электронный ресурс].

Рассмотрим все составляющие SWOT-анализа внешней и внутренней коммуникационной среды относительно названных позиций: принадлежность к коми-пермяцкому этносу, к российскому обществу, к мировому сообществу (табл. 1, 3, 4).

Коммуникационный аудит внутренней среды предполагает анализ сильных и слабых сторон. Сильные стороны – это то, что предоставляет этносу дополнительные возможности для самосохранения в ситуации двуязычия. Сила может заключаться в навыках, значительном опыте, ценных организационных ресурсах или конкурентных возможностях, достижениях, которые дают этносу преимущества в коммуникационной среде. Сила может также являться результатом альянса с этносами, имеющим опыт или потенциальные возможности для усиления своей конкурентоспособности. Слабые стороны – это отсутствие чего-то важного для этнической самоидентификации или то, что этносу не удается (в сравнении с другими), или нечто, ставящее его в неблагоприятные условия. Слабая сторона в зависимости от того, насколько она важна в коммуникационной среде, может сделать этнос уязвимым, а может и никак не влиять на ситуацию. Основные элементы внутренней среды включают:

- Готовность политических сил и исполнительных органов власти исполнять / противодействовать эффективной / неэффективной национальной политике государства.

- Наличие и активность общественных организаций, культурных сил, действий интеллигенции внутри этноса и во внешней среде, направленных на позиционирование и продвижение этноса, возвышение его имиджа, влияющих на этническую самооценку.
- Технические возможности, которые помогают этносу достигать своих целей, влияют на создание и продвижение информационных продуктов, которые предлагаются коми-пермякам, и на их ответную реакцию.
- Целенаправленная и системная деятельность этноса, направленная на этническую самоидентификацию: национальные премии, обучение на родном языке, сохранение и развитие национальных традиций, мотивация изучения родного языка, социально-экономические условия труда и жизни людей, привлечение квалифицированных кадров.
- Связи с родственными этносами.

Коммуникационный аудит внешней среды включает анализ возможностей и угроз. Возможности и угрозы находятся вне зоны контроля этноса. Основные элементы внешней среды включают:

- Законодательные / регулирующие / политические силы. Действия властей в виде национальной политики, а также требования законодательного и регулирующего характера, которым должны подчиняться все граждане РФ.
- Общественные организации, культура, действия интеллигенции со стороны внешней среды. Это напрямую затрагивают этнос, когда граждане оказывают давление на организации и личностей, чья деятельность воспринимается ими как недопустимая.
- Технические возможности, помогающие другому этносу достигать своих целей, влияют на информационные продукты, которые предлагаются коми-пермякам, и на их ответную реакцию.
- Экономическая ситуация, общее состояние экономики, под воздействием которой формируются этнические сознание и лояльность.
- Языковая конкуренция, природа и масштаб конкурентной угрозы:
  - 1) интенсивность языковой конкуренции;
  - 2) угроза появления новых конкурентов;
  - 3) потребности этноса в родном и конкурирующем языке;
  - 4) конкурентоспособность родного и конкурирующих языков;
  - 5) давление со стороны конкурирующих языков.

Представим конкретный анализ ситуации коми-пермяцко-русского двуязычия.

Из Таблицы 1 видно, что, несмотря на распространенное мнение, коми-пермяцкий язык как один из миноритарных средств общения нельзя отнести к исчезающим языкам даже при условии большого количества негативных факторов, влияющих на актуализацию коми-пермяцкого языка в жизни этноса. Около 70% коми-пермяков владеют родным языком [Всероссийская перепись населения 2010]. В социально-коммуникативной системе он занимает свою незамещаемую русским языком зону общения. На территории Коми-пермяцкого округа он обладает достаточным функциональным статусом: используется в устной и в письменной (редко) форме не только в сфере семейно-бытового общения, но и в сфере производствен-

Таблица 1. Двуязычие и принадлежность к коми-пермяцкому этносу.

Сильные стороны	Возможности
<ol style="list-style-type: none"> 1. Общественная организация «Югор» 2. Национальный театр, литература, публицистика, радио- и телепередачи 3. Национальные школы 4. Национальные праздники 5. Фольклорные коллективы 6. 79% считают к.-п. родным языком 7. Специальность «коми-пермяцкий язык и литература» в ПГГПУ 8. Устойчивость традиционных ментальных и языковых моделей – знаковость и пассионарность колдунов, народное православие 9. К.-п. язык в социально-коммуникативной системе занимает свою незамещаемую русским языком зону общения, в том числе в функции «тайного языка» 10. К.-п. язык средство зонального (территориально ограниченного) внутриэтнического общения 11. Создание и переиздание учебников по к.-п. языку для средней школы 12. Связи с финно-угорским миром, включенность в российское и мировое сообщество родственных этносов 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сохранение языка и культуры является условием выживания коми-пермяков как самостоятельного этноса 2. Активизация национального книгоиздания, публицистики, театра, традиционных праздников, наличие специалистов по к.-п. языку и литературе позволит активизировать процессы сохранности национального языка 3. Связи с финно-угорским миром позволят повысить этническую самооценку и лояльность коми-пермяков к собственной этничности 4. Переводы с коми-пермяцкого на русский и наоборот обеспечат сохранность и развитие коми-пермяцкого языка, его самобытность 5. Через перевод возможен когнитивный сдвиг этноса в сторону универсального, абстрактного, научного, художественного знания
Слабые стороны	Угрозы
<ol style="list-style-type: none"> 1. Политические спекуляции на национальном вопросе внутри общественных организаций, этнополитическая ангажированность языковой политики; многие из национальных программ носят умозрительный характер, далекий от реального положения дел; недостаточность оргуправленческой рефлексии, безусловная подчиненность центру. 2. Исторически типичная для коми-пермяков ассимиляция в межнациональном взаимодействии. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Инертность этноса по отношению к возможному исчезновению своего языка и культуры. 2. Утрата образования на коми-пермяцком языке может привести к деформации не только этноса в целом, но и отдельной личности. 3. Возможные полуязычие и полукультурность. Интегрирующие процессы приводят к образованию редуцированной, а не единой и обогащенной культуры, когда человек уже не чувствует себя свободным в атмосфере ни одной из культур.

Слабые стороны	Угрозы
<p>3. Закрытие или отсутствие национальных школ.</p> <p>4. Падение тиражей литературы, газет, журналов на к.-п. языке.</p> <p>5. Слабое финансирование сферы культуры.</p> <p>6. Низкая этническая самооценка и низкая лояльность коми-пермяков к собственной этничности; деформация этнического сознания: дефицит национальной идентичности, разрушение позитивного образа собственного этноса.</p> <p>7. Слабая мотивация к изучению родного языка.</p> <p>8. Уменьшение численности людей, обладающих чертами пассионариев (поэты, писатели, лингвисты).</p> <p>9. Отсутствие государственной автономии и политической самостоятельности.</p> <p>10. Слабая выраженность исторических и культурных детерминант национального самосознания (историческое прошлое и традиции народа, обычаи и нормы поведения, культура).</p> <p>11. Отсутствие переводческой школы, переводы памятников мировой культуры происходят спонтанно, несистемно, часто неквалифицированно.</p> <p>12. Отсутствие или слабая письменная и устная традиция в современной науке, делопроизводстве, публицистике.</p> <p>13. Отсутствие повсеместной практики использования родного языка.</p> <p>14. Нежелание коми-пермяков говорить, читать и писать на родном языке.</p> <p>15. Функционирование СМИ преимущественно на русском языке.</p> <p>16. Отсутствие академических грамматик, словарей, справочников.</p> <p>17. Владение литературным родным языком не является социально престижным.</p> <p>18. К.-п. язык практически не обслуживает производственную, политическую, экономическую, административную, научную, правовую, педагогическую сферы деятельности этноса.</p> <p>19. Высокая конкурентоспособность русского языка по сравнению с к.-п.</p> <p>20. Низкий уровень социально-экономического развития Коми-Пермяцкого региона и вытекающие отсюда социальные проблемы.</p>	<p>4. Возможное исчезновение к.-п. языка без специальных программ поддержки со стороны государства, но, прежде всего, активной позиции самого этноса.</p>

ной и общественной деятельности, частично в сфере образования, радиовещания и СМК, издания литературных текстов и т. д.

Разграничивая сферы общения, коми-пермяцкий и русский языки дополняют друг друга. Русский язык используется в основном в тех сферах, в которых у коми-пермяков в досоветский период не было потребности.

Коми-пермяцкий язык выступает консолидирующим и объединительным фактором коми-пермяков, средством зонального (территориально ограниченного) внутриэтнического общения.

В функциональном отношении коми-пермяцкий язык в зоне компактного расселения коми-пермяков выполняет существенные общественные функции, позволяющие ему, наряду с традиционной культурой, сохранять этническую идентификацию, несмотря на мощное воздействие функционально активного русского языка. В зоне дисперсного расселения коми-пермяков родной язык выступает в функции индивидуализации этнической идентификации по принципу «свой-чужой» («тайный язык»), а также как средство семейно-бытового общения.

Идентифицирующим этническим признаком для коми-пермяков остается родной язык. Около 30% коми-пермяков не могут идентифицировать то, что делает его коми-пермяком; 11% вообще не видят своей связи с этносом. Менее всего коми-пермяки связывают свою этническую принадлежность с исторической памятью (8,2%), национальной одеждой и пищей (5,1%), патриотизмом (2,8%), национальной культурой (1,8%). Эти показатели говорят о заниженной национальной самооценке коми-пермяков. Опасность заключается в том, что личность с заниженной национальной самооценкой ведет себя инертно, пассивно, не стремится изменить создавшееся положение и безмолвно взирает на исчезновение своего этноса и языка. В числе факторов-интеграторов наиболее существенным оказался для коми-пермяков родной язык (среди сельских респондентов его указали 55,2%, а среди горожан – 22,5%) [Дерябин 1997].

Эти факты позволяют говорить о том, что программы повышения лояльности этноса к родному языку автоматически оказывают позитивное влияние на этническое самосознание и оценку, сохранность культуры и традиций народа. Таким образом, именно усилия лингвистов позволят эффективно активизировать процессы этнического возрождения.

В то же время сокращается доля коми-пермяков, считающих родным языком коми-пермяцкий, и все более возрастает влияние русского языка. Общеизвестны также проблемы, связанные с нежеланием молодых, т. е. более образованных и динамично мыслящих пермяков, изучать родной язык и активно пользоваться им. В целом только треть коми-пермяков предпочитают говорить на родном языке.

Ограниченное издание книг на коми-пермяцком языке тормозит его распространение и укрепление в общественном сознании. Так, по данным Российской книжной палаты, в 2012 г. было выпущено только четыре книги (общий тираж 4,1 тыс.) на коми-пермяцком языке и две (тираж 2,5 тыс.) – переведены на русский язык. Для сравнения: на коми-зырянском издано 40 книг (тираж 49,5 тыс.), на удмуртском – 28 книг (тираж 63,8 тыс.). За первое полугодие 2013 г. на коми-пермяцком языке не вышло ни одного издания, на коми-зырянском – 17 (тиражом 22,3 тыс.), на удмуртском – 9 (тиражом 11,4 тыс.). В то время как в 1931 г. XX в. на коми-пермяцком языке было издано 59 наименований книг, каждая тиражом 2000-3000 экземпляров.

Сегодня даже в высшей школе изучение коми-пермяцкого языка ведется по учебнику «Коми-пермяцкий язык» (Кудымкар, 1962), который был составлен авторским коллективом под руководством В. И. Лыткина почти пятьдесят лет назад.

Все это приводит к тому, что коми-пермяцкий язык сдает свои позиции даже среди близких языков-родственников.

Этноидеологическая советская модель «великорусского шовинизма» сегодня сменилась моделью «шовинизма национального», что очевидно, например, в социальных процессах ближайших «родственников» коми-пермяков – удмуртов. Выбор удмуртами финно-угорской модели идентификации вслед за «успешными» финнами, эстонцами и венграми обусловлен конструктом лингвистической науки (родство языков). Пропаганда идеи «финно-угорского мира», в конечном счете, направлена на реализацию идеи национальной государственности [Кардинская 2006]. В коми-пермяцком дискурсе сегодня ситуация такова, что удмурты, финны и венгры больше заинтересованы в сохранении и развитии коми-пермяцкого языка, чем сами коми-пермяки.

В среде коми-пермяцкой интеллигенции реализуется модель «мира народов коми» (зыряне и пермяки), владеющего одним языком коми [Оньё Лав 2006]. Однако заметны существенные расхождения между этноидеологическими конструкциями и реальным запросом этноса. Можно предположить, что все попытки возродить коми-пермяцкий язык оказываются практически безрезультатными, поскольку не вытекают из объективной потребности этноса, а обусловлены исключительно этноидеологическими причинами.

На сегодняшний день в коми-пермистике можно выделить два подхода к определению коми-пермяцкого языка: коми-пермяцкий язык рассматривается как самостоятельный язык, имеющий литературную форму (Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман и др.); коми-пермяцкий язык квалифицируется как пермяцкий региональный литературный вариант (наряду с зырянским) национального языка коми [Оньё Лав 2006].

В специальной литературе по коми-пермистике считается, что формирование коми-пермяцкого литературного языка было в основном завершено к 1929 г. Однако литературно-просветительская практика того времени показывает следующее.

В 1927 году с целью создания коми-пермяцкой письменности и издания учебников, научно-методических разработок по родному языку при Окружном Совете народных депутатов было создано научно-исследовательское бюро. По азбуке на основе иньвенского диалекта с 1922 по 1925 гг. А.Н. Зубов и М.П. Лихачев составили первые учебники для неграмотного населения и младших школьников «К новой жизни», «Для чтения и письма». В 1926-27 гг. А.Н. Зубов и М.П. Лихачев перешли на язык объединенного диалекта, в который, как и в зырянский, была введена буква Л. Началась работа над новыми учебниками. В 1928 году «Центриздат» выпустил новую коми-пермяцкую азбуку М.П. Лихачева. Начали выпускаться учебники на основе новой азбуки: «Коми-грамматика» (1928) А.Н. Зубова, «С новой жизни» (1929) М.П. Лихачева, «Ясное утро» (1931) совместно А.Н. Зубова и М.П. Лихачева. С 1929 по 1937 гг. в округе было выпущено 147 учебников, научно-методических и научно-практических разработок, книг для обучения детей в школах округа на коми-пермяцком языке. В 1932 году был принят латинизированный алфавит. М.П. Лихачев переработал все учебники на латинизированный лад. С 1932

по 1938 г. все учебники и научно-методические разработки издавались в округе на латинизированной основе. С 1938 года был принят алфавит на основе кириллицы. Учебники снова начали издавать на кириллической основе [Бачев 1995; Коньшин 2006].

Факты показывают, что за десять лет было предпринято несколько попыток создания учебников на основе разных систем письменности. Говорить о качестве этих учебников не приходится (за восемь лет несколько человек подготовили к изданию 147 учебников и пособий). Безусловно, нельзя говорить и о том, что коми-пермяцкий литературный язык существовал хоть в каком-либо виде.

Необходимо также обратиться к историческим фактам, которые не позволяют однозначно принять 1921-1929 гг. за дату формирования литературного коми-пермяцкого языка.

Экономические и социальные факторы к XX веку складывались не в пользу пермяков. Из финских народов: зырян, удмуртов и пермяков – последние оказались в наименее благоприятных условиях, что определило более низкий уровень социально-экономического развития пермяцких территорий к моменту Октябрьской революции.

В ноябре 1918 г. – марте 1919 г. территория края была ареной боевых действий армии Колчака и 29-ой дивизии III Красной Армии, и только в середине июня 1919 г. части белой армии оставили пермяцкий край.

Для решения вопросов в области просвещения в сентябре 1920 г. была открыта Пермская инструкторская коллегия. Началась работа над пермяцкой письменностью. За ее основу был принят заимствованный у коми-зырян молодцовский алфавит. В конце 1921 г. был издан пермяцкий букварь, положивший начало комизации школы – обучению детей на родном языке. В 1922-1923 гг. сформировался литературный кружок, давший основу развитию коми-пермяцкой литературы. В 1923 г. прошел первый съезд культурных сил края, который подвел некоторые итоги комизации школы, развития культуры, одобрил коми-пермяцкий литературный язык. В 1924 г. было образовано общество «Долой неграмотность» с 37 ликпунктами. Ликвидация неграмотности проходила на родном языке. В начале 1920-х гг. началась подготовка руководящих кадров. В июле 1923 г. при Усольской совпартшколе была открыта пермяцкая секция. В Пермской совпартшколе обучались 11 человек, в Пермском университете – 24 коми-пермяка. В 1938 г. поселок Кудымкар был преобразован в город [Коньшин 2006: 23-27]. По переписи 1926 г. городское население в округе отсутствует.

Анализ исторических фактов показывает, что коми-пермяцкий литературный язык был сформирован через два года после ухода Колчака из округа, в один год с выходом первого букваря на исчезнувшем впоследствии молодцовском алфавите, за три года до начала ликвидации неграмотности коми-пермяцкого народа, за два года до первого съезда культурных сил края, за семнадцать лет до образования первого городского поселения, при этом только 24 коми-пермяка в это время учились в университете.

Получается, что литературный язык коми-пермяков был сформирован в среде сельских жителей при практически полном отсутствии грамотного, а тем более хорошо образованного населения (в том числе и учителей), при отсутствии письменности, литературной традиции и даже учебников для средней школы. Говорить

о владении литературной формой коми-пермяцкого языка на то время хоть каким-то процентом населения не представляется возможным. Очевидно, что никакие этноидеологические конструкции и декреты не могут регулировать естественные процессы, происходящие в языке.

В коми-пермяцком языке на то время отсутствовала более или менее установившаяся письменность, литературная традиция, общая разговорно-литературная форма национальной речи, тенденция к общенародности и нормативность. Поэтому, на наш взгляд, 1921-1929 гг., которые принято считать датой формирования коми-пермяцкого литературного языка, можно считать лишь первой сознательной попыткой культивирования весьма несовершенного его варианта. На сегодня литературная форма коми-пермяцкого языка остается во многом искусственно и слабо культивируемой формой.

Анализ показывает, что коми-пермяцкий литературный язык находится в стадии становления, которая в последнее время приобретает характер стагнации: отсутствует какое-либо движение в сторону усиления свойств литературного языка. На сегодня следует говорить о том, что признаки литературного языка, свойственные развитым литературным языкам, весьма слабо выражены в коми-пермяцком языке (Табл. 2).

Таблица 2. Признаки литературного языка

Признаки литературного языка	Степень выраженности в к.-п. яз.	Проблемы становления литературной нормы в коми-пермяцком языке
Наддиалектность	Слабая	1. Противопоставленность только диалектам. 2. Отсутствие городского просторечия. 3. Отсутствие общенациональной разговорной формы.
Нормированность	Слабая	1. Отсутствие общенациональной разговорно-литературной нормы. 2. Отсутствие или слабая письменная и устная традиция в современной науке, делопроизводстве, публицистике. 3. Отсутствие повсеместной практики использования родного языка. 4. Нежелание коми-пермяков говорить, читать и писать на родном языке. 5. Функционирование СМИ преимущественно на русском языке. 6. Отсутствие национальных школ.
Кодифицированность	Практически отсутствует	1. Отсутствие академических грамматик, словарей, справочников. 2. Кодификация на уровне учебников для средней школы.

Функционально-стилистическая дифференцированность	Слабая	1. Отсутствие или слабая письменная и устная традиция в современной науке, делопроизводстве, публицистике, СМИ. 2. Недостаточная сформированность системы функциональных стилей.
Полифункциональность	Слабая	1. Функция «домашнего» языка преимущественно в сельской местности. 2. Неспособность обслуживать все сферы коммуникации.
Стабильность	Высокая	1. Неизменность норм с 1921 года. 2. Преподавание родного языка по учебникам середины XX века.
Социальная престижность	Практически отсутствует	1. Деформация этнического сознания: дефицит национальной идентичности, разрушение позитивного образа собственного этноса. 2. Владение литературным родным языком не является социально престижным.
Гетерогенность	Слабая	1. Слабо выражена или отсутствует возможность варьирования языковых средств. 2. Слабо развития система функциональных стилей.

Отрядным фактом в данной ситуации можно считать лишь то, что в целом формирование коми-пермяцкого литературного языка протекает в рамках тех же закономерностей и процессов, которые наблюдались в мировой практике формирования национальных литературных языков Запада и Востока. Это позволяет говорить о потенциальной возможности развития полноценного национального коми-пермяцкого литературного языка при наличии определенных социально-экономических условий в развитии коми-пермяцкого этноса. Однако, по мнению геополитиков, проблемы полноценного национального развития коми-пермяков вряд ли могут быть решены в ближайшее время.

Исследования относительно возможности возрождение национальных языков приводят к выводам о том, что это возрождение происходит тогда, когда возникает мотивация (идеологическая, социально-психологическая, экономическая) их использования, возрастает их престиж и, соответственно, укрепляется приверженность к ним. Коми-пермяцкий этнос слабо мотивирован на приверженность к родному языку.

Высокая способность коми-пермяков адаптироваться к жизни в сложных, экстремальных условиях не способствует к стремлению изменения существующего порядка, а также к появлению пассионариев.

Кривые роста и падения пассионарности отражают общие закономерности этногенеза. С точки зрения пассионарности, этногенез – это ряд фаз, определяемых деятельностью пассионариев:

- 1) фаза подъема – увеличение количества пассионариев;
- 2) акматическая фаза – наибольшее число пассионариев;
- 3) фаза надлома – резкое уменьшение их числа;
- 4) инерционная фаза – медленное уменьшение их численности;
- 5) фаза обскурации – замена пассионариев субпассионариями – возможное исчезновение этноса [Крысько 2002: 47].

На наш взгляд, фаза подъема развития этноса относится к концу XIX в., когда среди коми-пермяков начинает увеличиваться число людей с качествами пассионариев: учителя Н.А. Рогов и Е.Е. Попов, священник А. Попов и др. Акматическая фаза связывается с началом XX в., когда в округе начинается активное формирование общественного самосознания в сфере культуры, литературы, лингвистики. Среди людей того времени с некоторыми чертами пассионариев – композиторы А. Бурдин и В. Субботин, литераторы А. Зубов, М. Лихачев, Ф. Зубов, И. Гагарин, С. Караваяев, Н. Попов, В. Дерябин, Ф. Тараканов, Ф. Тупицын, А. Тупицына, Ф. Сыстеров и др. К периоду «расцвета» СССР относится становление и активное развитие коми-пермяцкой лингвистики (Е.В. Ботева, Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман и др.) и литературоведения (В.В. Пахорукова, М.Н. Ожегова, В.В. Климов и др.). Фаза надлома и резкое уменьшение численности пассионариев относится к эпохе перестройки и исчезновения Советского Союза. Сегодня, на наш взгляд, наблюдается уменьшение численности людей, обладающих чертами пассионариев, что знаменует начало инерционной фазы. Среди современных подвижников можно назвать поэтессу Анну Истомину, писателя Василия Климова, лингвиста Ольгу Лав, которые прилагают неимоверные усилия для сохранения и интеграции коми-пермяцкой культуры в общее культурное пространство.

В. Климов посвятил жизнь фиксации и сохранению коми-пермяцкого фольклора. А. Истомина создает исследовательские эссе, где рассматривает коми-пермяцкий язык как частицу общемирового языкового процесса. Ольга Лав переводит в электронный формат тексты на коми-пермяцком языке и включает их в Интернет-коммуникации, а также добивается духовной «консолидации» народов коми (зырян и пермяков) в единый этнос. Продолжают филологическую традицию Р.М. Баталова и В.В. Пахорукова.

Характерно, что коми-пермяки, которым свойственны черты пассионариев, имеют непосредственное отношение к языку, через который осуществляется попытка влияния на весь этнос.

Из Таблицы 3 видно, что высокая конкурентоспособность русского языка по сравнению с коми-пермяцким может грозить языковым сдвигом в будущем, а также привести к ситуации полуязычия и полукультуры. Одновременно с этим возможности, получаемые этносом от ситуации двуязычия, значительно превышают угрозы со стороны русского влияния.

Русский язык вызвал к жизни потенциальные возможности коми-пермяцкого языка, ускорил его развитие, в чем немалую роль играли литературная деятельность и переводы. В 20-30 гг. XX в. параллельно с созданием коми-пермяцкой литературы начинается переводческая деятельность, устанавливаются творческие контакты между русскими и коми-пермяцкими писателями. Однако все усилия творческой интеллигенции были направлены на создание и перевод учебников, букварей, учебной литературы.

Таблица 3. Двуязычие и принадлежность к российскому обществу

Сильные стороны	Возможности
<p>1. Коми-пермяки владеют русским языком несколько лучше, чем родным: свободно владеют к.-п. языком 81,2% коми-пермяков, русским – 85,9%.</p> <p>2. Русский язык является средством межэтнического общения.</p> <p>3. Разграничивая сферы общения, к.-п. и русский языки дополняют друг друга. Русский язык используется в основном в тех сферах, в которых у коми-пермяков в досоветский период не было потребности.</p> <p>4. Актуализация модели «мира народов коми» (зыряне и пермяки), владеющего одним языком коми.</p> <p>5. Двуязычие коми-пермяков обусловлено не столько политическими факторами, сколько давними историческими, социально-экономическими и культурными связями русских и коми-пермяков.</p>	<p>1. Однополярное двуязычие не является катастрофическим для к.-п. языка по сравнению с языками других малых народов; он продолжает сохранять свою самобытность.</p> <p>2. Коми-пермяцко-русское двуязычие – объективная потребность совместного существования в рамках федеративного государства с его единым рынком, устойчивыми и многообразными политическими, экономическими и культурными связями между разными народами многонационального государства.</p> <p>3. Двуязычие и контакты с русским этносом – приобщение к мировым ценностям (Библия, художественная литература и пр.); развитие связи, транспорта, образования, медицины, промышленности, торговли, искусства, литературы, печати, театра и пр.</p> <p>4. Овладение русским языком – социальная необходимость для коми-пермяков: возможность получения современного образования, возможности занимать более высокое социальное положение, необходимость модернизации жизненного уклада коми-пермяцкого этноса, растущие потребности в информатизации и внедрении новых технологий.</p> <p>5. Обращение к русскому языку и литературе представителей к.-п. литературы связано с воздействием на актуализацию потенциальных возможностей к.-п. языка, ускорением развития художественной культуры, осуществляемое через переводческую деятельность и авторизированные переводы.</p>
Слабые стороны	Угрозы
<p>1. Коми-пермяцко-русское двуязычие является однополярным, что является мощным фактором, способствующим ассимиляции к.-п. языка.</p>	<p>1. Коми-пермяцко-русское двуязычие движется в сторону русского языка, который обладает большими функциональными возможностями</p> <p>2. К.-п. язык не испытывает сильного давления со стороны русского (отсутствие принуждения), происходят естественные активные взаимосвязи этноса (выбор); в ближайшее время языковой сдвиг коми-пермяцкому языку не грозит, хотя и возможен в будущем.</p>

<p>2. К.-п. язык практически не обслуживает производственную, политическую, экономическую, административную, научную, правовую, педагогическую сферы деятельности этноса</p> <p>3. К.-п. язык формирует черты, характерные русскому языку; в том числе «деформируется» синтаксический, морфологический и фонетический строй языка</p> <p>4. Высокая конкурентоспособность русского языка по сравнению с к.-п.</p>	<p>3. Возможное исчезновение к.-п. языка без специальных программ поддержки со стороны государства, но, прежде всего, активной позиции самого этноса.</p>
---	---

В коми-пермяцком дискурсе до сих пор не существует переводческой школы, не поднимаются проблемы теории и практики перевода, переводы памятников мировой культуры происходят спонтанно, несистемно, часто неквалифицированно. Однако именно перевод обеспечит, с одной стороны, сохранность и развитие коми-пермяцкого языка, его самобытность. С другой стороны, через перевод возможен когнитивный сдвиг этноса в сторону универсального, абстрактного, научного, художественного знания.

Опыт развития литературного двуязычия в коми-пермяцком этносе показывает, что двуязычие не является показателем утраты национальной культуры и не является пагубным для национального развития. Русский язык оказывает значительное воздействие на актуализацию потенциальных возможностей коми-пермяцкого языка, ускоряя развитие художественной культуры, осуществляемое через переводческую деятельность и авторизированные переводы в национальных литературах.

Обращение к русскому языку и литературе представителей коми-пермяцкой литературы сопровождалось отходом от патриархального средневекового мышления к мышлению нового времени, что открывало широкие возможности для художественного поиска.

В исследовании проблем двуязычия, на наш взгляд, можно найти ответы на вопрос о путях перехода от фольклорно-эпических традиций коми-пермяцкой литературы к психологическому наполнению прозы, к реалистическому характеру и образу. Синтез национальной и универсальной картин мира обнаруживается в творчестве писателей-билингвов.

В связи с этим большое значение имеет исследование проблем билингвизма в единстве с проблемами ментальности, художественного этнографизма, позволяющими, несмотря на язык (русский или коми-пермяцкий) произведения, проследить этнохудожественные основы творчества.

Ярким примером актуализации этнического (коми-пермяцкого) и «мирового» сознания является творчество Анны Истоминой. Ментальность этноса проявляется как в коми-пермяцких, так и русскоязычных текстах автора. В коми-пермяцких текстах А. Истоминой осознание цикличности жизни («Кӧр кусӧ ар...», «Шогмӧм. Кулӧм», «Ветлӧтан отирӧт»), олицетворение природы, видение в березе лица своего деда, человеческой души («Кытчӧ ті, отир, мунатӧ?», «Чочком лым югдӧтіс зыбкайс» и др.) имеет под собой основу древних верований народа коми. Вместе с тем огонь и свеча – символы духовного горения, образ старой церкви, образ Бога, образ дороги – также ярко выражают стихию душевных переживаний лирической героини.

Одновременно с этим для поэзии А. Истоминой основные вопросы – вопросы философские: в чем смысл жизни, где начало ее и конечна ли она, свободен ли человек или над ним вечно витает призрак смерти, возможно ли решить дилемму «тело – душа». В связи с глубиной затрагиваемых вопросов мироощущение лирической героини охватывает, начиная с маленькой точки земного шара – ее коми Родины, всю Землю и Космос. Это заметили и передали в стихотворениях и переводчики [Пахорукова 1995].

Именно философские вопросы бытия не является типичными для ментальной парадигмы коми-пермяцкого этноса, а потому стихи А. Истоминой считаются «сложными».

С другой стороны, русскоязычная повесть-сказка «Страна Абу» полностью написана по мотивам коми-пермяцкого фольклора. Герои повести – жители страны Абу Пеля и Синма – попадают в разные локусы и встречаются с их повелителями: чомор в чоме, чудок в бане, луншерика Мара в стране Ыбэс, яга Кукра и ягиня Мали в стране Ягма, ёма Кикимора в стране Нюрма, куль Вакрамеш в стране Вааты и пр. Русскоязычная стилистика повести не мешает передавать национальный колорит повествования.

Сбалансированные программы решения взаимоотношения этносов позволяют нейтрализовать угрозы со стороны русского языка, оставляя при этом возможности, предоставляемые коми-пермяцко-русским билингвам.

Таблица 4. Двуязычие и принадлежность к мировому сообществу

Сильные стороны	Возможности
<p>1. Пропаганда идеи «финно-угорского мира» осуществляется преимущественно посредством русского языка и способствует повышению уровня этнического самосознания. Сегодня удмурты, финны и венгры больше заинтересованы в сохранении и развитии к.-п. языка, чем сами коми-пермяки.</p> <p>2. Русский язык выступает средством межэтнического общения финно-угров на территории РФ.</p> <p>3. Высокая конкурентоспособность русского языка по сравнению с другими финно-угорскими языками.</p>	<p>1. Связи с финно-угорским миром позволят повысить этническую самооценку и лояльность коми-пермяков к собственной этничности.</p> <p>2. Возможность дополнительного финансирования национальных программ по сохранению к.-п. языка и культуры.</p> <p>3. Начало формирования научной переводческой традиции (перевод Библии на к.-п. язык в Хельсинки).</p> <p>4. Активизация процессов, направленных на этническую актуализацию самосознания этноса.</p> <p>5. Возможность получения образования в странах финно-угорского мира.</p>
Слабые стороны	Угрозы
<p>1. Политические спекуляции на национальном вопросе внутри общественных организаций, этнополитическая ангажированность языковой политики со стороны финно-угорского мира.</p>	<p>1. Возможное обострение национальных отношений, раскол внутри этноса.</p> <p>2. Втягивание этноса в этнополитические конфликты.</p>

2. Инертность этноса в целом к активным контактам с мировым сообществом.	
--	--

Из Таблицы 4 видно, что высокая конкурентоспособность русского языка по сравнению с другими финно-угрскими языками в определенной степени затрудняет связь этноса с другими финно-уграми. Одновременно с этим коммуникации с финно-угрским миром в рамках российской среды осуществляется посредством русского языка.

Включенность коми-пермяков в мировой финно-угорский контекст происходит при помощи этнических общественных организаций. Однако часто «вся «деятельность» общественной организации замыкается на своем собственном дискурсивном пространстве моделей, программ, резолюций и публикаций, число которых растет. Многие из программ носят умозрительный характер, далекий от реального положения дел» [Кардинская 2006]. Так, член Комитета по экономической политике и предпринимательству ГД РФ К. Бесчетнов и президент некоммерческого партнерства «Центр изучения коммуникационных технологий и интеграционных процессов на постсоветском пространстве и в странах Евросоюза «Ливадийский клуб» И. Шатров предлагают: «Почему бы Кудымкару не сменить Хельсинки в роли мировой финно-угорской столицы? Пусть эта цель сейчас и кажется призрачной, однако если в результате проведения форума Кудымкар станет более известным в финно-угорском мире, эта задача уже не будет выглядеть такой нереальной».

И. Шатров считает, что для развития связей Кудымкара с финно-угорским миром активнее следует использовать имеющийся потенциал учебных заведений города. В частности, открыть факультеты по изучению финно-угорских языков на базе филиала Удмуртского государственного университета в Кудымкаре. Речь идет не только о языках народов, проживающих в России. В Кудымкаре нужно готовить специалистов в области венгерского, эстонского, финского и других иностранных языков финно-угорской группы. Это позволит городу и региону ещё быстрее включиться в мировые интеграционные процессы [Хорошева 2009].

Едва ли подобная «маниловщина» способна решать реальные коммуникационные и этнические проблемы. Однако, на наш взгляд, несмотря на политическую ангажированность деятельности многих организаций, даже простое «сотрясение воздуха» относительно повышения этнического самосознания лучше, чем полное отсутствие какой-либо этнически ориентированной деятельности.

Разыгрывается и спекулятивная этническая карта, о чем говорят и сами коми-пермяки. Сотрудничество родственных народов за последние годы выявило сильные и слабые, световые и теневые стороны отношений. Постепенно выявляются негласные претензии на лидирующее положение среди финно-угров РФ. На эту роль претендовали представители Марий Эл и Республики Коми. В конечном итоге в Йошкар-Оле были сосредоточены координирующие центры по культурному, а в Сыктывкаре – по политическому сотрудничеству. Зарубежные государства, имея свои интересы, пытаются влиять на финно-угорские народы, проживающие в РФ. Например, Венгрия активно использовала фактор финно-угорского сотрудничества в период подготовки к вступлению в Североатлантический Союз. Эстония, имея

после распада СССР достаточно напряжённые отношения с Россией из-за территориальных споров, сглаживала их лояльностью к родственным народам, проживающим в России [Рычков, электронный ресурс].

Сегодня ситуация такова, что удмурты, финны и венгры больше заинтересованы в сохранении и развитии коми-пермяцкого языка, чем сами коми-пермяки. Активно изучается история коми-пермяцкого этноса и языка в Кудымкарском филиале Удмуртского госуниверситета (директор А. Коньшин); в Хельсинки на коми-пермяцкий язык переводят Библию (консультант А. Грейдан); венгерские студенты изучают коми-пермяцкий язык под руководством коми-пермяцкого преподавателя Л.Г. Пономаревой.

Можно предположить, что все попытки возродить коми-пермяцкий язык оказываются практически безрезультатными, поскольку не вытекают из объективной потребности этноса, а обусловлены исключительно этноидеологическими причинами. Движения за сохранение национального языка внутри этносов закономерны и, безусловно, встречают сочувствие.

Значимость коми-пермяцко-русского двуязычия и впредь будет возрастать, что связано с необходимостью модернизации жизненного уклада коми-пермяцкого этноса, с растущей потребностью в информатизации и внедрении новых технологических моделей. Однако необходимо создание научно обоснованной концепции, на базе которой можно будет моделировать языковую политику, направленную на гармонизацию и взаимодополнение русского и коми-пермяцкого языков.

На первом этапе SWOT-анализа нами проведена стратегическая оценка языковой ситуации. Следующие этапы SWOT-анализа должны послужить для формирования эффективной коммуникационной стратегии этноса в ситуации двуязычия. Надеемся, что в дальнейшем такая программа будет создана. Однако важным условием ее создания и реализации являются не языковая политика государства, не усилия со стороны финно-угорского мира, а воля и желание самих коми-пермяков. На наш взгляд, одним из условий этого является консолидация усилий интеллектуальной (не политической!) элиты этноса, отдельных личностей (Р. Баталова, В. Климов, Онъё Лав, А. Истомина, П. Королев, А. Коньшин, В. Дерябин, А. Лобанова и др., лингвисты, писатели, интеллигенция), которые сегодня действуют разрозненно.

Список литературы

Бачев Г.Т., Зубов Ю.П. Страницы истории Коми-Пермяцкого автономного округа. – Пермь, 1995. – 237 с.

Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/ (дата обращения 14.09.13).

Дерябин В.С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития. М.: РАН. Ин-т этнологии и антропологии, 1997. – 24 с.

Кардинская С.В. Этничность в идеологических конструктах удмуртских СМИ // Социологические исследования. 2006. – № 6. – С. 54–60. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/830/792/1219/007_Kardinskaya.pdf (дата обращения 14.09.13).

Коньшин А.Е. Социально-экономическая история развития коми-пермяцкой деревни в 1917-1940 гг. : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук – Ижевск, 2006. – 52 с.

Крысько В.Г. Этническая психология / В. Г. Крысько. – М.: Академия, 2002. – 320 с.

Леонтьев А.А. Россия: многокультурность и толерантность // Век толерантности. – Вып. 1-2. URL: <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-rossiya.php?PrPage=VT> (дата обращения 14.09.13).

Оньё Лав. К вопросу о соотношении диалектов, региональных стандартов и национального языка коми // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Международного симпозиума (30-31 марта 2006 г., Пермь) – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2006. – С. 136–145.

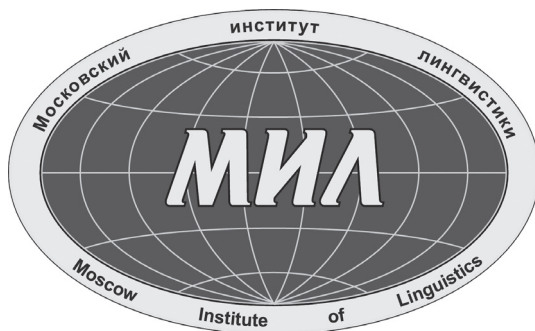
Пахорукова В.В. Образный мир Анны Истоминой // II Международная научная конференция «Коми-пермяки и финно-угорский мир»: тезисы докладов. – Сыктывкар, 1995. – С.56–57.

Русская спонтанная речь коми-пермяков. Звучащая хрестоматия / Под. ред. Т. И. Ерофеевой. – Пермь, 2007. – 72 с.

Рычков В.В. Коми-пермяки в финно-угорском мире // Коми-пермяцкий автономный округ // URL: <http://www.komiokrug.ru/komi-permjaki-v-finno-ugorskom-mire-2.php> (дата обращения 04.09.12).

Хорошева Е. Из Хельсинки в Кудымкар предложено перенести штаб-квартиру Консультативного комитета финно-угорских народов 05.02.2009 // URL: <http://www.finnougoria.ru/news/index.php> (дата обращения 08.12.12).

НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»

приглашает принять участие в международной конференции

**Общество – язык – культура:
актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке**

Основная проблематика:

- Теория и практика перевода. Проблемы лингводидактики;
- Коммуникация, культура и межкультурные контакты;
- Теория языка;
- Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания и образования в XXI веке. Туризм, социально-культурный сервис, менеджмент как факторы перемен в межкультурной коммуникации;
- Проблема текста и дискурса.

До 1 ноября 2014 г. в оргкомитет необходимо предоставить:

- 1) заявку на участие в конференции;
- 2) материалы для публикации (тезисы).

по адресу vm@inyaz-mil.ru

Конференция состоится в ноябре 2014 года в Московском институте лингвистики по адресу: Москва, Новомосковская ул., д. 15 А.

Hristo Kyuchukov, Jill de Villeirs

УДК 81'23

ROMA CHILDREN'S KNOWLEDGE ON ROMANI

Abstract: The paper presents preliminary findings from a research with Roma children from Bulgaria. 30 Roma children between the age of 3;0 - 6;0 years old were tested with specially developed test to measuring the level of knowledge of 9 grammatical categories in Romani language, however in the paper are presented only results about the knowledge of 3 categories: wh- questions, wh -complement and passives. The Roma children are normally developing. The results show that with the growth of the age the knowledge of the children on these three categories increase as well.

Keywords: assessment, Romani language, children.

Introduction

At the age of 1-3 years, Roma children learn the grammatical rules of Romani as a mother tongue in the same way as any normally developing children learn any other language as a mother tongue [Brown, 1973; Bowerman, 1973; de Villier and de Villiers, 1978; Slobin, 1985]. In an earlier publication, Kyuchukov (2005) described some strategies used by the Roma mothers for introducing Roma grammar using songs and fairytales. But they also use a strategy known in the literature "say after me," known from the classic study by Shieffelin (1986) with Kaluli children. The Roma mothers in Bulgaria use the same strategies using the Roma words *penta* (say it) or another strategy which is popular among the Indian mothers, where the mother names an object and asks the child to bring that object to her, finding it among many other objects.

It is known that Roma children usually grow up as bilinguals and learn two or three languages simultaneously from a very early age. In many East and Central European countries, Roma children attend kindergartens and they start learning the official language of the country in a systematic way. Romani language, the mother tongue, is not used in the educational systems of the countries and it is not regarded as an asset, but exactly the opposite. Very often teachers, educators and researchers think Romani creates problems in the learning process of the official language. This is why in many cases the teachers and caregivers in kindergartens and preschools forbid the children to use their mother tongue at school.

Although there are recommendations by the Council of Europe that Romani should be introduced in kindergartens by the age of 3 (see Council of Europe Recommendation CM/Rec (2009)4 (June 2009) on Roma education), in many countries this is not done yet.

A recent UNHCR Report (2012: para.10) on Bulgaria is critical:

"[...] article 36 (2) of the Constitution states that "citizens whose mother tongue is not Bulgarian shall have the right to study and use their own language alongside the compulsory study of the Bulgarian language." However, this is not interpreted as providing the right for minorities to receive education in their mother tongue as the language of instruction. Minority languages can be studied as "selected subjects" where a sufficient minimum number of students make the choice. Bulgaria has not signed or ratified the European Charter for Regional and Minority Languages which requires the provision of education in regional or minority languages and the provision of judicial administrative and public services in minority languages."

UNHCR points out (para. 25): "Many Roma start school without a proper grasp of Bulgarian since they commonly speak Romany or Turkish in their community interactions; this leaves them disadvantaged from the early years of education. The 2011 census data revealed that 85 per cent of Roma identified Roma as their mother tongue." Its assessment (para. 79) "The Government's obligation to guarantee equal access to quality education for Roma children remains overwhelmingly unfulfilled."

There are no published studies on the knowledge of the children in Romani between the age of 3 and 6 years. There is no systematic scientific information about the level of knowledge of Roma children on different grammatical categories in Romani. Consequently, using the methodology of Hirsh-Pasek, Kohankoff, Newcombe and de Villiers (2005), a new test for language assessment of Romani language was developed. It is based on the idea of Hirsch-Pasek et al. that an "assessment should be built on current empirical work in the various developmental domains" (p.1). The approach is to use the newly developed Romani language assessment test to measure the knowledge of the children living in countries where the Slavic languages are the official language of the country in order to find what are the level of knowledge of Romani, such as Bulgaria, Macedonia, Serbia, Croatia, the Czech Republic, Slovakia and Ukraine.

The Study

The tests consisted of the following subtests, for a total of 80 items:

- Test 1- Wh- questions: asked whether children give exhaustive answers to questions such as "who slept where"?
- Test 2 - Wh complements. This test asks whether children can successfully comprehend a "long distance" wh question such as "What did mother tell the boy to buy?," with nonfinite and finite tensed complements.
- Test 3 – Passives: a comprehension test with two forms of passive, action verbs (hit, kick) and stative verbs (frighten, love).
- Test 4: Sentence repetition task with relative clause structures.
- Test 5 – Possessives: in Romani, both the gender/ number of the possessor and the gender/ number of the possessed dictate the possessive morphology. Known and novel nouns were used to tap expression in a wug test (Gleason, 1958)..
- Test 6 – Aspect: comprehension of ongoing versus completed aspect was tested.
- Test 7 – Tense: Novel verbs were used to tap tense production in a wug test
- Test 8 - Fast mapping nouns: novel nouns were introduced for which gender morphology allowed their correct referent to be determined.
- Test 9 - Fast mapping adjectives: novel adjectives were used whose gendered morphology could be used to narrow down the referents.

The children involved in the study are between the age of 3 to 6 years old and all of them are from southeastern Bulgaria, from the village of Rosen, near the city of Burgas. A total of 30 children were tested, divided into three age groups:

- 1st group: 3;0 - 3;11 years old
- 2nd group: 4;0 - 4;11 years old
- 3rd group: 5;0 - 6;0 years.

Some preliminary results

Here we present the results of only three subtests. It is important to note that none

of these aspects has been tested before with children who speak Romani, so this is new research and we need to establish baselines.

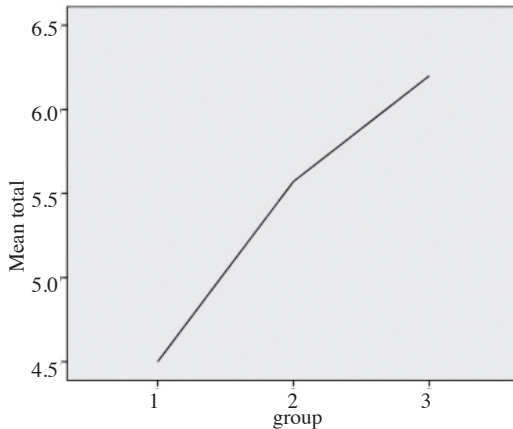
- Wh-pairs, that tested whether children gave exhaustive responses to “who bought what?” This required an expressive response. This logical property of wh-questions, that they require an exhaustive, paired response, has been the subject of much recent research across a variety of European languages. It is well established that children who do not gain this aspect of exhaustivity on the usual timetable are at risk for difficulties in language development in English.

- Passives, a picture choice test (out of 3) looking at both actions and psychological verbs. Passives represent another aspect of syntax that is demanding in the preschool and early school years, because understanding passive sentences relies on subtle morphology that indicates that the usual order of agent and patient is reversed. In other languages, problems with passive are frequent in language disorders.

- Complements, looking at children’s answers to wh-questions from either tensed or nonfinite clauses with the verb “say”. This also required a short expressive response. Complement clauses entail embedding of a sentence under a verb, and they are examples of recursion. The tense of complements is very critical for indicating whether the clause has a truth value, or is about something that has not yet happened. The integration of the hierarchy of clauses and the tense makes this challenging for preschool children and a good kind of test for delays.

Although the number of the children in the study is limited, the results from the three subtests show some promising trends. First we note how the age groups did in the overall score. The results are shown in the Graph 1.

Graph 1. Overall score of the groups

As can be seen from the graph, the children show significant differences by age. The younger children 3;0 - 3;11 years old have the lowest result in all subtests, and the oldest children 5;0 - 6;0 years old have the highest results in all three subtests. This means the tests have the right properties of discriminating well by age.

These results are also shown clearly in Table 1. The significant difference by age group ($F=4.026$, $p=.03$) is shown clearly.

Table 1. The significant difference in score by age groups

Tests of Between – Subjects Effects

Dependent Variable: total

Source	Type III Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
Corrected Model	12.926 ^a	2	6.463	4.026	0.32
Intercept	719.734	1	719.734	448.378	.000
group	12.926	2	6.463	4.026	.032
Error	35.314	22	1.605		
Total	799.000	25			
Corrected Total	48.240	24			

a. R Squared = .268 (Adjusted R Squared = .201)

It is useful to examine how the children performed in the tests themselves. The tests were adapted into the dialect of the children as needed.

In regard to performance of the passive test, it is evident that the results are not significant by type, but are significant by age. Previous work across several languages has demonstrated that children show more difficulty with the type of passives with mental or stative verbs rather than simple action verbs, These results are shown in Table 2.

Table 2. Results from Passive Sub-test

Tests of Within – Subjects Contrasts

Measure: MEASURE_1

Source	typepassive	Type III Sum of Squares type	df	Mean Square	F	Sig.
typepassive	Linear	.004	1	.004	.001	.971
typepassive * group	Linear	2.482	2	1.241	.443	.647
Error (typepassive)	Linear	70.000	25	2.800		

Tests of Between – Subjects Effects

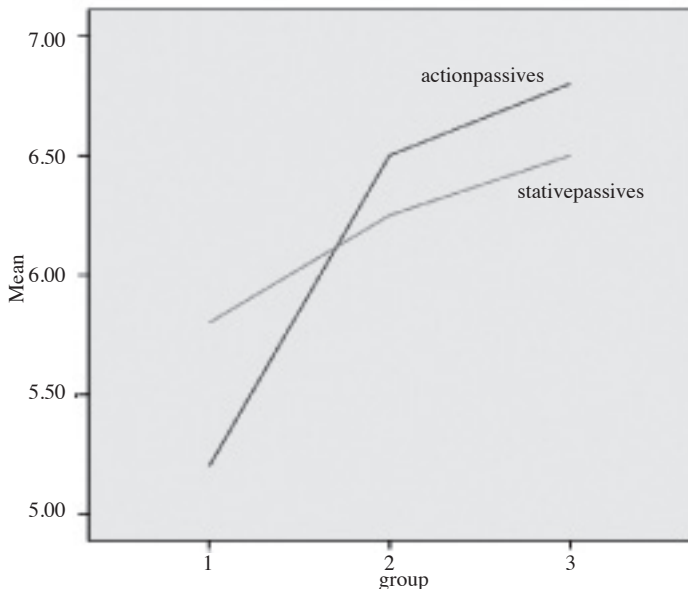
Measure: MEASURE_1

Transformed Variable: Average

Source	Type III Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
Intercept	2111.850	1	2111.850	1609.642	.000
group	14.254	2	7.127	5.432	.011
Error	32.800	25	1.312		

It is clear that the passive types do not differ statistically, but the results are significant only by age groups. This can be seen in the Graph 2.

Graph 2. Results from passives test

One can see that with increased age, the children’s knowledge of passives increases as well.

Let us look how the children perform in the next test: the wh-questions. Again the results are presented in table and graph form. The results in Table 3 show that the wh-test works very well, showing increase with age.

Table 3. Results from wh- test

Tests of Between – Subjects Effects

Dependent Variable: totwh

Source	Type III Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
Corrected Model	33.663 ^a	2	16.832	5.240	.013
Intercept	697.545	1	697.545	217.171	.000
agegrp	33.663	2	16.832	5.240	.013
Error	73.875	23	3.212		
Total	840.000	26			
Corrected Total	107.538	25			

a. R Squared = .313 (Adjusted R Squared = .253)

However, with this small sample, the test is significant only for children between the ages of 3 and 5 years. There is no significant difference between children 3 and 4 years old and children 4 and 5 years old.

The complements or embedded sentences show a very clear significant difference by tense type. Graph 3 shows indicates that the children perform much better in the nonfinite type of complements than the finite. This has been noted elsewhere, such as in English and German, where it was found that children have a much easier time understanding:

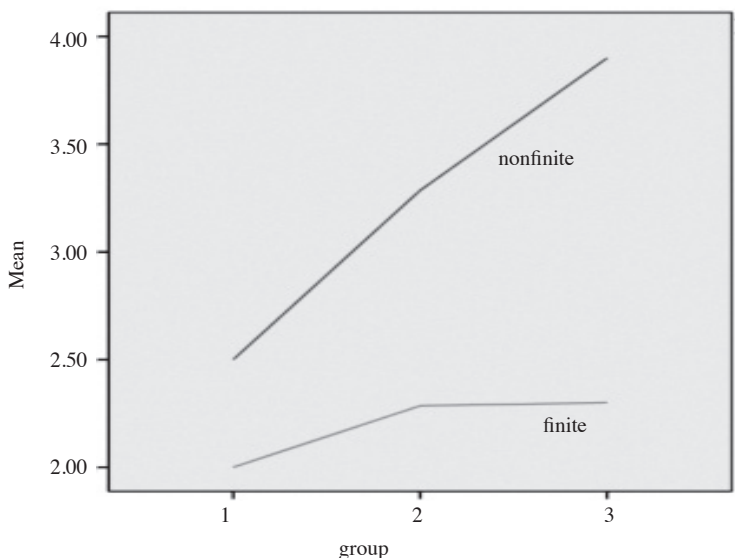
1) What did the man say to bring?

than the tensed counterpart

2) What did the man say he brought?

This is true even when the scenarios for each type depict events that entail some “mistake,” e.g. “the person did not bring what the man said to bring” in 1), or “that man did not bring what he said he brought,” in 2). Importantly in Romani, the surface differences between the two types are very minor, yet they are clearly discriminated by the children.

Graph 3. Performance of complements test

The performance in the complements test show the effect of tense and age. With increased age, the children's performance improves and they are much better answering at wh-questions with the nonfinite type of complements. This is displayed in Table 4.

Table 4. Results from the complements test

Tests of Within – Subjects Contrasts

Measure: MEASURE_1

Source	tense	Type III Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
tense	Linear	13.062	1	13.062	17.739	.000
tense * group	Linear	2.720	2	1.360	1.847	.181
Error (tense)	Linear	16.200	22	.736		

Tests of Between – Subjects Effects

Measure: MEASURE_1

Transformed Variable: Average

Source	Type III Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
Intercept	359.867	1	359.867	448.378	.000
group	6.463	2	3.231	4.026	.032
Error	17.657	22	.803		

Conclusions

Although the number of the children is limited in the study, preliminary results show some significant trends:

1. With increased age the children perform much better on each of the tests.
2. Most of the children display a good knowledge of the grammatical categories from their mother tongue, compatible with the results on similar tests in other languages.

These results demonstrate that the Roma children, similar to other children in the age bracket 3;0-6;0 years, acquire all grammatical categories from the language, and this is a good basis for further mother tongue education of Roma children in the preschool and primary school. It can potentially serve as a test for demonstrating competence as they enter school, and identifying those children who have genuine language problems in their mother tongue, once norms from a larger group are fully established.

References

Brown, R. A First Language. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1973.
Bowerman, M. Early syntactic Development. Cambridge University Press. 1973.
de Villiers, J. and de Villiers, P. Language Acquisition. Harvard University Press. 1973.
Gleason, J. B. The Child’s Learning of English Morphology. Word, 14. – P. 150-177. 1958.

Kyuchukov, H. Early socialization of Roma children in Bulgaria. In: Xoan Paulo Rodriguez-Yanez, Anxo M. Lorenzo Suarez & Fernando Ramallo (eds.), *Bilingualism and Education: From the Family to the School*. Muenchen: Lincom Europa. 2005.

Pasek, Kohankoff, Newcombe and de Villiers Using scientific knowledge to inform preschool assessment: Making the case for "empirical validity". *Social Policy Report*, v. XIX, N 1, – P. 3–11. 2005.

Shieffelin, B. The acquisition of Kaluli. In D. Slobin (ed.), *The cross-linguistic study of language acquisition*. Hillsdale, N.J. Erlbaum. – P. 525–593. 1986.

Slobin, D. Croslinguistic Evidence for the Language-Making Capacity. In: D. Slobin (ed.) *The crosslinguistic study of Language acquisition*, vol. II, *Theoretical issues*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1985.

UNHCR UN Human Rights Council, Report of the independent expert on minority issues. <http://bit.ly/xINets>, 2012.

А.О. Кузнецова

УДК 81'23

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ АЛТИМАТ ФРИСБИ

В статье исследуются языковые средства конструирования идентичности в спортивной субкультуре алтимат фрисби. Исследование проводится на материале 52 текстов-описаний команд и данных собранных этнографическими методами (опросы, интервью, включенное наблюдение). В центре внимания находится феномен групповой идентичности с акцентом на ее гендерной составляющей. Выделяются смысловые доминанты, лежащие в основе конструирования групповой идентичности, описывается ряд гендерно значимых стратегий (само)позиционирования.

Ключевые слова: язык, дискурс, гендер, идентичность, (само)позиционирование.

Alexandra O. Kuznetsova

CONSTRUCTION OF IDENTITY IN THE DISCOURSE OF ULTIMATE FRISBEE (ON THE MATERIAL OF DESCRIPTIONS OF TEAMS)

The article explores the linguistic methods of (self-)positioning and construction of identity in the sports subculture ultimate frisbee. The research is based on the material of 52 description texts of teams and on the data that has been collected by using ethnographic methods (polls, interviews, participant observation). The study focuses on the phenomenon of group identity, in particular on its gender component. The article identifies semantic dominants that form the basis of the construction of group identity; it describes number of gender relevant strategies for (self-)positioning.

Keywords: language, discourse, gender, identity, (self)positioning.

Исследование роли языка в создании идентичности – одно из важных направлений современной лингвистической науки. Исследователи обращаются к различным типам (аспектам) социальной идентичности – этнической, гендерной, профессиональной и др. Методологической основой таких исследований является теория социального конструктивизма, в которой язык признается средством конструирования социального мира.

Гендер, как и другие аспекты социальной идентичности, является конструктом и понимается как совокупность оязыковленных представлений (стереотипов, идеалов, образцов и т.п.), отражающих понимание мужественности и женственности в данном обществе на определенном историческом этапе. Гендерные представления воплощены в различных видах речевых практик, предпочтениях и бытованиях индивидов и групп [Кирилина 1999; Гриценко 2010, 2012].

Вопросы конструирования гендера исследовались на материале различных дискурсивных сфер: в СМИ [Кирилина, Гриценко 2011], в литературе и кино [Ажгихина 2000], в лексикографии [Сергеева 2003; Кирилина 2004], в предвыборном дискурсе [Гриценко 2009], в песенном дискурсе [Дуняшева 2012] и т.д. В статье представлены результаты изучения языковых средств конструирования гендера в

---

¹ Алтимат фрисби – командный вид спорта с летающим диском, пришел в Россию в конце 1980-х из США.

дискурсе молодежной спортивной субкультуры алтимат фрисби¹. В фокусе внимания находится феномен групповой идентичности с акцентом на ее гендерной составляющей. Подобный подход связан с тем, что алтимат фрисби является командным видом спорта, что не может не влиять на идентификационные практики игроков: речь идет о преломлении гендерного «я» в практиках группового социального и речевого действия.

Цель работы – выявить и описать лингвистические средства конструирования идентичности (групповой и гендерной) в спортивной субкультуре алтимат фрисби.

Методологически исследование базируется на конструктивистской теории и положениях филологической герменевтики. В основу интерпретативных методик положена так называемая коннекционистская модель – способ интерактивной обработки информации, при котором стимулы и сигналы извне (вербальные или невербальные) активируют определенные участки мозга, где возникают и передаются далее разного рода ассоциации, выстраивающиеся в смысловые цепочки [Залевская 1985; Paivio 1986; Rumelhart 1989]. Исследование предполагает использование комплексной методики, включающей:

- элементы лингвокогнитивного анализа – когнитивные метафоры, ассоциативные связи, фреймы и сценарии как способы (само)позиционирования;
- методы филологической герменевтики и смысловой интерпретации с опорой на понятия импликации, инференции, presupпозиции;
- лексико-семантический анализ с элементами стилистической интерпретации;
- дискурсивные методы анализа мультимодальной составляющей рассматриваемой субкультуры.

Материал для анализа отбирался в ноябре 2013 – феврале 2014 гг. методом сплошной выборки с трех интернет-сайтов команд алтимат фрисби (www.175g.ru, www.oksidisko.ru, www.sokolultimate.ru), а также из материалов, размещенных командами в социальных сетях *ВКонтакте* (www.vk.com) и *Facebook* (www.facebook.com). На первом этапе отбирались все тексты из разделов «История команды», «О команде» и «Мы о себе», где игроки рассказывают о создании команды, ее успехах и планах. В результате корпус для анализа составили 52 текста объемом от 2 до 45 предложений, в том числе по 16 текстов – о мужских и женских командах и 20 – о смешанных командах. Общее количество слов в текстах составляет более 2000 на каждую из трех названных групп.

Примечательно, что хотя анализировались сайты российских (русскоязычных) команд, 4 текста в материале выборки представлены на английском языке. Это можно рассматривать как подтверждение глубины вхождения глобального английского в коммуникативные и идентификационные практики российского социума и свидетельство трансформации «чужого» (иностранного языка) в «свое» (языковой ресурс самоидентификации).

Отобранные тексты были проанализированы на предмет выявления ключевых идентификационных смыслов. Наиболее полно в анализируемом материале представлена смысловая доминанта МОЛОДОСТИ И СИЛЫ, которая актуализируется посредством ряда слов с семой «молодость» и характеристик игроков как

молодых, сильных и активных. При этом тип команды (мужская, женская или смешанная) не имеет значения – данная смысловая доминанта характерна для текстов всех команд и носит метагендерный характер:

*Несколько ветеранов составляют основу команды, все остальные – **молодые** спортсмены, (большинство из них играют не больше трёх лет) известные боевым характером и волей к победе* [Описание мужской команды ЮПитер, эл. ресурс].

*Наша **молодая** команда набирает **силы**, мы находимся в лаг-фазе своего **развития**, но, судя по настроению, впереди можно ожидать экспоненциальный рост :)* [Описание женской команды Мата Roach, эл. ресурс].

*Спортивный клуб по алтимат фризби «Йошкин Кэтс» начинает **НАБОР МОЛОДЫХ ИГРОКОВ** в свою команду. Нам нужны **активные** парни и девушки любого возраста* [Описание смешанной команды Йошкин Кэтс, эл. ресурс].

Акцентуация молодости часто опосредована темой студенчества.

*Началом существования фризби в Пскове можно считать лето 2004 года, когда несколько **студентов** Псковского политехнического института проходили практику в В. Новгороде* [Описание мужской команды Ирбис, эл. ресурс].

*Мы все познакомились на **Студенческой Лиге** (турнир в Москве среди **студенческих команд**), где играли за разные вузы Москвы и, через определенное время общения, решили объединить свои усилия и создать команду* [Описание женской команды AirHeart, эл. ресурс].

*Игроки команды «Белки» уделяют большое внимание Духу игры, развитию алтимат фризби в Белгороде, привлечению **студентов** и **школьников** на тренировки команды* [Описание смешанной команды Белки, эл. ресурс].

Амплификация смысловой доминанты МОЛОДОСТИ И СИЛЫ достигается за счет ассоциаций с идеей развития, роста и перспектив.

*Юпитер – это центр **развития** алтимата в Санкт-Петербурге* [Описание мужской команды ЮПитер, эл. ресурс].

*Каждый из нас **работает** над собой, шаг за шагом, **становясь всё более и более сильным** Игроком* [Описание мужской команды ОксиДискО, эл. ресурс].

*Наша цель – **развить** женский алтимат в нашем регионе и поднять его на достойный уровень* [Описание женской команды Куба, эл. ресурс].

*После нескольких лет игрового опыта мы обновили состав и оставили только самых **сильных развивающихся** игроков* [Описание женской команды Tequila, эл. ресурс].

*После этого турнира мы поняли, что для **дальнейшего роста** необходимо тренироваться, спарринговаться с другой, опытной командой* [Описание смешанной команды СПбГУ, эл. ресурс].

*Также, часть **сильных перспективных** игроков решает выйти из состава и посвятить себя созданию новой команды* [Описание смешанной команды BioZone, эл. ресурс].

Второй смысловой доминантой, определяющей специфику самопозиционирования в рассматриваемом типе речевых практик, является идея БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ. В основном она актуализируется метафорой «битвы», которая лексически выражается однокоренными глаголами, отглагольными существительными и их синонимами:

Мы не раз **добивались** результатов, о которых приятно вспомнить [Описание мужской команды *ОксиДискО*, эл. ресурс].

С тех пор, с 2009 года, мы стараемся **пробиться** с dna российского алтимата к вершинам доминанции [Описание мужской команды *Me & My Monkey*, эл. ресурс].

Бились до последнего и... **выбили** (ну не в буквальном смысле, конечно) первые медали [Описание женской команды *Re:Диски*, эл. ресурс].

Догма много раз **завоевывала** разнообразные трофеи как в России, так и за рубежом [Описание женской команды *Догма*, эл. ресурс].

Если этим летом ты хочешь научиться чему-то новому, найти новых друзей, стать еще красивее и сильнее, побывать на соревнованиях и **сражаться** за медали, хватит сомневаться [Описание смешанной команды *Йошкин Кэте*, эл. ресурс].

При этом важно не забывать, что пираньи идут в **борьбу** за диск ровно настолько, сколько им необходимо чтобы не нанести вреда здоровью игроку противоположной команды [Описание смешанной команды *Piranha*, эл. ресурс].

Кроме того, игроки команд используют характерные эпитеты в описаниях ситуации игры для воссоздания нужных смыслов и акцентуации силы и целеустремленности.

Бывало, что мы уходили с поля **битыми**, но осознавая, что всё возможное оставили на поле. Эти игры закаляли нас, позволяя нам расти и **закалять** характер [Описание мужской команды *ОксиДискО*, эл. ресурс].

“Текила” неоднократно боролась за призовые места, показав **боевой** настрой, сплоченность и рост команды в игровом плане [Описание женской команды *Tequila*, эл. ресурс].

Пираний отличает **бойцовский** характер, хотя по первому брошенному на них взгляду человек обычно не понимает, что перед ним опасный соперник, который будет бороться до конца и не опустит рук ни при каких обстоятельствах [Описание смешанной команды *Piranha*, эл. ресурс].

Поскольку в спорте цель каждой команды – это победа, в текстах неизменно подчеркивается мотив чемпионства и лидерства, который правомерно считать частью смысловой доминанты БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ:

Алтимат-клуб *Сокол* – трехкратный **Чемпион** России по алтимат-фрисби [Описание мужской команды *Сокол*, эл. ресурс].

Нашей целью является **лидирующая** позиция на крупных российских турнирах [Описание мужской команды *Rockets*, эл. ресурс].

В 2011 году *Las Chicas* выиграли **Пляжный чемпионат** России и сохранили титул **чемпионок** за собой до сих пор [Описание женской команды *Las Chicas*, эл. ресурс].

Участвуя в турнирах, мы ставим **высокие цели** и постоянно **двигаемся вперед** [Описание женской команды *Tequila*, эл. ресурс].

Для того чтобы успешно выступить на **Чемпионате** России 2006, в конце летнего сезона команда объединилась с другой питерской командой – *Sky Pro* [Описание смешанной команды *Flying Steps*, эл. ресурс].

Беспорный лидер и капитан команды – *Мальков Антон* [Описание смешанной команды *BioZone*, эл. ресурс].

Семантически релевантным средством можно считать квантификацию – информацию о количестве и датах одержанных побед, которая в данной ситуации выполняет не столько функцию информирования, сколько эмфатизации: фактологичность придает достоверность описаниям, помогает убедительнее представить команду и передать настрой игроков.

*Команда **шесть раз (1999–2003, 2005)** выигрывала Чемпионат России и **семь раз (2000–2006 г.г.)** завоевывала победу в крупнейшем зальном чемпионате – Лорд Новгород [Описание мужской команды ЮПитер, эл. ресурс].*

***Летом 2011 года** приходит первый серьезный успех – выигрываются серебряные медали на ПЧР в микст-дивизионе [Описание смешанной команды Piranha, эл. ресурс].*

Важной особенностью (само)позиционирования команд является смысловая доминанта КОМАНДНОГО ДУХА И ЕДИНЕНИЯ. Это обусловлено природой игры, коллективизмом, общими установками на победы и новые достижения. Лексически данная доминанта чаще всего выражена инклюзивным «мы», словами «вместе», выражением «друг друга»:

*И когда **Мы вместе**, плечом к плечу, – **нет ничего невозможного** [Описание мужской команды ОксиДискО, эл. ресурс].*

*Нам уютно, когда мы **вместе**. **Мы** научились **поддерживать друг друга** [Описание женской команды Fingers, эл. ресурс].*

*Почти в то же время в BioZONE приходят новые ребята, которые быстро «загораются» алтиматом, проникаются магией этой игры и полностью включаются в **командную жизнь коллектива** [Описание смешанной команды BioZone, эл. ресурс].*

Ярким способом акцентуации идеи единения становится использование существительных с объединяющим значением «команда», «клуб», «игроки» и имен собственных (названий команд).

***Команда 30 раз** поднималась на высшую ступеньку пьедестала как на российских турнирах, так и на зарубежных. Многие **игроки** выступают за сборную страны. **Сокол** устремлен к победе [Описание мужской команды Сокол, эл. ресурс].*

***Команда Las Chicas** была основана в конце 2008 года. **Нам** уже 5 лет! **Мы** участвуем во всех важнейших турнирах в России [Описание женской команды Las Chicas, эл. ресурс].*

*К этому времени у **команды** формируется свой почерк игры, который можно охарактеризовать одной фразой «По одиночке **мы** мало, что значим, а вместе – много, как стая пираний». С этого момента и по сей день **мы** выступаем под названием «Piranha» [Описание смешанной команды Piranha, эл. ресурс].*

При этом, рассказывая о себе, участники спортивных коллективов чаще всего используют слова «команда» и «мы». В текстах о мужских командах лексема «мы» встречается 22 раза, номинации «команда» – 40 раз, «клуб» – 13 раз, «игрок(и)» – 14 раз; в текстах о женских командах данные слова встречаются, соответственно, 38, 51, 2 и 7 раз; в текстах о смешанных командах – 31, 68, 10 и 17.

Выявленные доминанты характеризуют тексты мужских, женских и смешанных команд. Это позволяет считать стремление к победе, борьбу на поле, работу над собой и командный дух – основополагающими метагендерными принципами конструирования групповой спортивной идентичности.

Вместе с тем, анализ выявил и несколько гендерно значимых особенностей (само)позиционирования. В ряде случаев темы текстов и описываемые в них обстоятельства актуализируют традиционные представления о мужественности и женственности. Например, в текстах о мужских командах чаще звучит тема РАБОТЫ, а в текстах о женских командах – тема СЕМЬИ. Подобная акцентуация сфер публичного и личного отражает традиционные патриархальные представления.

*Подавляющее большинство игроков команды окончило гимназию №45 в разные годы (от 2000 до 2012) и вместе **работали** в детско-юношеской организации «Остров Сокровищ»* [Описание мужской команды *Me & My Monkey*, эл. ресурс].

*Каждый из нас **учится или работает**, но большую часть своего свободного времени отдаёт постижению Дао алтимат фрисби* [Описание мужской команды *ОксиДискО*, эл. ресурс].

*Сейчас команда переживает **второе рождение**. Многие «старички» ушли, **вышли замуж, родили детей**, пришла молодежь* [Описание женской команды *Догма*, эл. ресурс].

Обращение к теме СЕМЬИ позволяет конструировать различные виды женственности. Мотивы уюта, заботы, тепла становятся составляющими традиционной «домашней» женственности, а стремление к победе, активности и сила – смысловыми «кирпичиками» женственности «спортивной». В текстах названные виды женственности могут противопоставляться.

*Нам уютно когда мы вместе. <...> И пусть одна медленно бегаёт, зато она очень **вкусно готовит кушать**. И не важно, что вторая очень рассеянный человек, зато она **лучше всех обращается с диском*** [Описание женской команды *Fingers*, эл. ресурс].

*К сожалению, **мы не смогли достойно встретить** смену поколений, когда более взрослые девушки предпочитали **заниматься семьей**, а молодняк пополнял ряды. Многие забросили диск и **обзавелись семьями и детьми**. Но дух **Догмы живёт**, и сейчас несколько оставшихся человек **готовы заниматься тренировками и командой**, чтобы не сразу, но через некоторое время попытаться отгрызть кусочек такого сладкого пирога, как **медали высших достоинств*** [Описание женской команды *Догма*, эл. ресурс].

Таким образом, в субкультуре алтимат фрисби – как и в любой социальной сфере – категория женственности не монолитна и представляет собой смысловой кластер, отражающий спектр социальных ролей и качеств женщины.

Конструкт мужественности в рассматриваемых дискурсивных практиках тоже дискретен и включает ряд составляющих. К примеру, отличительной чертой мальчишества как составляющей мужественности становится актуализация темы НЕПОСЛУШАНИЯ, ВЫЗОВА И ОЗОРСТВА:

*Мы пошли в нашу бывшую школу (школа N21), **залезли** в актовЫй зал (**у нас был ключ**) и стали бросать «тарелку». <...> «Тарелка» летала по залу вкривь и вкось, мы даже **сбили два плафона и разбили одну лампочку**. Вполне **удовлетворенные** мы отправились домой* [Описание мужской команды *Новгородские Медведи*, эл. ресурс].

Эта и другие гендерно релевантные смыслы могут выражаться прямо (денотативно) или опосредованно – через стилистические (коннотативные) особенности высказываний. К примеру, мальчишество и озорство в форме языкового творчества

(оказионального словообразования и намеренного огрубления речи) способны нести гендерно окрашенные смыслы.

В 2013 году команда с обновленным составом возвращается и **дергает** практически всех, занимая второе место [Описание мужской команды *SonyPatap*, эл. ресурс].

Первоначально сие известие не вызвало в рядах студентов — **забивальщиков** физры бури интузиазма (орфография и пунктуация сохранены нами – А.К.) [Описание мужской команды *Новгородские Медведи*, эл. ресурс].

Намеренное использование сниженной фамильярной лексики представлено в девизе женской команды *Бриллианс: Сиськи Вверх!* Здесь нарочитая фамильярность – своего рода вызов, способ акцентуации «сильной» женской позиции. Аналогичная стратегия описана в статье В. де Клерк о роли эксплетивов в конструировании гендерной идентичности в речи южно-африканских подростков. Традиционно грубый язык считается признаком маскулинности. Исследование де Клерк выявило высокий уровень употребления табуированной лексики школьницами в Южной Африке, что отражало их намеренный протест против гендерных стереотипов [de Klerk 1997].

Женственность конструируется в рассматриваемых текстах эксплицитно и имплицитно. Первый способ представлен словами, где гендерное содержание входит в денотат: *женская команда, женский дивизион, женский клуб, женский алтимат*. Любопытно, что аналогичные сочетания с определением «мужской» практически не встречается в текстах о мужских командах.

Пресуппозицией ряда текстов являются патриархальные представления о женственности, что проявляется, в частности, в противопоставлении женственности и «спортивности» (силы, активности, борьбы):

*We have an image of one of the most **perspective** women team in Russia with **athletic** players and an immeasurable enthusiasm. Though being **playful** and **cheerful**, we **treat** sportsmanship quite seriously. Being **girlish** at times, we **fight** till it's over* [Описание женской команды *Lemon Grass*, эл. ресурс].

Патриархальная идеология актуализируется в гендерно релевантных оппозициях: легкомыслия и серьезности (*Though being **playful** and **cheerful**, we **treat** sportsmanship quite seriously*); слабости и силы (*the most **perspective** women team in Russia with **athletic** players*); мягкости и твердости / стойкости в борьбе (*Being **girlish** at times, we **fight** till it's over*). Здесь «спортивная» (сильная) женственность акцентируется путем противопоставления традиционным (стереотипным) представлениям о женщинах.

Лингвистическим средством конструирования «спортивной» женственности является самоирония – способность «посмеяться над собой», которая задает сильную позицию:

*И вот мы едем в Питер. Первый раз **Нижний вывез** такое количество **особей женского пола** (да и вообще такое количество в принципе)* [Описание женской команды *Re:Диски*, эл. ресурс].

Еще одним примером самоиронии является фрагмент, в котором игроки женской команды *Fingers*, рассказывают о том, как они отделились от смешанной команды:

*Дамы решили посмотреть, на что они способны без **сильной** половины **человечества*** [Описание женской команды *Fingers*, эл. ресурс].

Исследование конструкторов мужественности и женственности является неполным без обращения к проблеме референций. В материале исследования они представлены метагендерными существительными и местоимениями (инклюзивные «мы», «команда», «клуб» и т.д.), а также гендерно маркированными существительными. Количество гендерно маркированных референций невелико, в основном они представлены словами мужского рода: *спортсмен, фрисбист, капитан, чемпион, игрок, товарищи, пользователи клубной локальной сети, забивальщики физры, алтимачо*. Любопытно, что гендерные номинации, обозначающие пол и возраст игроков («мужчина», «юноша»), отсутствуют в текстах о мужских командах, в то время как в текстах о женских командах подобные номинации встречаются довольно часто: *девчонки, девушки, дамы*, а также – *чемпионки, соперницы, подружка, содачница*.

Ярким примером конструирования традиционной мужественности является окказиональный неологизм «алтимачо», характеризующий игрока не только как представителя субкультуры, но и как сильного, сексуально-привлекательного мужчину. В текстах о женских командах гендерно релевантные смыслы может имплицитно лексицировать лексема «соперницы», когда идея соперничества в спорте соотносится с соперничеством в личных отношениях:

Сейчас мы играем в одной команде, но еще буквально год тому назад, мы были соперницами, боролись друг с другом за диск [Описание женской команды *Cosmic Girls*, эл. ресурс].

Гендерные стереотипы женственности как слабой и нежной, а мужественности как сильной и напористой актуализируются в названиях некоторых команд:

*С весны 2012 года команда (**Snowstorm** – А.К.) полностью стала мужской (образовалась женская команда **Snowflakes**)* [Описание мужской команды *Snowstorm*, эл. ресурс].

В текстах о смешанных командах противопоставление мужского и женского размыто, однако там, где оно представлено, речь тоже идет о патриархальных стереотипах:

Пушино энергично накапливает в себе инициативных людей из всех городов России, так пара студентов из Нижнего Новгорода – Антон Мальков и Петро Степанов (игрок команды Бивни и на тот момент уже вице-чемпион России!!!), а также хрупкая Аделька из Самары задались целью организовать алтимат команду [Описание смешанной команды *BioZone*, эл. ресурс].

В формате «сказки» с традиционным гендерным сценарием и, соответственно, традиционными ролями рассказывают о создании своей команды игроки из Набережных Челнов.

Как у всего самого лучшего в России, клубни нашего клуба взяли своё начало в Республике Беларусь. Три, как-будто из пены морской вышедшие, легкие, нежные девушки: Александра Быкоўская, Паўла Жывалеўская и Ганна Швайко – навсегда пленили сердце простого нижекамского мальчишки.

Завороженный невероятно сложными действиями участниц команды Зорачкі застенчивый паренёк протянул в потной ладошке скомканные 15 долларов и, бережно храня, повёз диск на берега Камы.

С тех пор у нижекамских детей появилась альтернатива пьянству, разврату и наркотикам... [Описание смешанной команды *Великие Кэшбы*, эл. ресурс].

Традиционная женственность подчеркнута прилагательными «легкие» и «нежные», мифологической аллюзией («из пены морской вышедшие») и архаично-поэтическим словосочетанием «пленив сердце», профилирующем силу женской красоты.

Актуальность традиционных (патриархальных) представлений о женственности в изучаемой субкультуре подтверждают и данные, собранные этнографическими методами. Так, на соревнованиях 2012 – 2013 гг., «Конституционный слет» (декабрь 2012 г.), «Лорд Новгород 2013» (февраль 2013 г.), «Чемпионат России» (сентябрь 2013 г.), проводились устные и письменные опросы игроков для выявления мотивов выбора наименования команды и сущностных признаков понятия «женский алтимат». Опросы показали, что в названиях команд гендер никогда не выступает единственным идентификационным признаком: он актуализируется вместе с другими социопараметрами – этничность, возраст, локальная / глобальная ориентация: *Дедушки, Долгорукие Москва, GagariNNs* и др. [Кузнецова 2012]. Акцентуация женственности в названиях команд встречается крайне редко: игроки женских команд стремятся избегать ассоциаций со стереотипными представлениями о женщинах как слабых, скандальных и неспортивных. Как показали данные опросов, именно эти уничижительные смыслы лежат в основе концепта «женский алтимат». Респонденты-мужчины отмечают, что игра женских команд построена не на тактиках, а на эмоциях, что игрокам-женщинам не хватает серьезного настроя и хорошей физической подготовки:

Женский алтимат – это ничего, фрисби под водой.

Обычно «женский алтимат» – это когда смотреть не на что.

Женский алтимат – это «ой, она у меня парня увела» (с изменением интонации и характерной мимикой – А.К.).

Вместе с тем, в ответах респондентов отчетливо прослеживается высокая актуальность такого традиционного признака женственности, как красота:

Женский алтимат – красивые девушки на поле.

Наши девочки, в отличие от американских, на девочек похожи, за это мы их и любим.

Мы выбрали такое название (Cosmic Girls – А.К.), потому что у нас очень красивая команда.

Интересным примером визуальной составляющей конструкта традиционной женственности в мультимодальном коммуникативном поле исследуемой субкультуры является алтимат-календарь с фотографиями представительниц российского алтимат-сообщества «ТОП-25 (MUST HAVE) 2014 года». Интернет-презентация календаря содержит интертекстуальные гендерно значимые клише и аллюзии: «КАЛЕНДАРЬ с нашими всеми любимыми Алти-Девочками готов! Представляем Вашему вниманию ULTIMATE WOMAN RUSSIA 2014!» (рис. 1) [Алти-календарь 2014 г., эл. ресурс].

Таким образом, анализ языковых средств конструирования идентичности в спортивной субкультуре алтимат фрисби позволил выявить три метагендерные смысловые доминанты, отражающие командную идеологию и философию игроков: МОЛОДОСТЬ И СИЛА, БОРЬБА И ПОБЕДА, КОМАНДНЫЙ ДУХ И ЕДИНЕНИЕ. Названные доминанты составляют квинтэссенцию игровой, спортивной

Рисунок 1. Календарь алти-девочек на 2014 год.

женственности и опровергают патриархальные стереотипы о женщинах как слабых, покорных и пассивных. Данный вывод подтверждают и результаты анализа выборов транзитивности в дискурсе алтимат фрисби (материалы исследования находятся в печати). Вместе с тем, анализ текстовой составляющей интернет-форумов, исследование этнографических данных и мультимодальной составляющей дискурсивных практик подтверждает важную роль традиционных (патриархальных) гендерных представлений в (само)позиционировании команд и игроков.

Список литературы

Ажгихина Н. На пути к обретению силы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.owl.ru/win/info/we_my/2000_sp/05.htm (дата обращения: 10.01.2014).

Алти-календарь 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vk.com/ultimate.calendar2014> (дата обращения: 10.01.2014).

Гриценко Е.С. Вербальное поведение как способ конструирования социальной идентичности: культурные коды и стилистические модели // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2010. – №10. – С. 44-56.

Гриценко Е.С. Глобальное и локальное в речевых практиках молодежных субкультур // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – №2. – С. 87-93.

Гриценко Е.С. Женщины и женственность в американском предвыборном дискурсе // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №3. – С. 112-123.

Дуняшева Л.Г. Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе (на материале жанров блюз и рэп): дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2012. – 234 с.

Залевская А.А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследования речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985. – С. 150-171.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.

Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 252 с.

Кирилина А.В., Гриценко Е.С. Основные модели описания языковых изменений в условиях глобализации // Власть. – 2011. – №5. – С. 56-59.

Коновалова С.А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: 2005. – 26 с.

Кузнецова А.О. Индексация гендерных смыслов в наименованиях команд *алтимат фрисби* // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – Вып. 19. – Н. Новгород, 2012. – С. 54-60.

Описание женской команды *Догма* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vk.com/club17529454> (дата обращения: 10.11.2013).

Описание женской команды *Куба* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/Kuba> (дата обращения: 15.12.2013).

Описание женской команды *AirHeart* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/Airheart> (дата обращения: 10.11.2013).

Описание женской команды *Cosmic Girls* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/CosmicGirls> (дата обращения: 10.11.2013).

Описание женской команды *Fingers* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/Fingers> (дата обращения: 15.12.2013).

Описание женской команды *Las Chicas* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/LasChicas> (дата обращения: 02.02.2014).

Описание женской команды *Lemon Grass* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/lemongrassultimate/info> (дата обращения: 02.02.2014).

Описание женской команды *Mama Roach* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/MamaRoach> (дата обращения: 10.11.2013).

Описание женской команды *Re:Диски* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/Rediski> (дата обращения: 10.11.2013).

Описание женской команды *Tequila* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/Tequila> (дата обращения: 10.11.2013).

Описание мужской команды *Ирбис* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/Irbis> (дата обращения: 02.02.2014).

Описание мужской команды *Новгородские Медведи* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/NB> (дата обращения: 10.11.2013).

Описание мужской команды *ОксиДиско* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oksidisko.ru/> (дата обращения: 10.11.2013).

Описание мужской команды *Сокол* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sokolultimate.ru> (дата обращения: 10.11.2013).

Описание мужской команды *ЮПитер* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/Jupiter> (дата обращения: 10.11.2013).

Описание мужской команды *Me & My Monkey* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/MeAndMyMonkey> (дата обращения: 15.12.2013).

Описание мужской команды *Rockets* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/Rockets> (дата обращения: 02.02.2013).

Описание мужской команды *Snowstorm* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/Snowstorm> (дата обращения: 02.02.2014).

Описание мужской команды *SonyPatan* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/SonyPatan> (дата обращения: 10.11.2013).

Описание смешанной команды *Белки* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/Belki> (дата обращения: 02.02.2014).

Описание смешанной команды *Великие Кэби* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%B5%D0%9A%D0%B5%D1%88%D0%B1%D1%8B> (дата обращения: 02.02.2014).

Описание смешанной команды *Йошкин Кэтс* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vk.com/yoshkincats> (дата обращения: 02.02.2014).

Описание смешанной команды *Piranha* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/Piranha> (дата обращения: 02.02.2014).

Описание смешанной команды *СПбГУ* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/SPBGU> (дата обращения: 02.02.2014).

Описание смешанной команды *BioZone* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/BioZONE> (дата обращения: 15.12.2013).

Описание смешанной команды *Flying Steps* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://175g.ru/Teams/FlyingSteps> (дата обращения: 15.12.2013).

Сергеева М.В. Гендерные асимметрии и стереотипы в иллюстративных контекстах словарей // Гендер: Язык, Культура, Коммуникация. Материалы Третьей международной конф., Москва 27–28 ноября 2003 г. – М., 2003. – С. 95-96.

De Klerk V. The Role of Expletives in the Construction of Masculinity // Language and Masculinity / Ed. By S. Johnson, U. Meinhof. – Oxford: Blackwell Publishers, 1997. – P. 144-158.

Paivio A. Mental Representations. A dual coding approach. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 422 p.

Rumelhart D.E. The architecture of mind: A connectionists approach // Foundation of cognitive science. – Cambridge (Mass.), 1989. – P. 133-159.

А.В. Бондарькова

УДК 81'23

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖАНР (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЛОГОВ)

В статье анализируются особенности речевого поведения участников интернет-коммуникации, в частности феномен самопрезентации. Самопрезентация рассматривается как отдельный виртуальный жанр, ставший неотъемлемой частью лингвокультуры интернета. Дается описание медийных, прагматических, структурно-семантических и лингвостилевых параметров интернет-жанра самопрезентации.

Ключевые слова: интернет-жанр, лингвистика интернета, речевое поведение, интернет-коммуникация, самопрезентация, блогосфера.

Anastasiya V. Bondarkova

SELF-PRESENTATION AS A GENRE OF INTERNET DISCOURSE (BASED ON RUSSIAN BLOGS)

The paper is aimed to characterize the genre properties of self-presentation of internet communication participants. Self-presentation which implies developing the certain perception of an author plays a key role in internet communication and has typical language patterns that in its turn allow regarding it as a special genre of internet discourse. The results of genre analysis of self-presentation are introduced in the paper.

Keywords: genre, genre analysis, internet communication, internet discourse, self-presentation, verbal behaviour.

За последние десятилетия изучение речевого поведения индивида в процессе интернет-коммуникации получило статус одного из актуальных направлений лингвистических и психолингвистических исследований (Войсункский 2001; Иванов 2003; Трофимова 2004, 2008; Асмус 2005; Горошко 2006, 2007, 2009, 2011, 2012; Лутовинова 2009; Щипицина 2011 и др.). Речевое поведение, как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека [Карасик 2004: 8], становится в условиях интернет-коммуникации главным средством конструирования собственной идентичности и основным источником представлений о личности автора для его собеседников. Более того, по мнению исследователей (Жичкина А.Е., Белинская Е.П.), общение в интернет-пространстве само по себе предопределяет общее направление поведения индивида, ставя перед ним задачу самоопределения и самопредъявления. Анонимность, свойственная интернет-коммуникации, дает каждому участнику общения возможность представить себя кем угодно, использовать уже сформированную в реальной жизни идентичность или создать полностью новый образ, что, в свою очередь, является обязательным условием вхождения в интернет-социум. Иначе говоря, интернет с точки зрения социального взаимодействия, происходящего в нем, можно назвать «самоидентификационной» средой, где индивиду приходится так или иначе проходить через процесс самопрезентации [Жичкина, Белинская 1999 <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy>].

По мнению многих исследователей (Н.Г. Асмус, Г.Н. Трофимова, Е.И. Горюшко, О.В. Лутовинова), самопрезентация, под которой понимается «акт самовыражения в процессе общения, направленный на создание определенного впечатления о себе у аудитории» [Бодалев 2011 <http://vocabulary.ru/dictionary/1095/word/samoprezentacija>], представляет собой неотъемлемый компонент речевого поведения участников интернет-коммуникации. Например, Н.Г. Асмус считает, что представитель интернет-социума всегда предстает перед другими собеседниками в форме «образа» или «персонажа», т.е. в определенной маске, специально созданной для пребывания в интернет-среде [Асмус 2005: 74]. Данная особенность социального взаимодействия в интернете проявляется в креативности речевого поведения коммуниканта: «Собеседники должны быть поражены безграничностью творческой фантазии автора сообщения или непредсказуемостью характера персонажа» [там же]. Согласно О.В. Лутовиновой, самопрезентация представляет собой одну из основных целей виртуального дискурса, средством достижения которой является в целом все коммуникативное поведение личности [Лутовинова 2009]. Г.Н. Трофимова отмечает, что решение задачи создания оригинального образа зависит от разнообразия речевого поведения участника интернет-коммуникации и уровня его языковой компетенции [Трофимова 2008: 101].

В недавних исследованиях, посвященных самопрезентации участников интернет-общения (Цибизов 2009; Ковригина 2010; Гермашева 2011; Дайнеко 2011; и др.), данный феномен позиционируется как одна из главных коммуникативных стратегий интернет-дискурса, которой свойствен набор определенных тактик, обладающих своими языковыми маркерами.

Учитывая, что самопрезентация в процессе общения может быть как намеренной, так и ненамеренной, мы предполагаем рассмотреть намеренную самопрезентацию, когда цель сообщения автора заключается в осуществлении контроля над впечатлением о себе через конструирование определенного образа. Подобного рода речевые произведения являются нормой для интернет-общения и занимают определенную нишу в виртуальном дискурсе. Примерами намеренной самопрезентации могут быть тексты из рубрики «о себе», которая почти всегда присутствует в профиле участника интернет-форума, чата, блога, онлайн-сервиса социальной сети и других сайтов, предназначенных для массового и межличностного общения. Данные тексты-самопрезентации в большинстве случаев пишутся по определенному канону, который выработался по мере развития социального сектора интернета и стал частью его лингвокультуры. На этом основании представляется возможным выделить отдельный жанр интернет-дискурса – жанр самопрезентации.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы описать жанровые характеристики текста «о себе» как особого интернет-жанра, реализующего потребность самокатегоризации участника интернет-общения. Мы предполагаем, что текст «о себе», характерный для структуры многих интернет-сервисов (форумов, чатов, социальных сетей), является важной составляющей образа, формируемого автором в процессе интернет-коммуникации, и отвечает за самопрезентацию, что обуславливает его значимость как объекта исследования. Выделение отдельного интернет-жанра – жанра самопрезентации, подразумевающее описание его основных характеристик и признаков, – позволит оптимизировать дальнейшее изучение феномена самопрезентации в частности и интернет-общения в целом.

Достижение поставленной цели возможно осуществить путем анализа корпуса текстов из рубрики «о себе». Однако прежде чем приступить к решению данной задачи, необходимо очертить круг явлений, которые включаются в понятие «интернет-жанр», и выбрать модель его описания.

В современных лингвистических исследованиях интернет часто называют «жанропорождающей средой», что объясняется появлением новых многочисленных жанров, характерных только для коммуникативного пространства интернета, и адаптацией традиционных речевых жанров к новым условиям функционирования. Е.И. Горошко и Е.А. Жигалина отмечают, что сегодня можно говорить о формировании виртуального жанроведения, «в задачи которого входят описание и структурирование всего многообразия виртуальных или интернет-жанров и способов их классификации» [Горошко, Жигалина 2011 <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=223>].

Однако, несмотря на большой интерес ученых к исследованию виртуальных жанров (Горошко 2009, 2011; Асмус 2005; Капанадзе 2005; Компанцева 2005; Лутовинова 2009; Щипицина 2011 и др.), нельзя сказать, что данная область изучена в полной мере. По-прежнему актуальной задачей для научного исследования остается определение виртуального жанра, критерии его выделения и проблема классификации виртуальных жанров. Более того, как отмечают Е.И. Горошко и Е.А. Жигалина, виртуальное жанроведение является «все еще терминологически слабо структурированным направлением», у которого отсутствует непротиворечивая система подходов, необходимая для единообразного изучения виртуальных жанров и их классификации [Горошко, Жигалина 2011 <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=223>]. Например, внутри виртуального жанроведения нет общепринятого термина для обозначения жанра, бытующего в интернет-пространстве. Среди множества употребляющихся терминов, которые перечисляются Е.И. Горошко и Е.А. Жигалиной (виртуальный жанр, электронный жанр, коммуникативный сервис Интернета, интернет-жанр, дигитальный жанр, цифровой жанр, гипержанр, сетевой жанр, жанровый формат виртуального дискурса и др.), в нашем исследовании будут вслед за Лутовиновой О.В., Компанцевой Л.Ф, Горошко Е.И., Жигалиной Е.А. использоваться термины «виртуальный жанр» и «интернет-жанр».

В качестве рабочего определения интернет-жанра мы используем определение, предложенное В.В. Деметьевым, К.Ф. Седовым (1998) и расширенное Е.И. Горошко и Е.А. Жигалиной (2011): интернет-жанр рассматривается как «вербально-знаковое оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей посредством сети Интернет» [Горошко, Жигалина 2011 <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=223>]. В данном подходе к определению интернет-жанра первичным является «социально-психологическое взаимодействие людей» [Седов 2009 <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6>], осуществляющееся в интернет-пространстве.

Другой обязательной для решения задачей является выбор модели описания интернет-жанра. За последнее десятилетие предпринимались многочисленные попытки разработать критерии выделения виртуальных жанров, однако сформировать единый подход к данной проблеме, учитывающий все жанровые аспекты интернет-дискурса, так и не удалось. Более того, есть мнение, что вследствие разнообразия жанров виртуального дискурса «при их выделении предполагается неоднородность

критериев» [Лутовинова 2009: 285], что, в свою, очередь, подразумевает отдельную разработку параметров для каждого изучаемого интернет-жанра с учетом его специфики. Тем не менее, дифференциация виртуальных жанров должна опираться на ряд базовых критериев, отражающих такие признаки жанра, как типичность ситуации социального взаимодействия и типичность ее вербально знакового оформления. В этой связи, по нашему мнению, большим потенциалом обладают подходы к описанию интернет-жанров, предложенные в работах Н.Г. Асмус (2005), О.В. Лутовиновой (2009) и Л.Ю. Щипициной (2011).

Для научного описания жанров интернет-коммуникации Н.Г. Асмус использует такие параметры, как **тематический признак, коммуникативная цель, сфера общения, образ автора – читателя, режим синхронного/асинхронного времени, форма объективации** (близость к письменному или устному тексту), **диалог/полилог, композиция, языковые особенности** [Асмус 2005: 35]. Все эти параметры определяют композиционную структуру текста. По мимо этого исследователь отмечает, что необходимо обращать внимание на то, какие языковой воплощение принимают такие характерные для интернет-дискурса стилевые черты, как субъективность, оценочность и нестандартизированность [Асмус 2005: 36].

О.В. Лутовинова предлагает разделять интернет-жанры на **дискурсообразующие** и **дискурсоприобретенные**. Дискурсообразующие жанры выделяются на основе структурности и композиционности текста с учетом фактора используемых технических средств. Иначе говоря, дискурсообразующие жанры совпадают с «реально существующими естественно сложившимися формами общения» [Лутовинова 2009: 166]. При данном подходе жанр рассматривается как «тип формально-композиционной организации речевого произведения» [там же]. К дискурсообразующим жанрам интернет-дискурса О.В. Лутовинова относит электронное письмо (e-mail), чат, форум, гостевую книгу, жанр мгновенных сообщений, блог, многопользовательскую ролевую игру онлайн, СМС [там же].

Дискурсоприобретенные жанры выделяются исследователем на основе «использования относительно устойчивых типов высказываний в тех или иных ситуациях» [Лутовинова 2009: 166] и соотносятся непосредственно с интенцией коммуниканта. По мнению О.В. Лутовиновой, «интенция, являющаяся определяющей чертой любого речевого жанра, развивается на основе определенных стереотипов речевого поведения, получает реализацию в определенных стереотипных действиях» [Лутовинова 2009: 168], представляющих собой некий сценарий. Понятие дискурсообразующего жанра совпадает с понятием речевого жанра, предложенным М.М. Бахтиным, который рассматривает речевой жанр как типическую форму «высказывания в типических обстоятельствах» [Бахтин 1979: 238]. К дискурсоприобретенным жанрам относятся флейм, сетевой флирт, виртуальный роман, креатифф, флуд, спам и послание. Дискурсоприобретенные жанры функционируют внутри дискурсообразующих жанров, однако они не связаны с каким-то одним конкретным дискурсообразующим жанром [Лутовинова 2009: 167].

В рамках подхода, предложенного О.В. Лутовиновой, изучаемый нами виртуальный жанр самопрезентации следует отнести к дискурсоприобретенным жанрам, т.к., во-первых, он представляет собой интенцию индивида представиться, рассказать о себе, обладающую устойчивым вербально знаковым оформлением, во-вторых, не зависит от технического средства реализации и может функционировать внутри многих дискурсообразующих жанров.

Л.Ю. Щипицина, определяя интернет-жанр как «устойчивую форму речевой деятельности, сложившуюся при общении людей в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации, реализуемую с помощью устойчивого типа текста» [Щипицина 2009, <http://www.pags.ru/science/conferences/E-Conference/Shipitina.doc>], описывает его модель, включающую следующие параметры: **1) медийные, 2) прагматические, 3) структурно-семантические и 4) лингвистилистические.** Данная модель описания интернет-жанра помимо лингвистической и прагматической характеристики уделяет особое внимание так называемому «технологическому фактору», т.е. учитывает влияние интернет-технологий на особенности процесса коммуникации.

Медийные параметры включают в себя следующие характеристики: оформление жанра, гипертекстуальность, мультимедийность, синхронность, интерактивность, количество и эксплицированность коммуникантов [Щипицина 2011: 20]. Именно эти параметры, по мнению исследователя, «отражают специфику компьютера и Интернета как особого канала и средства коммуникации» [Щипицина 2009, <http://www.pags.ru/science/conferences/E-Conference/Shipitina.doc>].

Прагматические параметры соотносятся с коммуникативной интенцией речевого произведения, включая такие компоненты, как адресант, адресат, цель, сфера коммуникации.

Структурно-семантические параметры выражаются в теме и подтемах текста, развертывании темы и текстовых единицах, которые обеспечивают данный процесс.

Лингвистилистические параметры отвечают за особенности языкового оформления жанра и описывают фонетико-графические, лексические, морфологические, синтаксические и стилистические средства [Щипицина 2011: 20].

Таким образом, анализ характеристик виртуального жанра самопрезентации мы будем проводить с учетом его прагматических, медийных, структурно-семантических, лингвистилистических параметров и при особом внимании к коммуникативной интенции текста как ключевого компонента жанра, реализующегося через «определенную последовательность типичных действий» [Лутовинова 2009: 168].

Материалом для анализа послужил корпус текстов-самопрезентаций (из рубрики «о себе») на русском языке общим объемом около 20000 слов. Тексты были собраны на одном из самых посещаемых сайтов русскоязычного сектора интернета – livejournal.com методом случайной выборки.

Прежде чем перейти к описанию жанровых параметров следует определить, что понимается под текстом-самопрезентацией. Текстом-самопрезентацией мы называем речевое произведение, главной коммуникативной целью которого является сообщить определенную информацию о себе для формирования впечатления об авторе у адресатов этого текста. В силу технических особенностей компьютерно опосредованной коммуникации подобного рода произведения стали неотъемлемой частью лингвокультуры интернета и обязательным компонентом общения, происходящего в интернет-пространстве. Анкета профиля участника интернет-форума, чата, владельца блога или интернет-дневника почти всегда содержит рубрику «о себе», где можно размещать любую информацию, прибегая к различным мультимедийным средствам. Стоит отметить, что обычно данная рубрика является обяза-

тельной для заполнения, однако большинство пользователей оставляют какие-либо сведения о себе и о своей деятельности. Помимо этого некоторые владельцы блогов и интернет-дневников оставляют информацию о себе в записи, размещенной в начале блога или дневника, называемой «пост-который-всегда-наверху», «самый верхний пост», «эпиграф» и т.п. Реже пользователи блогосферы представляются потенциальной аудитории в хронологически первой записи своего блога или дневника.

Подобного рода самохарактеристика имеет некоторые общие черты с такими традиционными жанрами как резюме и литературная автобиография. Среди проанализированного материала около 8% текстов соотносятся с жанром резюме, где перечисляются профессиональные навыки и достижения автора, а сам он представлен как специалист. По своим прагматическим, структурно-семантическим и лингвостилистическим параметрам такие тексты имеют все признаки официально-делового дискурса и не отличаются от своего традиционного прототипа. Обычно информацию о себе в таком виде преподносят пользователи, которые используют свой блог как средство коммерческого продвижения своих услуг или товаров, но при этом они не заинтересованы в неформальном сетевом общении. Анализ корпуса текстов также показал, что 17% авторов адаптируют свое резюме под реалии и стандарты коммуникации в блогосфере, включая в текст не только информацию о своей профессиональной деятельности, но и свою неофициальную самохарактеристику, оформленную в соответствии с лингвокультурными нормами интернет-общения. Например, один из представителей блогосферы заканчивает описание своего опыта работы такими словами (пример 1; все примеры сохраняют орфографию и пунктуацию авторов):

(1) долгое время работал в охране.

с тех пор, отучаюсь гавкать (http://users.livejournal.com/cry_baby_/profile)

Такие пользователи ориентированы не только на рекламирование своих профессиональных услуг или товаров, но и на неофициальное взаимодействие с другими интернет-коммуникантами. Подавляющее большинство проанализированных текстов (75%) представляют собой оригинальные произведения, созданные по лингвокультурным канонам блогосферы и полностью нацеленные на установление дружественных или приятельских контактов с различными участниками интернет-коммуникации. Таким образом, речевое поведение пользователей блогосферы при самопрезентации обладает чертами делового и фатического общения, которые характерны для интернет-коммуникации в целом [Асмус 2005: 38]. Большинство интернет-самопрезентаций представляет собой гибрид письменного и устного текста, что также является типичным признаком интернет-дискурса [Асмус 2005: 39].

Анализ жанровых характеристик текстов-самопрезентаций логично начать с описания **медийных параметров**. Согласно Л.Ю. Щипициной, совокупность медийных параметров можно обозначить термином формат, который во многом соотносится с особенностями той или иной службы интернета (электронной почты, чата и т.п.) [Щипицина 2011: 19]. Несмотря на то что жанр самопрезентации, будучи компонентом некоторых дискурсообразующих жанров (блога, форума, чата и др.), зависит в определенной степени от их медийных характеристик, представляется возможным описать его типичные медийные особенности.

Оформление жанра. Тексты-самопрезентации не обладают собственным интерфейсом и зависят от специфики интернет-сервиса, частью которого они являются

ся. Все изученные нами единицы представляют собой речевые произведения с разной долей использования различных паралингвистических средств: эмодиконов, изображений, аудио- и видео-элементов, ссылок, различных приложений (Wishlist, Travelling map и т.п.).

Гипертекстуальность. Данный параметр отражает наличие гиперссылок, обеспечивающих связь с различными элементами других интернет сервисов. Тексты-самопрезентации отличаются большим количеством подобных гиперссылок, которые можно разделить на следующие группы:

1. ссылки на портфолио автора (фотографии, изображения, литературное творчество, ремесленные изделия и т.п.);
2. ссылки на другие интернет-сервисы, которыми автор пользуется (например, другие блоги, которые ведет автор, или интернет-форумы, где автор участвует в обсуждениях);
3. ссылки на определенные записи в блоге, ведущимся автором, которые, по его мнению, являются наиболее интересными и заслуживают отдельного внимания;
4. ссылки на другие сайты или других блогеров, которые автор включает в текст «о себе», чтобы поделиться этими интернет-ресурсами со своими читателями, возможно, прорекламить их или оставить на видном месте для себя;
5. ссылки на различные приложения, установленные автором (приложения, отсчитывающие, например, сколько лет ведется блог, «вишлисты» (wishlist), т.е. списки желаний, автора, списки прочитанных книг, просмотренных фильмов, посещенных стран и т.п.).

Мультимедийность. Под мультимедийностью понимается одновременное использование нескольких знаковых систем, например письменного текста с невербальными компонентами (иллюстрация, аудио- или видео- материалы и т.п.). В этом плане мультимедийность соотносится с понятием «креолизованный текст», под которым подразумевается текст, «фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [Сорокин, Тарасов 1990: 180-181].

По мнению О.В. Лутовиновой, креолизованный текст, как и гипертекст, представляет текстовую специфику виртуального дискурса [Лутовинова 2009]. Существуют различные классификации креолизованных текстов (Пойманова 1997; Анисимова 2003; и др.), отражающие характер отношений между вербальными и невербальными компонентами, однако подробная характеристика текстов-самопрезентаций в данном аспекте не входит в задачи настоящего исследования.

Почти все проанализированные тексты отличаются присутствием невербальных компонентов различного рода: от выделения некоторых частей текста другим шрифтом или цветом до использования разнообразных изображений, видео- и аудиоматериалов и других мультимедийных средств. Довольно часто авторы блогов или интернет-дневников прибегают к использованию изображений в портретном жанре, которые могут быть либо их реальными фотографиями, либо изображениями другого человека, выдуманного персонажа или даже животного, соотносящимися с создаваемым образом автора в тексте. Как отмечает О.В. Луто-

винова, невербальные компоненты креолизованного текста играют большую роль в «организации самопрезентации и воздействии на адресата» [Лутовинова 2009]. Используя различные паралингвистические средства, автор текста стремится сформировать определённое впечатление о себе у читателя и повлиять на его восприятие вербального компонента сообщения [Лутовинова 2009].

Синхронность/асинхронность. Тексты «о себе» следует отнести к асинхронным жанрам, т.к. данные речевые произведения не предполагают моментальной реакции реципиента. Однако некоторые самопрезентации, в частности те, которые представляют собой запись блога, закреплённую сверху, читатели могут комментировать.

Интерактивность. Под данным параметром понимается «во-первых, способность человека активно влиять на содержание, внешний вид и тематическую направленность компьютерной программы или электронных ресурсов, во-вторых, возможность общаться, высказывая свое мнение и узнавая мнение партнера по общению» [Щипицина 2009: 36]. С нашей точки зрения, такой параметр не подходит для описания интернет-жанра самопрезентации, который мы включаем в дискурсоприобретенные жанры такие, как флейм, сетевой флирт, виртуальный роман, креатифф, флуд, спам, послание и др.

Что касается последнего медийного параметра – *количества и эксплицированности коммуникантов*, подразумевающего количество участников общения, то в этом случае, для интернет-жанра самопрезентации более характерна коммуникация одного со всеми, когда автор адресует свое сообщение большому количеству потенциальных читателей.

Прагматические параметры

Адресант. Адресантом или автором текста-самопрезентации может быть как один индивид, так и группа индивидов (например, если блог ведется от лица какой-либо организации или коллектива: музыкальной группы, радио станции, фотосудии и т.п.). Учитывая, что коммуникативной целью данных текстов является самопрезентация, то практически во всех проанализированных текстах присутствует прямая самохарактеристика автора (примеры 2-4):

(2) *Я – это я.*

Открытый и таинственный, благоразумный и безбашенный, надежный и спонтанный, грустный оптимист и веселый романтик... (http://bender-times.livejournal.com/profile)

(3) *Я молодой, вполне себе человек. Всю жизнь живу в большом городе. И уже без него никуда... (http://big-city-fella.livejournal.com/profile)*

(4) *Тупое Гламурное провинциальное быдло*

Понаехавшее в Москву с целью окультуриться, огламуриться и причаститься Цивилизации

Работающее офисным планктоном (http://bydloman.livejournal.com/profile)

Адресат. Текст-самопрезентация всегда создается с учетом потенциального адресата и довольно часто носит характер послания. Адресатом данных произведений может быть как конкретная группа, так и все пользователи интернета, если блог находится в открытом доступе. Однако, учитывая, что, по мнению В.В. Красных, автор при создании текста отбирает те знаковые формы, которые «максимально соответствуют “типу” реципиента, входят в его знаковую систему

и смысловой код» [Красных 2001: 197], можно предположить, что адресант всегда ориентируется на определенную группу читателей, ожидая от них конкретной реакции. Таким образом, потенциального адресата текста-самопрезентации можно разделить на два типа: 1) прямой адресат, обладающий определенными качествами, образ которого автор осознанно или неосознанно учитывает при создании своего текста; и 2) косвенный адресат, которым может стать любой посетитель данного интернет-сервиса. Иначе говоря, автор блога или интернет-дневника, представляя себя тем или иным образом, хочет привлечь определенную аудиторию читателей, с которыми ему в дальнейшем будет интересно общаться или сотрудничать. Для достижения этой цели авторы текстов-самопрезентаций пользуются различными стратегиями, которые требуют отдельного описания и изучения. Например, некоторые блогеры открыто перечисляют свои интересы, озвучивают свои мировоззренческие позиции и ценности, подчеркивая таким образом желание видеть среди своих читателей или «френдов» пользователей блогосферы с такими же взглядами и увлечениями (пример 5):

(5) Если считаете, что телевизор - это зло, если вы не станете менять сотовый раз в год, если вам нравится думать и если вы не позволите обмануть себя - то вам сюда.

(http://users.livejournal.com/_codер/profile)

Некоторые авторы наоборот отмечают, что в своем творчестве они не ориентируются на потенциальных читателей (пример 6):

(6) Журнал ведется, исходя из предположения, что его целевая аудитория - я сам. (<http://asper.livejournal.com/profile>)

Другие авторы прибегают к провокативным стратегиям, создавая тексты-самопрезентации эпатажного и вызывающего характера, для того чтобы привлечь читателей, легко поддающихся на провокации, с дальнейшей целью вовлечь их в конфликтную ситуацию или, выражаясь терминами интернет-общения, «потролить» в комментариях к записям (примеры 7-9).

(7) Потенциальный Геббельс.

А посему, слушай, что я тебе говорю и не перечь.

Во-первых, потому что я старше, а значит умнее, а во-вторых, потому что тебе никогда не приобрести столько бесценного жизненного опыта.

Пользуйся возможностью и трепещи в немом экстазе. (<http://astroboyz.livejournal.com/profile>)

(8) Беспредел страстей, нигилизма, по*уизма, паранойи плюс зверская переменчивость настроений. Несовместимые с жизнью душевные травмы. Часто вижу мир чёрно-белым. Натура увлекающаяся. Ядовитая.

Местами наивная. Внешность обманчивая. Не верьте мне. Никогда!

И, вообще, лучше держитесь от меня подальше!... (<http://sweet-hate.livejournal.com/profile>)

(9) я такая какая есть, по этому лучше смириь или иди на все 4 стороны (<http://antichristka.livejournal.com/profile>)

Подобного рода конфликтогенные тексты-самопрезентации представляют собой распространенное явление для интернет-дискурса. Как отмечает Н.Г. Асмус, «для того, чтобы завладеть вниманием собеседника и не оставить его равнодушным, Интернет-коммуниканты стремятся сделать свое сообщение неповторимым,

бросающимся в глаза, конфликтным» [Асмус 2005: 29]. Таким образом, провокативная, как и нейтральная самохарактеристика нацелена на привлечение внимания к автору и его блоговому творчеству, будучи своеобразным фильтром целевой аудитории, пропускающим определенную группу читателей, которые либо разделяют точку зрения автора, либо напротив готовы вступить с ним в дискуссию на страницах его блога.

Коммуникативной целью или интенцией автора текста-самопрезентации является стремление создать определенное впечатление о себе у адресата. Для достижения данной цели владельцы блогов или интернет-дневников прибегают к следующим действиям:

- 1) дают самохарактеристику;
- 2) описывают свои интересы, ценности и взгляды;
- 3) описывают свои профессиональные и творческие навыки;
- 4) информируют о каких-либо значимых событиях, произошедших в их жизни;
- 5) описывают свое семейное положение;
- 6) дают характеристику своему блогу или дневнику;
- 7) информируют о содержании своего блога.

Согласно функциональной классификации интернет-жанров, предложенной Л.Ю. Щипициной [Щипицина 2011: 21], жанр самопрезентации можно отнести к презентационным жанрам, «способствующим самовыражению и представлению данных о себе» [там же]. Помимо этого, тексты «о себе» зачастую содержат информацию не только об авторе, но и о его блоге или дневнике, который, по мнению его владельца, нуждается в отдельном представлении. Некоторые пользователи блогосферы предпочитают давать информацию только о своем блоге или дневнике: о его тематике, правилах поведения внутри блога, правилах комментирования записей и т.д. (примеры 10, 11).

(10) Этот журнал – дневник. Пишу о себе, о жизни, о том, что волнует, тревожит и радует. Иногда ною. Иногда обсуждаю политику. Сетую на жизнь. Восхищаюсь жизнью. Ругаюсь, но не злоупотребляю. Выкладываю фотоснимки из путешествий. Цитирую книжки. Делюсь кулинарными рецептами. В общем, нормальный такой дневник под большим замком. Не факт, что вам сюда нужно, но можете постучаться в эту дверь. http://users.livejournal.com/_malinovka_/profile

(11) Если комментатор упорствует в обвинениях меня в боянизме- он отправляется в бан, длительность которого зависит от моего настроения...:-)) (<http://bad-muthafucka.livejournal.com/>)

Эти тексты свидетельствуют о серьезном отношении авторов к своим блогам или интернет-дневнику как продукту творческой деятельности, который требует уважения других посетителей данной интернет-страницы.

Что касается сферы коммуникации, то жанр самопрезентации можно отнести как к персональному, так и к официально-деловому дискурсу в зависимости от того, какую цель преследует автор: представить себя как уникальную личность или как профессионала, обладающего теми или иными навыками. Учитывая то, что некоторые пользователи начинают использовать блоги для продвижения своих услуг и товаров, тексты «о себе» в этом случае соотносимы с официально-деловым дискурсом.

Структурно-семантические параметры

С одной стороны, стоит отметить тематическое разнообразие текстов-самопрезентаций, подкрепленное возможностью использования различных невербальных средств, однако, с другой стороны, можно выделить ряд наиболее часто затрагиваемых тем в этих текстах, которые можно включить в тематическое ядро интернет-самопрезентации. К таким темам можно отнести персональную информацию об авторе и информацию о блоге или интернет-дневнике. В свою очередь, следует также перечислить подтемы, обычно затрагиваемые при описании себя:

- 1) профессиональная деятельность;
- 2) творческая деятельность и интересы;
- 3) мировоззренческие позиции и ценности;
- 4) биографические факты (личные достижения, значимые события и т.п.);
- 5) учебные заведения, законченные автором;
- 6) семейное положение.

Если автор дает какую-либо информацию о своем блоге или интернет-дневнике, то он обычно касается следующих подтем:

- 1) содержание блога или интернет-дневника;
- 2) «политика зафренживания/зафрендования» (оба варианта часто встречаются), т.е. по какому принципу автор подписывается на других блогеров и добавляет «в друзья» желающих (пример 12);

(12) о френдах- френжу в основном только тех кто имеет непосредственное отношение к проекту и кого знаю в оффлайне, ленту блюду, так что извините если не включил в список. оставляю за собой право на немотивированный френд-цид. (<http://misha-buster.livejournal.com/28370.html>)

- 3) правила поведения внутри блога, которые чаще всего касаются содержания и характера комментариев к записям и общения посетителей блога между собой во время обсуждений. Многие сервисы блогов дают возможность своим пользователям «забанить» других блогеров, т.е. ограничить их доступ к блогу или к комментированию записей. Данная функция позволяет автору блога контролировать обсуждения и предотвращать возможные конфликты.

В отношении структуры текстов «о себе», следует отметить, что, несмотря на возможность подачи информации различными знаковыми средствами в свободной форме, можно выделить структурные особенности, характерные для жанра самопрезентации. Если рассматривать креолизованные тексты, то представляется возможным отметить, что многие пользователи блогосферы стараются соблюдать очередность использования вербальных и невербальных средств. Например, письменное сообщение размещается в начале, затем после него располагаются изображения, ссылки, баннеры, аудио- и видеоматериалы. Исключением является цитирование прецедентных текстов, которое может размещаться в любом порядке по отношению к основному тексту. Такая подача информации может быть объяснена тем, что довольно часто автор блога начинает с создания письменного текста-самопрезентации, который затем постепенно дополняется различными невербальными знаковыми формами.

Лингвостилистические параметры

Л.Ю. Щипицина включает в лингвостилистические параметры следующие

средства: **фонетико-графические, лексические, морфологические, синтаксические и стилистические** [Шипицина 2011:20]. Подробное описание всех лингвостилистических особенностей интернет-жанра самопрезентации не входит в задачи настоящей статьи, однако мы постараемся кратко проиллюстрировать обозначенные параметры.

Фонетико-графические средства. Как отмечает Е.И. Горошко, для асинхронных жанров более характерны графические средства, нежели фонетико-графические, подразумевающие использование графических знаков для передачи эмоций [Горошко, Землякова, Полякова 2012: 344 – 357]. Как показывает проанализированный материал, при создании текстов-самопрезентаций их авторы прибегают к различным графическим средствам для дополнительного подчеркивания своих эмоций, например эмодзи и знаков пунктуации (пример 13 и 14).

(13) *...если мы с вами знакомы или вам очень важна «взаимность», не поленитесь черкнуть пару строк :))* (источник: <http://andreysuzdalev.livejournal.com/profile>)

(14) *Да, вы можете найти ссылок на мои стихи и прозу - вот их стоит читать, причем много и часто. Это помогает от всего.)* (источник: <http://antonandreev.livejournal.com/profile>)

Лексические средства. Анализ лексического уровня текстов-самопрезентаций выявил употребление разнообразной профессиональной терминологии в том случае, если автор предстает перед публикой в образе специалиста и нацелен на рекламирование своих услуг или товаров. В текстах тех авторов, которые стремятся к неформальному межличностному общению, наблюдается частое появление понятий, отражающих реалии коммуникации в интернет-пространстве и, в частности, блогосферы: *френд, почитатель, ПЧ, френдлента, зафрендить, френдоцит, забанить, подзабочная запись* и т.д (примеры 15-18).

(15) *Мои стихобредные и просто стихо- творения можно почитать по-тэгу*

СТЕХИ

Мои кулинарные зарисовки по-тэгу

ФКУСНО ЖРАТЬ!!! (источник: <http://bad-muthafucka.livejournal.com/>)

(16) *ЖЖ веду давно, но как-то в один момент мне все надоело и я убрала его под замок.*

(17) *Ленту всю читать не успеваю: работа у меня не офисная :)*

(источник: <http://aljena-beljaeva.livejournal.com/>)

(18) *Буду в плохом настроении - забаню...* (источник: <http://darth-biomech.livejournal.com/profile>)

Помимо этого в текстах-самопрезентациях иногда встречаются элементы так называемого «олбанского языка» или «языка падонков», подразумевающего нарочито неправильное написание слов, как это можно увидеть в примере 15. Однако такие примеры единичны, что, очевидно, свидетельствует о спаде популярности данного интернет-жаргона.

Жанр самопрезентации также отражает лингвокреативные способности участников интернет-коммуникации на словообразовательном уровне. Авторы часто прибегают к различным способам словообразования для того, чтобы подчеркнуть свою оригинальность и уникальность своего творчества. Чаще всего в

проанализированных текстах встречаются неологизмы, образованные с помощью основоположения: *стихобредовые и стихо- творения, мордокнига* (facebook) и проч.

Наш анализ показывает, что лингвостилистические характеристики текстов-самопрезентаций отражают общие тенденции развития языка в интернет-среде, и позволяет сделать следующие выводы об интернет-жанре самопрезентации и его свойствах:

1. Самохарактеристика автора блога или интернет-дневника является частью лингвокультуры и обладает устоявшимися прагматическими, медийными, структурно-семантическими и лингвостилистическими признаками.

2. Тексты-самопрезентации представляют собой реализацию интенции коммуниканта охарактеризовать себя тем или иным образом, заключающуюся в стереотипном речевом поведении, что, в свою очередь, позволяет отнести их к числу тех интернет-жанров, которые О.В. Лутовинова называет дискурсоприобретенными. Коммуникативная цель интернет-жанра самопрезентации заключается в том, чтобы сформировать определенное впечатление об авторе и его блогговом творчестве у адресата.

3. Семантико-структурные и прагматические особенности текстов-самопрезентации наиболее наглядно подчеркивают их жанровую самостоятельность, в то время как по лингвостилистическим параметрам данные тексты обладают всеми признаками интернет-дискурса и отражают основные тенденции его развития.

4. С другой стороны, нельзя не отметить, что тексты-самопрезентации весьма разнообразны по своему стилистическому оформлению. Среди проанализированного материала около 25% текстов являются вариациями традиционного жанра резюме, адаптированного для функционирования в интернет-среде (креолизованный гипертекстуальный характер). Авторы текстов подобного рода преследуют цель предстать перед своей потенциальной аудиторией в образе профессионала. Однако большинство изученных текстов являются оригинальными произведениями, обладающими лингвокультурными признаками интернет-дискурса и предназначенными для оптимизации общения, происходящего в интернете.

5. Анализ текстового корпуса показал, что интернет-коммуниканты прибегают к различным стратегиям самопрезентации, которые обладают прагматической, семантико-структурной и лингвостилистической целостностью. Стратегии самопрезентации и их знаковое оформление требуют отдельного изучения.

Список литературы

Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дисс.канд. филол. н. Челябинск, 2005. – 266 с.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. – С. 237-289.

Бодаев А.А. Самопрезентация // Психология общения. Энциклопедический словарь. Под общ. ред. А.А. Бондалева. – М. Изд-во «Когито-Центр», 2011г. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1095/word/samoprezentacija> (дата обращения: 09.01.2014).

Горошко Е.И., Жигалина Е.А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное. – 2011 // Текстология.ru. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=223> (дата обращения: 24.02.2014).

Горошко Е.И., Землякова Е.А., Полякова Т.Л. Жанры 2.0: проблема типологии и категоризации (на примере коммуникативного сервиса «Твиттер») // Жанры речи: Сб. науч. статей. – Саратов-Москва: Лабиринт, Ж31, 2012. Вып. 8: Памяти Константина Федоровича Седова. Жанр и творчество. – С. 344-357.

Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Стратегии самопрезентации и их связь с реальной идентичностью. – 1999 // Флогистон: Психология из первых рук. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy> (дата обращения: 21.01.2014.)

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: лекционный курс. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.

Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография / О. В. Лутовинова. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 477 с.

Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дисс. . д-ра филол. н. – Волгоград, 2009.

Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика / К. Ф. Седов // Жанры речи: Сб. науч. статей. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. – Вып. 6. Жанр и язык. – С. 23-40.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия: коллективная монография. – М.: Наука, 1990. – С. 180-186.

Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты): Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 300 с.

Щипицина Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дис. . д-ра филол. наук. – Воронеж, 2011. – 446 с.

Щипицина Л.Ю. Комплексная характеристика жанра компьютерно-опосредованной коммуникации (на примере веб-страниц новостных агентств) / Л.Ю. Щипицина // Социокультурные проблемы языка и коммуникации: сб. научных трудов. Вып. 5. – Саратов: ПАГС, 2009. URL: <http://www.pags.ru/science/conferences/E-Conference/Shipitina.doc> (дата обращения: 27.02.2014).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТВИТТИНГ КАК НОВЫЙ ЖАНР ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы функционирования нового вида коммуникации – политической интернет-коммуникации и особенности функционирования английского языка в Интернете. Использование Интернета в политической сфере приводит к появлению новых языковых форм, видоизменению старых, возникновению новых жанров, в которых наряду с использованием традиционных языковых средств также отмечаются случаи употребления языковых средств, характерных для интернет-коммуникации в целом – использование фонетико-графического написания слов, множественное написание знаков пунктуации, пренебрежение пунктуацией, использование эмодиконов и др. Кроме того, анализ языка усложняется возможностью использования в вербальном тексте аудио- и видеофрагментов.

Примером нового интернет-жанра является политический твиттинг – интернет-жанр, обеспечивающий общение с помощью интернет-сервиса Твиттер. Рассматриваются уникальные коммуникативные свойства Твиттера, отличающие его от других интернет-сервисов и способствующие успешному осуществлению основной функции жанра политический твиттинг–информационной функции. К данным свойствам можно отнести ограниченность длины сообщения до 140 знаков, высокую оперативность, наличие удобной поисковой системы, возможность общения как в синхронном, так и в асинхронном режиме, простоту и доступность в использовании.

Также в работе выделяются и анализируются основные лингвистические параметры жанра политический твиттинг, к которым можно отнести цель, тип автора и адресата, время коммуникации, место, структурные характеристики (оформление жанра на экране компьютера, структура твитов, ограничение длины сообщения в 140 знаков, виды твитов, тематика твитов, мультимедийность, интерактивность, гипertextуальность, оперативность), стилистические параметры.

Ключевые слова: Твиттер, политический твиттинг, политическая интернет-коммуникация, жанр, лингвистический анализ.

Elena I. Goroshko, Tatyana L. Polyakova

POLITICAL TWITTING AS A NEW DIGITAL GENRE

The article deals with the problems of a new kind of communication – political Internet-communication and the peculiarities of language functioning in the English-speaking Internet. Using the Internet in the political sphere leads to appearing new language forms, changing the old ones and arising new genres where traditional linguistic means are used along with the linguistic means which are a characteristic feature of Internet-communication in general. They include phonetic and graphic spelling, multiple use of punctuation symbols, neglect of punctuation, use of emoticons, etc. Besides the language analysis gets more complex because of using audio and video fragments in a verbal text.

One of the examples of a new digital genre is political twitting – a digital genre initiated by the Internet-service Twitter. The unique communicative characteristics of Twitter which differ it from other Internet services and promote successful realizing its main function – informing – are considered. These features include limitation of the message length to 140 characters, high operational efficiency, a convenient search system, both synchronous and asynchronous communication conditions, simplicity and availability of use.

Besides, the main linguistic features of political twitting are specified and analyzed in the work. They are purpose, author and addressee, communication time, place, structural characteristics (genre appearance on the computer screen, tweet structure, limitation of the message length to 140 characters, tweet types, tweet themes, multimedia feature, interactivity, hypertextuality, operational efficiency), stylistic features.

Keywords: Twitter, political twitting, political Internet-communication, genre, linguistic analysis.

Активное использование информационных технологий в начале XX столетия, а также расширение интернет-аудитории привлекло внимание представителей различных сфер деятельности, в том числе и политических лидеров, к этому новому средству связи с общественностью. «Политики пытаются отыскать новые способы думать и действовать, т.е. сочетать прагматику и когниции нового времени» [Компанцева: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/k/kompantseva.shtml]. Однако коммуникация, как и любое другое явление нашей жизни, не может не испытывать на себе воздействие «...быстродействующих и вездесущих дигитальных процессов» [Иванова: http://journals.uspu.ru/attachments/article/109/PL_2012_1_41.pdf], что, естественно, приводит и к изменениям в языке, который обслуживает интернет-коммуникацию и, в том числе, политическую интернет-коммуникацию, которая определяется нами как речевая деятельность, направленная на передачу определенной политической информации, пропаганду тех или иных политических идей, эмоциональное воздействие на граждан при помощи Сети Интернет. Появляются новые языковые формы, видоизменяются старые [Морозова: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling36/ling36_22.pdf], возникают новые жанры, такие как *политический твиттинг*, представляющий собой интернет-жанр, обеспечивающий общение с помощью интернет-сервиса Твиттер в сфере политической интернет-коммуникации.

Твиттер (англ. *Tweet* – «чирикать», «щебетать», «болтать») представляет собой социальную сеть, **онлайн сервис для ведения** микроблогов. Данный сервис позволяет пользователям отправлять короткие (до 140 символов) текстовые заметки, используя веб-интерфейс, SMS, службы мгновенных сообщений или сторонние программы-клиенты [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Twitter>].

Обмен мнениями, идеями, событиями является одним из основных мотивов в общении между людьми. И социальный сервис Твиттер стал именно одним из тех инструментов, который благодаря своим некоторым уникальным коммуникативным качествам позволяет легко и быстро донести до группы людей (своих последователей) нужную вам информацию.

К факторам, обеспечивающих высокую популярность Твиттера именно как платформы для общения, можно отнести:

- простоту и доступность в использовании (сообщения можно отправлять через сайт Твиттер, службы мгновенных сообщений, SMS, электронную почту, также при наличии специальной программы твиты можно принимать на сотовый телефон);
- высокую оперативность (набранные сообщения сразу же отображаются на аккаунте пользователя и могут быть немедленно отправлены тем, кто подписан на их получение);
- быстрота создания аккаунта (пользовательской веб-страницы);
- наличие удобной поисковой системы по всем словам и словосочетаниям, которые встречаются в Твиттере;
- возможность выразить основную мысль в сообщении длиной не более 140 символов, что особенно удобно, когда сообщение отправляется, например, с мобильного устройства, вставлять в сообщения фотоматериалы, видео- и аудиозаписи, ссылки, а также адресовать сообщения либо группе лиц, выбранных пользователем, либо открытой аудитории;
- общаться как в синхронном, так и в асинхронном режиме.

Вышеперечисленные свойства сделали Твиттер одним из самых популярных на сегодняшний день коммуникативных сервисов, нашедшим свою аудиторию как среди молодежи, так и среди взрослого населения, целью общения которых является личное самовыражение, поиск единомышленников, создание групп по интересам, обмен мнениями, музыкальными новинками, а также обмен новостями из области политики, экономики, продвижение своего собственного имиджа, имиджа своей компании, проведение рекламных кампаний и т.д., т.е. Твиттер уже давно является платформой общения не только на межличностном бытовом уровне, но и перешел в другие сферы нашей жизни – сферу образования, экономики, политики и т.д. Многие известные люди, включая политиков, активно используют Твиттер как еще один способ заявить о себе в Сети Интернет и «...рассматривают его как потенциальное решение многих проблем обмена информацией» [Golbeck et al. 2010: 1612].

Однако несмотря на большую популярность социального сервиса Твиттер, в том числе и в сфере политической коммуникации, и несмотря на текстовый характер данного сервиса, Твиттер остается еще одним из недостаточно изученных коммуникативных сервисов, и сравнительно мало работ было посвящено исследованию особенностей функционирования языка жанра *политический твиттинг* [Иванова: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling36/ling36_15.pdf], даже в англоязычной политической коммуникации.

Вышеизложенные положения и обусловили актуальность данного лингвистического исследования, объектом которого стало 5561 сообщение десяти наиболее популярных (по количеству последователей) в Твиттере ведущих политических деятелей США, которые были выбраны на основании данных, полученных с сайта *Fan Page List* [<http://fanpagelist.com/category/politicians/view/list/sort/followers/>]. Согласно полученным результатам, самыми популярными в Твиттере политиками к настоящему моменту стали: Барак Обама, Арнольд Шварценеггер, Альберт Гор, Джон Маккейн, Ньют Гингрич, Гейвин Ньюсом, Кори Букер, Джерри Браун, Митт Ромни, Сара Полин. Исследуемые сообщения были собраны с официальных аккаунтов десяти вышеперечисленных политических деятелей США за период с 1 июня по 1 сентября 2012 года.

В основу анализа были положены наиболее общие для большинства интернет-жанров параметры, которые, однако, являются характерными и для жанра политический твиттинг. Мы полагаем, что именно эти параметры дают возможность определить место данного жанра среди других жанров интернет-коммуникации. Так, жанрообразующими признаками политического твиттинга являются следующие параметры: *цель, тип автора и адресата, хронотон* (время коммуникации), *место, структурные характеристики (оформление жанра на экране компьютера, структура твитов, ограничение длины сообщения в 140 знаков, виды твитов, тематика твитов, мультимедийность, интерактивность, гипертекстуальность, оперативность), стилистические параметры.*

Цель коммуникации является одним из основных параметров, использующихся при описании жанра политический твиттинг. Данный параметр неразрывно связан с функциями коммуникации в данном жанре, основными из которых, как показало исследование, являются информативная, а также связанная с ней когнитивная функция. Твиттер рассматривается как мощный альтернативный источник информации, как средство получения и распространения информации. Так, политики используют Твиттер как средство информирования пользователей о своих предвыборных программах, личных планах, а также о предстоящих событиях в политической сфере, что играет большую роль при формировании политического имиджа политика, а также в целях формирования нужного впечатления у своего электората. Кроме того, были такие выделены такие функции, как функция персуазивного языкового воздействия, суггестивная, коммуникативная, экспрессивная и культуuroобразующая функции.

Следующим важным параметром описания жанра политический твиттинг является **тип автора и адресата**. Так, **авторами** политических твитов являются в основном частные лица, однако аккаунт может быть создан и политической партией.

Barack Obama @BarackObama

POTUS: «I will take ideas from anybody, Dem. or Repub., as long as they're advancing the cause of making middle-class families stronger.»

Retweeted by Barack Obama

The Democrats @TheDemocrats

Ahead of tonight's debate, get a quick refresher on what Mitt Romney and Paul Ryan are actually proposing for America. [<http://RomneyRyanRevealed.com>].

Что касается **адресата**, то, как показало исследование, около 99.5% твитов, созданных политическими деятелями, направлены всей массе пользователей, подписанных на получение сообщений от данного политика. Сообщения, адресованные конкретному лицу, составили около 0.37%, а процент сообщений, направленных группе лиц – примерно 0,05%.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что политический твиттинг является большей частью монологом и что коммуникация в Твиттере в сфере политики носит, в основном, массовый характер, т.е. направлена на всех пользователей, подписанных на получение сообщений того или иного политического деятеля, что говорит о ее общественной направленности. Данный факт позволяет утверждать, что жанр политический твиттинг носит не личностный характер, что имеет место в бытовой коммуникации, когда целью общения является просто

межличностное общение, а направлен на достижение определенной политической цели, продвижение своей политической платформы, формирование политического имиджа, что будет способствовать увеличению количества будущих избирателей.

Говоря об эксплицированности личности автора, можно сказать, что в политическом Твиттере она четко обозначена. В верхней строчке твита слева от ника (прозвища) автора пишется его реальное имя. Кроме того, сам ник также указывает на личность политического деятеля, т.к. большей частью ник в политическом Твиттере представляет собой имя политика.

Слева от текста твита расположена картинка с аватаром – графическом образом, которая в политическом твиттинге практически всегда представляет собой фотографию политического деятеля. Некоторую информацию о личности политического деятеля, его деятельности, статусе, месте жительства, работы, увлечениях и т.д. также можно получить из короткой самопрезентации, на которую отводится 160 символов и которую можно найти, зайдя на домашнюю страницу пользователя.

Таким образом, можно отметить, что степень выраженности авторского начала в политическом твиттере, в отличие от межличностной бытовой сферы коммуникации, достаточно высока, что объясняется функциями и целями коммуникации, которые имеют идеологическую направленность и заключаются в достижении определенных политических целей.

Что касается **хронотопа (время коммуникации)** жанра политический твиттинг, то, поскольку он является гибридной формой коммуникации, ему присущ как синхронный, так и асинхронный характер коммуникации. Дата отправки твита размещена на верхней строке справа. Если сообщение было отправлено сегодня, то указывается, сколько минут или часов назад оно было отправлено.

Cory Booker @CoryBooker

6h

Why do I have to choose. I enjoy'em both BUT if I had to BE one: Picard. RT @Lynn_Blake: KirkorPicard?!

Анализируя следующий параметр – **место**, подразумевающий сферу использования твиттинга, можно сказать, что данный жанр относится, главным образом, к институциональному дискурсу, где центром является политическая деятельность.

Структурные характеристики жанра политический твиттинг включают в себя *оформление жанра на экране компьютера, структура твитов, ограничение длины сообщения в 140 знаков, виды твитов, тематику твитов, интерактивность, мультимедийность, гипертекстуальность и оперативность.*

Данные параметры связаны с высокими возможностями информационных и интернет-технологий и играют большую роль при осуществлении политическими лидерами своей деятельности и достижении поставленных целей.

Так, *оформление жанра* или его лингвистический дизайн – это параметр, объединяющий в себе такие составляющие, как программное обеспечение, которое используется при создании и чтении жанра, расположение на экране элементов программы, а также внешнюю структуру текста [Щипицина 2009]. Если говорить о расположении на экране функциональных элементов программы, то на домашней странице пользователя Твиттера мы можем видеть такие обозначения словесного характера, как, например, *Following* (русск. *следовать, следит*) – нажав на данный элемент, вы войдете на страничку, где можно получить более подробную информацию о тех пользователях, за сообщениями которых вы следите; *Followers* (русск.:

последователи) – данная функция позволяет открыть страничку с информацией о тех пользователях, которые следуют за вами и др. Также на аккаунте пользователя можно увидеть программные элементы иконического характера, например аватары тех пользователей, за сообщениями которых вы следите или которые следуют за вами, и нажав на которые, можно попасть к ним на домашнюю страницу.

Что касается *структуры самого твита*, то он представляет собой автоматически формируемый заголовок, где слева размещается имя автора и его ник, а справа – время отправки сообщения. Затем следует сам текст сообщения и, наконец, на последней строке находится элемент словесного характера *Expand* (русск.: *расширяться, увеличивать*), нажав на который можно получить дополнительные сведения о данном твите, т.е. точное время его отправки, количество цитирований этого сообщения, способ его отправки и др.

Следующая характеристика, *ограничение длины сообщения в 140 знаков*, говорит о лаконичности твиттинга и является одной из его жанрообразующих особенностей.

Все вышеперечисленные характеристики обеспечивают внешнее отличие твиттинга, а также политического твиттинга, от других интернет-жанров, что особенно важно при его описании.

Говоря о *видах твиттов*, можно отметить, что все сообщения в жанре политический твиттинг можно разделить на: твиты, представляющие собой ответ другому пользователю или группе пользователей и начинающиеся с аккаунта того, кому адресован ответ (0,43%); твиты, включающие в себя выдержку из твита другого пользователя, перед которой ставятся буквы RT и название аккаунта того пользователя, твит которого цитируется (21,09%); твиты, не содержащие ответа другому пользователю и не содержащие цитат [Сорокина и др. 2011: 40], которые условно можно назвать *информативными* (78,47%).

Barack Obama @BarackObama

@Jordyn_Wieber, @GabrielleDoug, @Aly_Raisman, @McKaylaMaroney, @Kyla_Ross96: Congratulations! You've made us all proud. #TeamUSA

Jerry Brown @JerryBrownGov

RT @johnmyers: «This is the most critical issue on the ballot this November», says @JerryBrownGov at #Prop30 kickoff

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что жанр политический твиттинг является преимущественно монологическим жанром, основной функцией которого является информативная функция, в то время как коммуникативная функция, являющаяся основной во многих интернет-жанрах, в жанре политический твиттинг играет второстепенную роль.

На выбор *темы* сообщения в Твиттере большое влияние оказывает сфера его использования. Таким образом, основной темой в политическом твиттинге является политика, т.е. тематика данных твитов отличается монотематичностью. Кроме того, о политической направленности жанра говорит использование тематических слов и словосочетаний, обозначенных хэштегом, самыми популярными из которых являются: *#Obama2012, #Syria, #progress, #ACA, #Newark, #DontDoubleMyRate, #Newt, #defense* и др.

Особый интерес при анализе жанра политический твиттинг представляют такие медийные параметры, как *мультимедийность, интерактивность, гипертекстовая организация и оперативность*.

Анализируя такой важный медийный параметр, как *мультимедийность* (использование в процессе коммуникации помимо вербального текста, фотографий, аудио- и видеoinформации и пр.), мы подразумеваем возможность использования в жанре политический твиттинг ссылок. Использование ссылок также можно считать примером *гипертекстуальности* в данном жанре, т.к. при их помощи можно ознакомиться, например, с полным текстом сообщения, которое не вместились в 140 символов.

Barack Obama @BarackObama

The President's hitting the road to Charlotte to accept the nomination at the @DemConvention on Thursday – follow along: t.co/QRZZfNBR

Говоря об *интерактивности* в жанре политический твиттинг, мы подразумеваем возможность использовать в своем сообщении цитаты другого пользователя, которые отмечаются буквами RT, и тематические слова, перед которыми ставится символ # (хэштег), щелкнув на который, можно попасть на отдельную ленту, где все участники обсуждают только данную тему. *Jerry Brown @JerryBrownGov*

RT @johnmyers: «This is the most critical issue on the ballot this November», says @JerryBrownGov at #Prop30 kickoff

Использование в твитах ссылок является также примером *оперативности* исследуемого жанра, что представляет собой важный параметр, использующийся при его анализе.

Стилистические параметры представляют наибольший интерес при анализе жанра политический твиттинг, поскольку новые цифровые технологии оказывают большое влияние на язык, обслуживающий интернет-коммуникацию и ее отдельные жанры.

Ввиду того что форма реализации коммуникации в Интернете в основном печатная, т.е. осуществляется при помощи текстов, возникает необходимость компенсации отсутствия невербальных средств коммуникации – мимики, жестов, интонации, которые помогают выражать эмоции в устной коммуникации. Важную роль в достижении данной цели играют *графические средства*, которые помогают придать общению более непринужденный характер, выразить эмоции, подчеркнуть наиболее важную идею высказывания.

Было установлено, что одним из наиболее распространенных графических средств, которые используются в политическом твиттинге и помогают, хоть в какой-то степени, передать все нюансы, и разнообразие форм разговорной речи, относится, прежде всего, множественное написание знаков пунктуации – многоточия (более 55%), которое может выражать, например неоконченную мысль или паузу; восклицательного знака (28,04%), являющегося важным стилистическим приемом, который применяется в качестве средства эмоционального воздействия на аудиторию; вопросительного знака (11,68%) и многоточия (5,14%), которые также являются важными стилистическими приемами, подчеркивающими особое эмоциональное состояние (как позитивное, так и негативное) автора твита.

Однако, как показал проведенный анализ и сопоставление использования множественного написания знаков препинания в твитах десяти политических деятелей, не все политики в равной степени используют данный прием в своих сообщениях, что указывает на то, что он не является отличительной чертой жанра

политический твиттинг, где коммуникация носит институциональный характер и основной функцией которого, как уже упоминалось, является информирование, а не самовыражение, как это происходит в сфере межличностного бытового общения. Кроме того, на использование множественного написания знаков препинания во многом влияет личность автора.

Следующим графическим средством, представляющим важный стилистический прием, является написание с заглавных букв отдельных слов (31,11%), групп слов (8,72%) и целых предложений (2,65%).

В отдельную группу можно отнести написание с заглавных букв слов, которые могут быть выделены не для эмфатического усиления высказывания, а с функциональной целью. Сюда можно отнести такие слова, как VIDEO и PHOTO (13,85%), FACT (23,9%), POTUS (President of the United States) (19,73%), которые используются для того, чтобы подчеркнуть, что данный твит содержит видеоролик, фотографии, или, что информация, содержащаяся в данном сообщении, является реальным фактом.

Однако как показал анализ, данный прием также не является характерной чертой жанра политический твиттинг. Использование написания слов с заглавных букв в данном жанре говорит, скорее, о желании автора подчеркнуть, выделить определенную информацию. Кроме того, большую роль в использовании заглавных букв играет личностный фактор, т.е. подобное написание слов является индивидуальной особенностью автора.

Следующим стилистическим средством, используемым с целью создания эмфатического усиления, является многократное повторение в слове одной и той же буквы. Однако во всем корпусе исследуемых твитов данный графический прием можно встретить только примерно в десяти словах в твитах трех политических деятелей. Подобные явления в большей степени присущи синхронным интернет-жанрам, имитирующим устную разговорную речь, тогда как жанр политический твиттинг скорее относится к асинхронным интернет-жанрам, основной целью которого является информирование.

В политическом твиттинге одной из особенностей является использование эмодзи. Однако данный прием, являющийся особенностью многих синхронных интернет-жанров, также нельзя назвать характерным признаком жанра политический твиттинг, и большое влияние на частоту его использования оказывает личностный фактор.

В отдельную группу можно отнести графические символы, которые имеют функциональное значение. К данным символам относятся: # (хештег), который используется примерно в 30% твитов; @ (курса), встречающийся в 90% сообщений, и RT, употребляемый примерно в 43% сообщений. Полученные количественные результаты говорят о достаточно большой популярности употребления данных графических символов и связанных с ними особенностями их функционального использования.

Исследуя жанр политический твиттинг на *лексическом уровне*, мы проанализировали словарные средства, которые являются характерной чертой данного жанра. К ним относится, прежде всего, употребление политической лексики и использование нестандартных способов словообразования. Также была выявлена и проанализирована наиболее употребляемая в политических твитах лексика.

Относительно морфологических особенностей «оформления» жанра политический твиттинг было установлено, что в число первых 50 наиболее часто употребляемых единиц входят, в основном, артикли, союзы, личные, притяжательные и указательные местоимения. В число наиболее употребляемых самостоятельных лексических единиц вошли практически все части речи: глагол – 28%, существительное – 24%, наречие – 22%, местоимение – 14%, прилагательное – 6%, союз – 4%, числительное (местоимение) – 2%.

К лексическим средствам, которые являются характерной чертой интернет-жанров, в том числе и жанра политический твиттинг, можно отнести и специфические способы словообразования, наиболее распространенными из которых является использование буквенно-слогового (*tmrw – tomorrow*) и буквенно-цифрового (*gr8 – great*) написания слов. Однако подобное написание слов хотя и встречается в твитах политической направленности, но не является его характерной чертой, и его использование больше зависит от личности автора.

Являясь в большей степени асинхронным жанром интернет-коммуникации, политический твиттинг не демонстрирует существенных отличий на *морфологическом уровне* от традиционного линейного текста. В данном жанре представлены все части речи: глагол, существительное, прилагательное, наречие, местоимение, грамматические категории которых оформлены, в основном, согласно норме английского языка.

Первое место по количеству случаев употребления занимают артикли, предлоги, некоторые союзы и наречия, личные и притяжательные местоимения, указательные местоимения. Что касается самостоятельных членов предложения, то, как уже упоминалось, наиболее часто в политическом твиттинге употребляется глагол, затем следуют существительное, наречие и прилагательное.

Говоря об имени существительном, местоимениях, можно отметить, что категории данных частей речи оформлены в соответствии с грамматическими правилами английского языка. Употребление падежей определяется глагольным управлением и отражает их отношение к другим языковым единицам.

По поводу использования имени прилагательного, необходимо отметить, что примерно в 3.5% твитов встречается употребление конструкций со степенями сравнения данной части речи, что является важным стилистическим приемом, повышающим экспрессивность высказывания.

Также важное значение имеет такая категория имени прилагательного, как значение качества. Исследование позволило выделить следующие наиболее часто встречающиеся прилагательные с положительной оценкой: *great, amazing, extraordinary, excellent, fantastic* и некоторые другие, а также прилагательные с негативной оценкой: *awesome, terrible, hazardous* и др. Однако можно сделать вывод, что для политического твиттинга не характерно использование большого количества прилагательных с положительной оценкой, а прилагательные с негативной оценкой встречаются крайне редко, и у большинства политических деятелей они практически отсутствуют.

Относительно употребления временных форм глагола исследование показало, что жанр политический твиттинг отличает использование практических всех грамматических времен, употребление и образование которых в большинстве случаев подчинены правилам английского языка.

В твитах политической сферы также встречаются случаи употребления модальных глаголов и конструкций с их эквивалентами. Первое место по частотности использования (около 43,73% всех модальных глаголов, которые встречаются в сообщениях) занимает глагол *can*, способствующий поддержанию основной цели твита, которой ввиду президентских выборов 2012 года является желание создать у адресата необходимый настрой, позитивное восприятие пропагандируемой политической позиции.

Затем следуют модальные глаголы *should* (14,68%) и *need* (17,36), которые говорят о намерениях и желаниях политического деятеля и носят побудительный характер, т.е. часто передают призыв к необходимости выполнения действия.

Имеющий тот же характер глагол *must* употребляется гораздо реже (4,39% от общего количества модальных глаголов), что объясняется тем фактом, что основными функциями жанра политический твиттинг являются информативная и коммуникативная функции, а директивная функция, которую выражает глагол *must*, не совсем уместна и не будет способствовать продвижению имиджа политика.

Также в твитах политической направленности отмечено употребление личных форм глагола, которые встречаются примерно в 38% сообщений. Помимо своего функционального назначения вербоиды придают высказыванию большую экспрессивность, повышают его эмоциональную

Описывая жанр политический твиттинг на *синтаксическом уровне* мы проанализировали использование в сообщениях полных и неполных (номинативных) предложений, основой которых является ядерный компонент, выраженный именем существительным.

CoryBooker @CoryBooker

*Gr8 day! Partnering w state 2 fund training of Nwkers w Building Trades Unions
4 nsk construction jobs t.co/8aceV6Ez*

Как показало исследование, номинативные предложения встречаются примерно в 1% всех сообщений, что указывает на то, что их использование не является характерной чертой жанра политический твиттинг. Данный факт объясняется тем, что твиттинг в целом и политический твиттинг в частности является преимущественно асинхронным жанром интернет-коммуникации, в котором преобладают черты письменной речи, такие как использование полных предложений.

Следующей характеристикой жанра политический твиттинг является использование эллиптических предложений, где отмечается опущение как одного, так и обоих главных членов предложения.

BarackObama @BarackObama

Hope everyone gets in a little family time this weekend: t.co/UgRTlaHh

Было установлено, что данный прием встречается примерно в 11% всех исследуемых сообщений. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что употребление эллиптических конструкций является довольно распространённым явлением в жанре политический твиттинг. Это объясняется тем, что, хотя Твиттер и имеет в основном асинхронный характер коммуникации, он позволяет общаться в режиме реального времени. В этом случае в большей степени проявляются черты устной речи, отмечается тенденция к экономии языковых средств, одним из путей достижения которой является использование эллиптических предложений, являющихся важным стилистическим средством, помогающим отразить эмоциональное состояние пользователей и создать имитацию живой разговорной речи.

Что касается количества предложений, из которых состоят сообщения политической направленности, то, как показывают полученные результаты, более половины исследуемых сообщений состоят из одного предложения (54.48%), затем следуют сообщения, состоящие из двух (30.92%) и трех (11.52%) предложений. На сообщения, состоящие из четырех, пяти и шести предложений, приходится около 3% сообщений. Таким образом, можно заметить, что для политического твиттинга характерно использование сообщений, состоящих преимущественно из одного или двух предложений. Данный факт можно объяснить ограниченным размером сообщений в Твиттере (140 символов), а также доминированием информативной функции.

В твитах было выявлено употребление как простых, так и сложных предложений. Однако согласно полученным результатам, в твитах политической направленности преобладает тенденция использования простых предложений, которые составляют примерно 70% всех предложений, тогда как на долю сложных предложений приходится около 30%. Данный факт можно объяснить, во-первых, функциональной особенностью сервиса микроблогов Твиттер, где длина сообщений ограничена 140 символами, во-вторых, тем, что простые предложения облегчают восприятие информации, которая передается в сообщении, а также частично синхронным характером коммуникации в Твиттере, передающим некоторые признаки устной речи, одной из особенностей которой является использование простых предложений.

Говоря об использовании в политических твитах повествовательных, вопросительных, восклицательных и побудительных предложений, можно отметить, что около 70% всех предложений в исследуемых сообщениях являются повествовательными, т.к. основной функцией жанра политический твиттинг является информирование. Вопросительные предложения составляют около 6.72% всех предложений, а восклицательные предложения встречаются в исследуемых твитах несколько чаще – примерно в 11.9% сообщений, что говорит об их роли в качестве важного стилистического средства, придающего высказыванию большую эмоциональность, подчеркивает важность сообщаемой информации.

Таким образом, можно сделать вывод, что большое влияние на характер коммуникации в жанре политический твиттинг, а также на использование стилистических средств в данном жанре оказывает такой фактор, как функциональное ограничение длины сообщения до 140 знаков, которое приводит к необходимости жесткой экономии в использовании языковых средств. Кроме того, можно говорить о преимущественно институциональном характере коммуникации в исследуемом жанре, что обусловлено, в первую очередь, доминированием информативной функции, вследствие чего наблюдается ориентация преимущественно на нормы письменной формы речи.

Несмотря на то что жанр политический твиттинг отличается большей частью асинхронным характером коммуникации, он позволяет общаться в режиме реального времени, что приводит к усилению некоторых черт, свойственных устной форме речи. Это влияние одновременно двух форматов позволяет говорить о Твиттере как о новой – гибридной устно-письменной - форме коммуникации.

И наконец, на использование стилистических средств в жанре политический твиттинг большое влияние оказывает мотивационный личностный фактор. Это

приводит к тому, что в твитах одних политиков доминирует информативная функция, а у других можно отметить совмещение информативной и коммуникативной функции при использовании данного сервиса.

Таким образом, можно отметить, что состояние исследований, существующих на данный момент в сфере политической интернет-лингвистики, одним из направлений исследования которой является анализ виртуальных жанров, позволяет выделить ряд проблем, связанных с их изучением, одной из которых является недостаточная степень изученности вербальной составляющей текстов политических интернет-жанров. Это связано прежде всего с тем, что развитие средств массовой коммуникации, к которым относится и Интернет, происходит настолько быстрыми темпами, что практика использования новых информационных технологий в сфере политики и, соответственно, их влияние на язык, обслуживающий данную сферу, остаются малоизученными. Данный факт и определяет необходимость и актуальность дальнейшего детального изучения языковых явлений, характерных для текстов политической интернет-коммуникации.

Список литературы

Иванова А.И. Мы и Россия сегодня: лингвистический анализ Твиттер-платформы президента Дмитрия Медведева // Политическая лингвистика. 2 (36), 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling36/ling36_15.pdf

Иванова С.В. Реальный мир виртуальной политической рекламы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://journals.uspu.ru/attachments/article/109/PL_2012_1_41.pdf

Компанцева Л.Ф. Дискурс-анализ украинского политического интернета (гендерный аспект) // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр., 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/k/kompantseva.shtml

Морозова О.Н. Особенности лингвистического контента современных британских политических персональных сайтов // Политическая лингвистика. 2 (36), 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling36/ling36_22.pdf

Сорокина Е., Федотченко Ю., Чабаненко К. В социальных сетях – 140 символов самовыражения. – СПб.: Питер, 2011. – 144 с.

Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография / Л.Ю. Щипицина; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – 238 с.

Golbeck J., Grimes J., Rogers A. Twitter use by the U.S. Congress // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2010. Vol. 61. № 8. – P. 1612-1621.

Fan Page List. The social media directory of official accounts of your favorite brands, celebrities, movies, TV shows & sports teams [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fanpagelist.com/category/politicians/view/list/sort/followers/>

Twitter // Wikipedia. The Free Encyclopaedia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Twitter>

Т.В. Федосеева

УДК 81'23

**СЕМИОТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА**

Настоящая статья посвящена различиям в интерпретации текста в зависимости от установки на определенные методы извлечения смысла, соотносимые с типами читателей, как их характеризует У. Эко. На основе сравнения психолингвистического и семиотического подходов к коммуникации устанавливается влияние выбора модели коммуникации на метод смысловой интерпретации текста.

Ключевые слова: текст, интерпретация, смысл, типы читателей, диалог.

Tatyana V. Fedoseeva

**SEMIOTIC AND PSYCHOLINGUISTIC APPROACHES TO TEXT
INTERPRETATION**

This article is devoted to the differences between mechanisms of interpretation which depend on the approaches of the reader to the text as described by U. Eco. Being compared, psycholinguistic and semiotic approaches to communication and texts reveal the influence of the communication model choice on the method of textual interpretation.

Keywords: text, interpretation, meaning, types of the reader, dialogue.

Проблема множественности смыслов, выявляемых в тексте с помощью различных интерпретационных методов, сохраняет актуальность для лингвистической науки и практических потребностей сегодняшнего дня и активно разрабатывается в отечественной психолингвистике. Внести определенный вклад в данную проблему позволяет интеграция с науками, включающими в область своих интересов текст как знаковое образование. Большим потенциалом в вопросе интерпретации и понимания текста читателем, а именно способов извлечения смысла из текста, обладает семиотический подход к тексту, рассматриваемый в работах У. Эко. Целью настоящей работы является сравнение некоторых аспектов речемыслительной деятельности читателя, выявляемых психолингвистическим и семиотическим инструментарием. На основании выявленных особенностей делается вывод о том, что из множества смыслов (уровней смысла), присущих тексту, тот, что задан непосредственно самим текстом, становится доступным в диалоге читателя с текстом, через поиск читателем текстуальной стратегии.

Вопросы анализа и моделирования смысловой составляющей текста рассматриваются в отечественной психолингвистике с разных точек зрения. Во-первых, с точки зрения структурной организации речемыслительных процессов, моделируемых как деятельность, продуктом которой и является текст, во-вторых, с точки зрения восприятия, интерпретации и понимания текста в его смысловой целостности. В данных исследованиях имеется ряд общих принципиальных моментов. Прежде всего, учитывается разграничение значения и смысла слова. Значение слова есть социально кодифицированная форма общественного опыта, оно объективно обусловлено. Смысл представляет собой личностное образование, значение как факт психики, превращенный общественный опыт, включенный в систему деятельности и жизненных отношений индивида [Леонтьев 1999: 139]. Другим принципиальным

моментом психолингвистических исследований является понимание текста как опредмеченной формы акта коммуникации (ситуации общения), необходимыми компонентами которой являются предмет коммуникации, автор и реципиент. Основой для такого понимания текста служит деятельностная модель речевого общения, в которой учтены внутренние (психологические и психофизиологические) и внешние (социальные и социально-психологические) координаты речевой коммуникации [Тарасов 1979: 5].

В указанных выше подходах к выявлению смысла разрабатывается проблема различий между образами мира, которые имеются в сознаниях автора и реципиента (различия представляют собой препятствие для трансляции смысла и успешной коммуникации). С другой стороны, решаются такие задачи, как выявление особенностей восприятия текстов определенных видов и содержания, обнаружение приемов и методов, позволяющих обеспечить адекватное восприятие сообщения реципиентом. Например, согласно модели смысловой структуры текстов, особенностью сообщения является его динамическая структуризация, осуществляемая автором [Апухтин 1977]. В данной модели различия у коммуниканта и реципиента в опыте и знаниях относительно множества фрагментов действительности определяются как различия субъективных аналогов значения (эталонов), существующих в сознании людей. Структуризация содержания сообщения обусловлена следующей установкой: адекватная передача смысла состоится, если реципиент совершит под воздействием языковых средств мыслительный акт, в результате которого будет получен аналогичный смысл. Иной подход к проблеме адекватного восприятия находим в работах Ю.А. Сорокина, согласно которому проблема восприятия возникает в силу рассогласований на семантическом уровне между знаковым образованием (текстом) и его проекцией, которая образуется в сознании реципиента в процессе восприятия, понимания и оценки. Решением проблемы является удовлетворение лингвистических и психологических ожиданий реципиента [Сорокин 1985: 7]. Реализация таких ожиданий осуществляется, например, при ориентации текста (его психолингвистической структуры) на социальные (профессиональные) группы, что в целом позволяет управлять коммуникативными процессами и удовлетворять информационную потребность социума. Отметим, что в данном подходе говорится о взаимодействии реципиента и текста как знаковой продукции: сигналы, которые в своей системе образуют текст, интерпретируются реципиентом и образуют у него систему представлений, смыслов, то есть проекцию текста как цельности, как некоего концепта.

В психолингвистике выявлены различные факторы, влияющие на адекватность восприятия текстов и получения адекватного смысла. Среди них феномен эмергентности, согласно которому «смысл высказывания не равен простой сумме значений слов, в это высказывание входящих» [Залевская 2009: 10]. Также отмечается значение этнопсихолингвистических различий в вербальном и невербальном коммуникативном поведении носителей конкретных языков и культур: специфика национального языкового сознания становится главной причиной непонимания при межкультурном общении [Уфимцева 2011: 205]. Выявлено влияние на процесс восприятия смысла текста таких факторов как содержательные признаки текста (тип текста) и общепсихологические и личностные особенности протекания процесса восприятия, в том числе на отдельных уровнях – формально-грамматическом

и семантическом [Белянин 2000]. Выявлена детерминация речи взаимодействием коммуникантов, то есть той речевой деятельностью, в которой развертывается речь, а также количеством общих смыслов, имеющих в «оречевленном» сознании автора и читателя [Тарасов 1979].

Положение о том, что восприятие речевого сообщения представляет собой неоднородный многоуровневый процесс, находит отражение в комплексных методах исследования текстов, разрабатываемых на пересечении психолингвистики и социогуманитарных наук. К таким разработкам относится метод мотивационно-целевого (интенционального, информационно-целевого) анализа текста, который создан в семиосоциопсихологической парадигме, нацеленной на изучение взаимообращенных процессов, происходящих между человеком и его информационной средой [Дридзе 1984]. Данный метод обнаруживает способность текста выразить коммуникативные намерения автора, а также способность служить источником информации для реципиента. В основе метода лежит идея о том, что в ходе текстовой деятельности реализуются коммуникативно-познавательные программы (представляющие собой потенциальную «стратегию» осмысления его основной концепции). Как следствие осмысления рождается ощущение «текстовой действительности», полнота которого определяется социоментальными характеристиками людей. Например, и передача, и выявление коммуникативных намерений автора (извлечение авторского замысла) требует умелого обращения с иерархией смысловых блоков-предикаций, таких как коммуникативные намерения автора, аргументация, иллюстрации и второстепенные «фоновые» элементы. Интерпретация художественного текста требует дополнительных усилий от реципиента, обращения к таким параметрам, как событийный, субъективный и образный планы. Особенности взаимодействия реципиента и текста отмечаются также в психологических исследованиях смыслового восприятия, в частности в аудировании как сложном виде коммуникативно-речевой деятельности возможны пассивное и активное восприятие [Зимняя 2001: 301].

Обобщая характерные для психолингвистики подходы к решению вопросов интерпретации смысла текста, можно сделать промежуточный вывод о том, что в них учитываются различия смысловой структуры текста, проектируемой автором и реципиентом, а также возможность извлечения множества смыслов, которые представлены иерархической смысловой структурой текста. Из исследований следует наличие различных способов восприятия текста реципиентом. Очевидно, что психолингвистика отвечает на запрос, обращенный к лингвистическим теориям, исследовать в качестве эмпирического объекта актуальное использование языка в социальном контексте [Дейк, Кинч 1988]. Однако проблема методов интерпретации текста читателем, позволяющих ему приблизиться в своем понимании текста к тому, что «вложил» автор, обнаружить за иерархией значений и смыслов смысловую целостность текста, требует дальнейших исследований. Для решения данного вопроса необходимо рассмотреть различия в процедурах извлечения смыслов высказываний, обусловленные моделями коммуникации – линейной, двухсторонней (с обратной связью) и диалогической.

Прежде всего, указанные модели воплощают (представляют в превращенной форме) различные подходы к человеку – как объекту, как субъекту (но, по сути, мыслящему объекту), и как к личности [Ковалев 1987: 41]. Однонаправленная мо-

дель коммуникации «источник – сообщение – реципиент» исходит из неизменной сущности, тождественности передаваемого и получаемого, так что главной задачей исследователя является обнаружение помех и минимизация их деструктивного влияния на восприятие и понимание сообщения. Данная модель исходит из односторонней регуляции процесса коммуникации – ответственность за устранение причин коммуникативных сбоев несет автор сообщения, реципиент же понимается как объект воздействия. Передаче сообщения в наиболее полном (соответствующем замыслу автора) виде способствует осознанно-мотивированный отбор речевых средств, обращение к целевой аудитории с учетом социально-ролевых характеристик и уровня компетенции реципиентов и т.д. Субъективная модель коммуникации учитывает особенности процессов, где передатчиком и реципиентом являются нелинейно связанные элементы сложных систем (которые при трансляции информации используют сложные коды с потенциально неограниченным числом значений, а не комбинацию из ограниченного числа сигналов). В такую модель необходимо включен компонент обратной связи, посредством которой устанавливается, насколько точно замыслу автора было истолковано сообщение. Однако в данной модели ответственность за регуляцию процессов восприятия и понимания, то есть за организацию значений в форме, благоприятной для извлечения смыслов, также возлагается на одного из коммуникантов, а именно, автора сообщения. Автор (говорящий) решает задачу активации различных областей сознания реципиента с целью наиболее эффективного воздействия на него, что дает основания говорить о манипулятивной направленности данной модели. В третьей из моделей, диалогической, роль коммуникантов представлена в ином свете. В диалоге признается значимое отличие Другого, к которому, вследствие этого, невозможно относиться безразлично. В диалоге происходит «вопросание» Другого и вовлечение его в коммуникацию – как для обмена любезностями или ресурсами для создания общего предприятия, так и для обмена нелицеприятной и деструктивной информацией. В диалоге наше внимание может быть обращено к любому объекту, который тем самым раскрывается и организует наши собственные действия и знания о себе [Клюканов 2009: 111].

Необходимость использования диалогической модели в исследованиях интерпретации и понимания текста отмечается в психолингвистических работах коммуникативной направленности [Шамликашвили, Никитина 2011]. В такой модели коммуникации каждая из сторон является вопрошающей, и тем самым, направляющей, регулирующей коммуникацию, реципиент-читатель полагается способным задавать вопросы тексту. Обращаясь к тексту как сложной целостной системе смыслов, читатель через диалог извлекает смыслы не просто с помощью лексического, грамматического, логического инструментария, но через синтез позиций на эмоциональном, этическом или рациональном основаниях. Иными словами, читатель вступает в диалог не с автором текста, но с самим текстом, герменевтически соотнося части и целое, то есть он осуществляет проверку на соответствие извлеченного смысла тому, что несут в себе (хранят) знаки сообщения в своей комплексной целостности. Данный процесс извлечения смыслов может быть описан как последовательность речемыслительных шагов: каждый из шагов читателя уточняет значение предыдущего, что позволяет смыслу «вливаться» одному в другой (пользуясь метафорой Л.С. Выготского, который говорил о смыслах слов). В таком «влипании»

(влиянии) можно обнаружить сущность коммуникации, определяемой как движение смыслов в социальном времени и пространстве [Соколов 2002].

Особенности диалога как способа коммуникации читателя – с текстом, с автором, со своим внутренним миром – рассматривает в своих работах У. Эко [Эко 1990]. Отправным понятием при описании процесса понимания текста является для У. Эко понятие сверхинтерпретации, которое предстает как проявление свободы читателя, наделяющего текст безграничным числом смыслов. Такая бесконечность смыслов есть результат приложения принципа всеобщей связи и подобия вещей (что внизу, то и наверху) и нарушения принципов рациональной мысли (причинно-следственных отношений). Сверхинтерпретация реализует такое отношение читателя к тексту, в котором он является поводом для самореализации личности читателя. Такая самореализация возможна как результат игнорирования тех ограничений, что наложены самим текстом, как результат нарушения пределов текста. Данный подход, как легко заметить, воплощен в теории бесконечного семиозиса и теории открытого текста, развиваемых деконструктивизмом. В данном подходе также можно увидеть свойственное психолингвистике признание роли ассоциативного извлечения смыслов.

Отдавая должное свободе толкования текста, У. Эко вместе с тем постулирует право самого текста на установление ограничений на толкование, что ведет к разграничению понятий «эмпирический читатель» и «образцовый (эталонный) читатель», каждый из которых использует свои подходы к интерпретации текста. Особенно наглядно такое разграничение, когда тексты существуют максимально независимо от конкретной коммуникативной ситуации, например, отправлены автором в свободное плавание (в прямом или переносном смысле).

Особенность эмпирического читателя У. Эко усматривает в том, что тот не признает критериев, как-либо ограничивающих интерпретацию, относится к тексту как открытой вселенной и находит в нем бесконечные взаимосвязи. Он пользуется приемами как рационального, так и иррационального мышления и выводит из текста смыслы на основе ассоциаций – вербальных, смысловых, эмоциональных. Не различая границ и методов, он задействует весь свой культурный опыт, как индивидуальный, так и разделяемый с другими людьми, строит своё понимание за счёт сцепки смыслов интерпретируемого текста и других текстов, вовлекает собственные жизненные смыслы, фантазии и представления. Прочтение текста эмпирическим читателем в определённом эмоциональном состоянии наделяет текст новыми оттенками смысла. Строя свою интерпретацию как цепь ответных реакций на текст, эмпирический читатель либо обнаруживает свои собственные ожидания и представления о жизни, либо ставит задачу обнаружить интенции автора. Например, к интерпретации в стиле эмпирического читателя относится симптоматическое прочтение текста, когда из текста извлекается только то, что хотел сказать автор (по мнению читателя).

Иной тип читателя – образцовый (эталонный) – проявляется в том случае, когда используется иной тип чтения, то есть читатель делает предположения относительно того, что же следует из текста как такового, что можно увидеть в тексте безотносительно предположений об образном мире его автора, а также не вступая в бесконечную череду ассоциаций, обращенных к опыту читателя. Данный тип читателя, согласно У. Эко, строит предположения относительно интенции самого

текста. Для него основным критерием интерпретации является право текста на собственный смысл, полагаемые текстом нормы и границы. Такой читатель следует принципам рационального мышления и экономичности, который подразумевает выбор наиболее простого и очевидного варианта из набора всех возможных вариантов. Такой читатель признает, что не всякое толкование допустимо текстом и идет ему на пользу.

Еще одна особенность образцового читателя в том, что он находится в пространстве широкого культурного опыта, проводя четкую границу между коммуникативной ситуацией и культурным контекстом и признавая постоянное движение этого контекста. Образцовый читатель осознаёт, что материя текста, помещённая в определённое культурное пространство, задаёт порядок толкования, а движение культурного контекста обогащает смысловые связи помещённого в него текста. Кроме того, образцовый читатель осознанно использует избранный им метод толкования и ориентируется на тот контекст определённой культуры или контекст вариантов культуры, который текст сам задаёт в качестве рамок для интерпретации.

У. Эко вскрывает суть отношений между текстом и читателем как сложного и противоречивого явления. Приведем выводы У. Эко об отношениях читателя и текста. Текст – это приспособление для производства образцового (эталонного) читателя. Интенция текста не выставлена на текстовой поверхности, она суть результат догадок и предположений. Из первых двух положений следует, что задача образцового читателя состоит в выявлении образцового (эталонного) автора (который отличен от эмпирического автора), что в итоге совпадает с намерением самого текста. Образцовый читатель представляет собой идеальный эквивалент образцового читателя, который существует только как текстуальная стратегия. Постичь интенцию текста – значит постичь семиотическую стратегию.

Важно отметить, что образцовый читатель для У. Эко – это не тот, кто обнаруживает единственно верное толкование, текст может быть истолкован множеством способов. Основная характеристика образцового читателя в том, что его постулирует текст. Что касается эмпирического читателя, то он – тот, кто делает предположения, строит догадки об образцовом читателе. Чтобы раскрыть интенцию текста, как мы видим, эмпирическому читателю необходимо обнаружить семиотическую стратегию, что можно сделать, например, на основе стилистических конвенций. Если текст начинается со слов «давным-давно», то образцовый читатель, постулируемый текстом, – это ребенок или взрослый, готовый воспринимать текст подобно ребенку. Подтверждением того, что предположения эмпирического читателя относительно интенции текста верны, является сам текст как связанное целое. Чтобы получить это подтверждение, читатель вступает в интеракцию с текстом, и стратегию этой интеракции задает текст. Иными словами, интерпретация текста происходит в соответствии со сложной стратегией интеракций, в которые вовлечены, с одной стороны, читатели с их языковой компетенцией как социальным достоянием, и, с другой, текст, постулирующий такую компетенцию, которая необходима, чтобы прочесть текст экономичным способом.

Таким образом, рассмотренный семиотический подход к тексту выявляет способность текста выступать в качестве самостоятельного субъекта смысла, диалогическое обращение к которому является залогом его успешного понимания. Текст как субъект смысла не тождественен реально существующему автору – автор

вложил свой смысл, но цельность текста, создаваемый знаками текста мир, отличается от образа мира автора, о котором можно строить догадки, но который не может быть исчерпан одним текстом и его смыслами. Смысл, который читатель может извлечь из текста (о чем можно сделать вывод из работы У. Эко), бывает как минимум двух родов – во-первых, тот, что порожден диалогом читателя с собственно текстом, во-вторых, тот, что порожден диалогом читателя с «текстом» своего собственного сознания и памяти. Смысловые конструкты как первого, так и второго рода не подлежат обыденной критике – они есть проявления человеческого сознания, но их необходимо различать и исследовать каждый с собственными целями и собственными методами. Тот смысл текста, который вытекает (воссоздается читателем) при взаимодействии с собственно текстом, можно считать нулевым, или буквальным, и он интересен психолингвистике так же, как и иные виды смыслов [Никитина 2013: 133]. Указанный буквальный вид смысла создается в ходе диалогического взаимодействия читателя с текстом при соблюдении (уважении) границ текста, то есть задаваемого им хронотопа (особенности которого даже могут быть не предусмотрены конкретным автором текста). Вступая в диалог с текстом, отвечая на вопросы, которые задает текст и в понятиях самого текста, читатель имеет возможность осмыслить реальность текста, для него текст – это Другой, независимо существующий. Как видно, для «образцового» осмысления читателю следует исходить из эмической позиции, то есть избегать переключения на собственные мысли, чувства и желания и исходить из образа того мира, который конструирует текст.

Сравнение психолингвистического и семиотического подходов к анализу способов извлечения смыслов читателем позволяет говорить о том, что существует объективность смысла особого рода – объективность, в основе которой лежит система значений текста. Различные способы извлечения смысла комплементарны: они используются читателем одновременно и дополняют друг друга. Абстрагирование стратегий, которым следует читатель в ходе осмысления текста (тех, что заданы «извне», культурой читателя, и тех, что заданы «изнутри», текстуальной реальностью), позволяет раскрывать особенности смыслообразования в зависимости от лежащей в его основе модели коммуникации, что в итоге способствует более глубокому изучению механизмов понимания текста. Вступая в диалог с текстом, во взаимодействие (интеракцию), читатель следует стратегии текста, тем самым обнаруживая ее. В целом, интеграция психолингвистического и семиотического подходов к тексту и коммуникации, синтез знаний обоих направлений дает новый «вербальный ключ» к миру субъективной реальности.

Список литературы

- Апухтин В. Б.* Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1977. — 29 с.
- Белянин В. П.* Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). — М.: Тривола, 2000. — 248 с.
- Дейк Т. А. ван, Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23. — М.: Прогресс, 1988. — С. 153-211.
- Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. — М.: Издательство «Наука»; Академия наук СССР, Институт социологических исследований, 1984. — 268 с.

Залевская А.А. Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы психолингвистики, 2009. – №10. – С. 10-17.

Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.

Клюканов И.Э. О диалогичности коммуникации // Вопросы психолингвистики, 2009. – №10. – С. 110-114.

Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии - три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии, 1987. – №3. – С. 41-49.

Леонтьев А.А. Психология общения. – 3-е изд. – М.: Смысл, 1999. – 365 с.

Никитина Е.С. Психолингвистика в поисках смысла // Вопросы психолингвистики, 2013. – №1 (17). – С. 124-135.

Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 461 с.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические проблемы восприятия и оценки текста // Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М., 1985. – 167 с.

Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М.: Наука, 1979. – С. 5-147.

Уфимцева Н.В. Язык, культура и образ мира // Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011. – С. 205-213.

Шамликашвили Ц.А., Никитина Е.С. Введение в диалогическую. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2011. – 240 с.

Umberto Eco. Interpretation and Overinterpretation: World, History, Texts. – The Tanner Lectures on Human Values. Delivered at Clare Hall, Cambridge University March 7 and 8, 1990. – pp. 143-202.

С.А. Чугунова

УДК 81'23

**ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА КАК БАЗА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕНИ
В РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Согласно соматоцентрическому подходу в современной когнитивной науке, познание неотделимо от телесного, чувственного опыта индивида, и разделение концептов на конкретные и абстрактные – это, скорее, условность. В статье, с опорой на феноменологический подход к темпоральному опыту человека [Evans 2004] и теорию концептуальной метонимии [Barcelona 2002], оспаривается вторичность концептуального домена времени по отношению к концептам пространства и движения [Lakoff & Johnson 1980]. Также, в структурировании концептуального домена времени огромное значение приобретают корпоральные оси «вперед–позади» и «верх–низ». Корпоральная ось «лево–право», как правило, игнорируется в исследованиях концептуализации времени.

Ключевые слова: концептуализация времени, темпоральные концепты, когнитивная модель, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, корпоральная (телесная) ось, (само)движение.

Svetlana A. Chugunova

**THE HUMAN BODY AS BASIS FOR CONCEPTUALIZATION OF TIME
IN VARIOUS LINGUO-CULTURES**

Cognitive science today is in many ways embodied cognitive science. It holds that the nature of the human mind is largely determined by the form of the human body, and opposition of primary and secondary concepts is in many respects a convention. On the view of the Conceptual Metaphor framework pioneered by Lakoff and Johnson (1980) motion and spatial concepts metaphorically structure temporal concepts. From the phenomenological point, temporality constitutes a real experience. Cognition *is* temporal at base (Evans, 2004). Conceptualization of time is much dependent on the two body directions or axes: the front/back axis and the bottom/up axis. As a rule, the left/right body axis is ignored in temporal cognition research.

Keywords: conceptualization of time, temporal concepts, cognitive model, conceptual metaphor, conceptual metonymy, corporeal (body) axis, loco(motion).

С позиций соматоцентрического (телесного, корпорального) подхода (*embodied cognition*) в современной когнитивной науке, познание возможно только на основе опыта, который включает не просто смотрение подвижным глазом, а движение подвижным телом. Вместе с тем при исследовании процессов восприятия и мышления движение нередко рассматривается как вспомогательное средство на службе у восприятия или как нечто тривиальное, а то и вовсе исключается из предлагаемых моделей ума, притом что жизнь любого человека начинается с движения и движений – глотания, зевания, плача и т.д. Первичное осмысление – это тактильно-кинестетическое осмысление. Мы не просто наблюдаем свое или чужое движение, мы ощущаем эти движения качественно и различаем их качественно: быстрые или медленные, напряженные или расслабленные, ограниченные или размашистые, плавные или порывистые, ритмичные или неровные [Sheets-Johnstone

2011]. Наблюдения за развитием младенцев показывают, что овладевая возможностями собственного тела, ребенок одновременно начинает мыслить определенными категориями – «тело учит мозг» [Thelen 1995: 90]. Г. Спенсер убедительно показал, что такие понятия, как пространство и время, открываются субъекту через самодвижение [Spencer http].

Особенность темпоральной лексики состоит в том, что зачастую она не является собственно темпоральной. Факты из разных языков демонстрируют, что выражение времени в терминах пространства и движения представляет языковую универсалию: **рус. яз.:** за *короткое время*, *через два часа*, *каникулы пролетели незаметно*; **англ. яз.:** *in the evening* ‘вечером’ (букв. *в вечер*), *time flies* ‘время летит’, *the moment has arrived* ‘подошел момент’; **нем. яз.:** *eine Woche lang* ‘в течение недели’, *in einem Moment, die Zeit fliegt* ‘время летит’, *für alte Menschen vergeht die Zeit scheinbar schneller* ‘для стариков время проходит довольно быстро’; **фр. яз.:** *le temps file* ‘время бежит’, *le temps passe vite* ‘время быстро проходит’, *l’espace d’un matin* ‘в течение одного утра’ (букв. *пространство утра*), *d’ici en huit* ‘через неделю’ (букв. *отсюда через восемь*), *a deux heures* ‘в два часа’; **лат. яз.:** *ante diluvium* ‘перед потопом’; **итал. яз.:** *Partiremo per Pavia tra dieci mesi* ‘Мы поедем в Павию через (букв. *между*) десять месяцев’; **голланд. яз.:** *over twee uur* ‘через два часа’; **эстон. яз.:** *aeg lendab* ‘время летит’, *aeg түүдуб* ‘время идет’; **бурят. яз.:** *эхи захугуй* ‘время тянется’, *углоо удэрынь болобо* ‘наступил следующий день’, *урданай саг* ‘в старину’ (букв. *в передние годы*), *хойто жэлдэ* ‘в следующем году’ (букв. *в заднем году*); **яз. чиндали (банту):** *liingb yaakwбана нбуини* ‘когда подходит девятый месяц’; **лезгин. яз.:** *q’we wacra-laj* ‘через два месяца’; **турец. яз.:** *Zaman акэр гитти* (букв. *Время летело и шло*), *Zaman зок һэзлэ акэуор* ‘Время течет очень быстро’, *Gelecek elimden казэверди* (букв. *Будущее выбежало вдруг из моих рук*); **кетс. яз.:** *kin’a banđiņa* ‘до сегодняшнего времени’ (букв. *до этого места*), *en* ‘сейчас’ (букв. *здесь, тут*), *qoqas’ey* ‘в будущем’ (букв. *впереди там*); **кит. яз. мандарин:** *shengdanjie kuai dao le* ‘Рождество почти здесь’ (букв. *Рождество быстро прибывать*), *jiang-lai* ‘будущее’ (букв. *немедленно прийти*), *wei-lai* ‘будущее’ (букв. *еще прийти*), *lai-ri* ‘будущий день’ (букв. *приходящий день*) (примеры взяты из следующих источников: [Андреева 2006; Бардамова 2007; Гак 1997; РЭС; АБВУ Lingvo; Ahrens & Huang 2002; Botne 2005; Haspelmath 1997; Radden 2003; Цзалиекан 2005]).

С позиций теории концептуальной метафоры [Lakoff & Johnson 2003], *думать и говорить о времени, которое не воспринимается ни одним из органов чувств, мы можем благодаря метафоре* – механизму мышления, связывающему концепты из разных доменов и, таким образом, обеспечивающему процесс абстрактного мышления и понимания. С этой точки зрения, уходящей корнями в философию Нового времени, время – это интеллектуальный конструкт (фикция, иллюзия), продукт вторичной концептуализации пространственных, построенных на чувственном опыте, концептов. Теория концептуальной метафоры выделяет в первую очередь две темпоральные метафоры, или когнитивные модели темпоральности, – ВРЕМЯ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ СУБЪЕКТА (*I’ll be there in a minute* ‘Я буду здесь через минуту’) и ВРЕМЯ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ ОБЪЕКТА (*The time for action has arrived* ‘Пришло время действия’). Обе метафоры признаются базовыми (*primary*), поскольку построены на фундаментальном опыте зрительного восприятия движения в пространстве.

Иной взгляд на взаимоотношения пространства и времени в концептуальной системе человека предлагает феноменологический подход (см. [Evans 2004]), опирающийся на достижения в области нейронауки, а также на идеи феноменологической философии, в частности идеи Э. Гуссерля и А. Бергсона. С позиций феноменологического подхода, темпоральный опыт – это реальный чувственный опыт, который может быть прослежен до когнитивных процессов и структур. Собственно темпоральные смыслы в когнитивных моделях темпоральности не рассматриваются как прямой метафорический перенос структуры из домена пространства в домен времени: в основе темпоральных концептов, составляющих эти более сложные комплексные концептуальные структуры, лежит внутренний темпоральный нейрокогнитивный опыт. Другое дело, что продукты внутреннего опыта (*response concepts*) практически не поддаются осознанию, поэтому они вынужденно прибегают к «услугам» продуктов внешнего сенсомоторного опыта (*imagery concepts*), имеющих прямую связь с концептуальной системой, а значит, с сознанием и языком; при этом на вооружение берется модель ума, предложенная Р. Джекендоффом [Jackendoff 1992].

Под когнитивными процессами и структурами понимаются нейронные ритмы, или темпоральные моменты, обеспечивающие «сборку» поступающей в мозг с различной скоростью разномодальной информации в единый перцепт восприятия. Данные нейронауки показывают, что черпаемая организмом из внешнего мира информация оказывается раздробленной, несвязанной, а процесс ее обработки в организме происходит медленнее скорости света или электрического заряда. Задача мозга состоит в том, чтобы помочь телу ориентироваться в изменчивой и полной неожиданностей окружающей среде. Чтобы на шаг опережать угрозу, мозг нуждается в выработке антиципирующих стратегий [Dennet 1991]. Одной из таких стратегий является «темпоральный код», представляющий собой временной интервал, в течение которого происходит одновременное колебание (вибрация) определенных нейронов, по которым поступает необходимая информация. Скоррелированное колебание (*oscillation*) нейронов с частотой от 20 до 80 Hz (Гц), известное как «перцептуальный момент» (*perceptual moment*), длится от доли секунды до 2–3 секунд. После некоторого затухания осцилляция повторяется. Синхронизированные колебания нейронов, или перцептуальные моменты, и являются тем связывающим механизмом (*binding*), который позволяет получить целостный перцепт из импульсов, идущим по разным нейронам. Отсюда отпадает необходимость в специальном участке мозга, где подобная «сборка» всегда имела бы место [Crick & Koch 1998; Engel et al. 1991, 1992; Рцппел 1994; Varela 1991, 1999].

Таким образом, речь идет о темпоральной основе процесса восприятия, о едином перцептуально-темпоральном нейрофизиологическом механизме и невозможности по большому счету разделить этот механизм на отдельно перцептивный и темпоральный. Со своей стороны добавим, что темпоральный код у человека фундаментально предопределен архитектурой человеческого тела, его кинестетическими особенностями и способностями, его двигательной активностью. Отсюда величина темпоральных моментов («кадров» в концепции Варелы), а значит скорость проживания (темпоральная шкала) у разных биологических видов, будет различной (см. [Алюшин, Князева 2008]). Если говорить о генезисе концептов пространства и времени, то концепты пространства возникают в концептуальной си-

стеме не раньше концептов времени. И те и другие – это стороны одной медали – корпоральной организации человека.

Представляется, что феноменологический подход к проблеме концептуализации времени в определенном смысле оказывается близким теории концептуальной метонимии, согласно которой практически все метафоры на более глубинном уровне мышления мотивированы концептуальной метонимией (см. [Barcelona 2002a, 2002b]). Имеется в виду, что концептуальные структуры в индивидуальном сознании, как правило, размыты и не имеют четких границ, вследствие чего нельзя быть уверенным, что два связывающихся проекцией домена являются изначально независимыми структурами и не могут входить в более общий домен концептуальной системы или включать общие подструктуры. У темпоральных метафор движения, как нам представляется, таким доменом может служить домен тела человека, а точнее, движущегося тела, если учесть фундаментально темпоральную природу восприятия, а также то, что сенсорно-темпоральный механизм у человека есть следствие специфики его телесной двигательной активности. С позиций набирающего силу корпорального подхода (*embodied cognition*), разделение концептов на конкретные и абстрактные – это, скорее, условность. Как таковых абстрактных концептов не существует, все дело в их сложности – отнесении к различным аспектам переживаемых в опыте ситуаций.

Если говорить о корпоральной организации человека и концептуализации времени, то на основании фактов из разных языков очевидно, что в структурировании концептуального домена времени и темпоральных концептов огромное значение приобретают корпоральные/телесные оси «вперед–позади» и «верх–низ». Весь мир вокруг и объекты в нем организуются для человека по фундаментальным осям его тела (см. [Tversky 2005]). При этом доминирующей в концептуализации времени следует, по-видимому, считать ось «вперед–позади»: *Serbia plunges back into the past* ‘Сербия погружается назад в прошлое’ / *Looking forward to seeing you* ‘Надеюсь на встречу с тобой’ (букв. «Смотрю вперед...») (примеры взяты из [Ouellet et al. 2010]). Горизонтальная ось «вперед–позади» рассекает среду на две неравноценные половины: доступную для созерцания и активных действий вперед и практически недоступную позади, хотя среда сама по себе этой асимметрией не обладает. В психологии есть данные о том, что концепты «прошлое» и «будущее» не могут сформироваться у ребенка раньше осознания устройства собственного тела и его осей «верх–низ», «вперед–позади».

Группа Л. Майлза [Miles et al. 2010b] провела эксперимент, в котором испытуемых просили вспоминать события из прошлого четырехлетней давности или представлять, что они будут делать через четыре года. При этом ко всем участникам эксперимента были присоединены сенсорные датчики движения. В результате датчики зафиксировали отклонение тела на 1,5–2 мм назад при мысленном обращении в прошлое и наклон тела на 3 мм вперед при мысленном обращении в будущее. Таким образом, корпоральная ось «вперед–позади» буквально приходит в движение при оперировании концептами «прошлое» и «будущее». Подтверждается гипотеза о том, что темпоральное мышление основывается на двигательной активности человека и на его способности перемещения в пространстве.

Небезынтересно, что в ряде языков выявлено обратное расположение дейктических времен относительно наблюдателя – с будущим позади и прошлым впе-

реди. Необычная для европейца концептуализация времен зафиксирована в бурятском, китайском языках, в языках индейцев аймара, тоба, малагаси; есть данные о концептуализации будущего позади в культуре Древнего Египта (см. [Бардамова 2007; Evans 2004; Klein 1987; Miracle & Yapita Moya 1981; Nьсез & Sweetser 2006; Radden 2003]): **бурят. яз.:** *урда жэлынъ* ‘в прошлом году’ (букв. *впереди году*), *хойто жэлдэ* ‘в следующем году’ (букв. *в заднем году, стоящем после данного года*), *тишгэһэн хойно* ‘затем, потом’ (букв. *назад после того, как это произошло*); **кит. яз.:** *ri.qian* ‘несколько дней назад’ (букв. *день.перед*), *ri.hou* ‘в будущем, с последующие дни’ (букв. *день.спина*); **аймара:** *payra tara* ‘прошлый год’ (букв. *год впереди*), *payra rascha* ‘прошлое время’ (букв. *время впереди*), *qhiryigi* ‘будущий день’ (букв. *день позади*), *qhira rascha* ‘будущее время’ (букв. *время позади*); имея в виду будущее, аймара машет назад через плечо, прошлое – указывает вперед. Такая концептуализация объясняется тем, что прошлое человек видел и знает, а будущее – нет [Evans 2004; Radden 2003].

Преобладание корпоральной оси «вперед–позади» в структурировании темпоральных концептов обусловлено биологически – человек изначально передвигается вдоль горизонтальной оси вперед к своей цели, и, следовательно, будущее оказывается перед ним. Тем не менее, есть языки, в которых время ассоциируется с вертикальным измерением: **бурят. яз.:** *арбан наһа дээшэ ябаха* ‘старше на десять лет’; (букв. *быть выше на десять лет*), *энэ доро* ‘сразу, тотчас’ (букв. *под этим*); **кит. яз.:** *shanyuи* ‘прошлый месяц’ (букв. *верх.месяц*), *xiauyи* ‘следующий месяц’ (букв. *низ.месяц*); **мандарин:** *shang-ban-tian* ‘утро’ (букв. *верх.половина.день*), *xia-ban-tian* ‘день’ (букв. *низ.половина.день*), *shang-ban-yи* ‘первая половина месяца’ (букв. *верх.половина.месяц*), *xia-ban-yи* ‘вторая половина месяца’ (букв. *низ.половина.месяц*); **яп. яз.:** *ita kara sanbyaku-nи sakanoboru, Edo-jidai dearu* ‘Триста лет назад была эра Эдо’ (букв. *Если подняться на триста лет от сейчас, будет эра Эдо*), *Katakura-jidai kara yonhyaku-nen kudaru to* ‘За четыреста лет от эры Эдо была эра Камакура’ (букв. *Если опуститься на четыреста лет от эры Камакура, будет эра Эдо*) (примеры взяты из: [Бардамова 2007; Evans 2004; Radden 2003; Shinohara & Matsunaka 2004; Yu 1998]).

Очевидно, что в сознании носителей этих языков более раннее («старшее») событие оказывается «выше» более позднего («молодого»). Предполагается, что в основе такой концептуализации лежит визуальный опыт склонов (*slopes*). Когда мы находимся на возвышении, сила гравитации заставляет нас двигаться (катиться) вниз. Движение занимает определенный промежуток времени, в котором крайние временные точки находятся в соотношении «выше → раньше / ниже → позже» [Evans 2004; Shinohara & Matsunaka 2004]. Есть также мнение, что в основе вертикальной концептуализации времени лежит механизм эмпирической корреляции: когда мы ложимся на живот и движемся вперед, наша голова оказывается впереди, при этом голова ассоциируется у нас с верхом [Evans 2004: 235–236; Yu 1998: 111]. Асимметрия оси «верх–низ» объясняется действием физической гравитации [Tversky 2005].

Ось тела «лево–право» оказывается менее значимой по сравнению с остальными, поскольку она практически симметрична и потому менее выпукла в сознании [Op. cit.]. Эта ось не получает выражения в темпоральной семантике; исключение составляют жестовые языки ([Santiago et al. 2007: 512] со ссылкой на: [Emmorey

2001]). Однако есть данные, позволяющие усомниться в изначальной симметричности оси «лево–право». Сошлемся на «принцип симметрии» В.И. Вернадского, связанный с обратимостью/необратимостью процессов, а значит, с временем. В кристаллах правизна и левизна тождественны, но в живых организмах это никогда не бывает так, что объясняется динамической средой живого организма, биогенной миграцией атомов. Неравенство правизны и левизны живого организма передается наследственно и является видовым признаком. Все белки обладают левым вращением плоскости света как в животных, так и в растениях. Неравенство правизны и левизны охватывает всю морфологию живого тела, и больше того, ее динамику. Оно проявляется в редком проявлении «левшей», причем для некоторых организмов левши являются преобладающими и могут приниматься как видовой признак [Вернадский 1988].

Жизненный опыт подсказывает, что отношения «лево–право» усваиваются индивидом позже отношений «вперед–позади» и «верх–низ». Но, как справедливо указывают авторы статьи [Santiago et al. 2007], эти отношения должны репрезентироваться в семантической памяти, по крайней мере, грамотных представителей культур с традицией написания и чтения текста слева направо. В одном из экспериментов носителей испанского языка просили ответить на вопрос о референции предъявляемых на мониторе компьютера слов – означают ли они прошлое или будущее: *pasado* ‘прошлое’ – *futuro* ‘будущее’, *antes* ‘прежде’ – *después* ‘после’, *ayer* ‘вчера’ – *mañana* ‘завтра’, *dijo* ‘он сказал’ – *dirá* ‘он скажет’. При этом слово с семантикой прошлого или будущего могло появиться как слева на экране, так и справа. При ответах испытуемые использовали правую и левую руки. Как и прогнозировалось, испытуемые реагировали быстрее и допускали меньше неточностей, когда слово с семантикой прошлого помещалось слева на мониторе, а с семантикой будущего – справа.

Сопоставительное исследование с носителями испанского языка и иврита со сходным заданием наглядно показало, что в когнитивном пространстве испаноязычного индивида в процессе переработки темпоральных концептов *прошлое* ассоциируется с левой стороной корпоральной оси «лево – право», а *будущее* – с правой стороной. В когнитивном пространстве носителя иврита, наоборот, *прошлое* есть право, а *будущее* есть лево. Результаты экспериментов демонстрируют не только действенность корпоральной оси «лево – право» в качестве концептуальной опоры в процессе понимания вербальных стимулов с темпоральной семантикой, они показывают связь этой оси с культурно-специфичной традицией написания и чтения текста. Известно, что в испанской и других европейских культурах текст репрезентируется слева направо, а в арабской, иудейской и некоторых других культурах – справа налево [Op. cit.].

Собственный эксперимент с носителями русского языка также продемонстрировал, что индивид опирается на корпоральную ось «лево–право» при понимании выражений с темпоральной семантикой, расставляя события относительно друг друга в своем сознании и, таким образом, наделяя их смыслом «раньше» и «позже». При этом событие «раньше» оказывается соотносенной с левой стороной тела субъекта, а событие «позже» – с его правой стороной [Чугунова 2009; 2012]. Эксперимент заключался в том, что испытуемых просили определить день недели при переносе мероприятия (собраний) со среды на два дня вперед. Испытуемые,

выбравшие «понедельник», порой указывали, что при ответе опирались на «стрелу времени», на которой они расставляли дни недели относительно друг друга. При этом «впереди» ассоциируется с «раньше», «раньше» ассоциируется с «лево», а «позже» – с «право». Результаты нашего эксперимента не согласуются с неэгоцентрической трактовкой темпоральной когнитивной «согласования времен» (*Monday comes before Tuesday* ‘Понедельник предшествует вторнику’), репрезентирующей темпоральные события (времена) в движении относительно друг друга без участия наблюдателя (см. [Nьсез et al. 2006]).

Обратимся вновь к экспериментам исследовательской группы под руководством Л. Майлза [Miles et al. 2010a]. На этот раз англоязычные испытуемые соотносили время (в часах и минутах), появлявшееся на экране компьютера, относительно момента участия в эксперименте со словами *past* ‘прошлое’ или *future* ‘будущее’, которые также фигурировали на мониторе. В одних случаях «прошлое» было написано слева, а «будущее» – справа, в других – наоборот, «прошлое» помещалось справа, а «будущее» – слева. Результаты продемонстрировали, что траектория искривления руки увеличивалась именно при втором условии, т.е. когда «прошлое» помещалось справа, а «будущее» – слева. Авторы интерпретируют это так, что при выборе ответа рука индивида – носителя английского (американского) языка автоматически тянется вправо для «будущего» и влево – для «прошлого». В работу запускается корпоральная ось нашего тела «лево – право», которая выступает здесь в качестве опоры переработки информации о времени. Для авторов очевидно, что темпоральное мышление и процессы концептуализации времени «включают» сенсомоторную систему человека. Что не менее важно, результаты выявляют довербальную и до-концептуальную основу темпорального мышления – двигательную активность человека и архитектуру его тела.

В качестве вывода хотелось бы подчеркнуть, что осознание времени индивидом безусловно имеет корпоральную, телесную основу. М. Мерло-Понти как-то сказал: «Не обладай я телом, пространство для меня не существовало бы» [Мерло-Понти 1999: 141]. Думаем, что эту мысль можно было бы развить: без тела не было бы у человека ни пространства, ни времени. Время для человека связано с жизнью, которую он проживает. Человек, его тело, всегда остается точкой отчета для любого события, которое не безразлично для его мышления, сознания, эмоционально-оценочного переживания. Темпоральный опыт неразрывно связан с опытом движения, и прежде всего самодвижения, кинестезии, проприоцепции. Признаки темпоральности как продукты переработки культурно-специфического опыта вторичны, они обусловлены универсальным биологическим опытом (само) движения и восприятия.

Список литературы

Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Темпомиры: скорость восприятия и шкалы времени. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.

Андреева О.А. Метафорические модели времени в кетском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2006. – Вып. 4 (55). – С. 181–185.

Бардамова Е.А. Время в бурятской языковой картине мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр. Архангельск: Поморский государственный университет, 2007. – Вып. 3. – С. 113–119.

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 519 с.

Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время / Под ред. Н.Д. Арутюновой, Т.Е. Янко. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – С. 123–130.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия: Пер. с франц. – СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. – 603 с.

РЭС – Русско-эстонский словарь // URL: <http://poliglos.info/dict/dfind.php> (дата обращения 07.11.2008).

Чугунова С.А. «Движение времени» у представителей разных культур: Монография. – Брянск: РИО Брянского госуниверситета; «Ладомир», 2009. – 240 с.

Чугунова С.А. Время в языке и сознании: Интегративный подход – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 424 с.

ABBYY Lingvo – Электронные словари ABBYY Lingvo // URL: <http://www.lingvo.ru/> (дата обращения 07.11.2008).

Ahrens K. & Huang Chu-Ren. Time passing is motion // Language and Linguistics. – 2002. – Vol. 3, № 3. – Pp. 491–519.

Barcelona A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update // R. Dirven & R. Pürings (Eds.), Metaphor and metonymy in comparison and contrast. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2002a. – Pp. 207–278.

Barcelona A. On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor // A. Barcelona (Ed.), Metaphor and metonymy at the crossroads: A cognitive perspective. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002b. – Pp. 31–58.

Botne R. Cognitive schemas and motion verbs: Coming and going in Chindali (Eastern Bantu) // Cognitive Linguistics. – 2005. – Vol. 16, № 1. – Pp. 43–80.

Crick F. & Koch C. Consciousness and neuroscience // Cerebral Cortex. – 1998. – Vol. 8. – Pp. 97–107.

Dennet D. Consciousness explained. – Boston, MA: Little Brown and Co., 1991. – 511 p.

Emmorey K. Space on hand: The exploitation of signing space to illustrate abstract thought // M. Gattis (Ed.), Spatial schemas and abstract thought. – Cambridge, MA: MIT Press, 2001. – Pp. 147–174.

Engel A.K., Künig P. & Singer W. Direct physiological evidence for scene segmentation by temporal coding // Proceedings of the National Academy of Sciences of U.S.A., 1991. – Vol. 88. – Pp. 9136–9140.

Engel A.K., Künig P., Kreiter A. K., Schillen T. B. & Singer W. Temporal coding in the visual cortex: New vistas on integration in the nervous system // Trends in Neurosciences. – 1992. – Vol. 15, № 6. – Pp. 218–226.

Evans V. The structure of time: Language, meaning, and temporal cognition. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2004. – 286 p.

Haspelmath M. From space to time: Temporal adverbials in the world's languages. – München; Newcastle: LINCOM EUROPA, 1997. – 188 p.

Jackendoff R. Languages of the mind. – Cambridge, MA: MIT Press, 1992. – 200 p.

Lakoff G. & Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago: University of Chicago Press, 2003 (1st ed. 1980). – 276 p.

Klein H.E.M. The future precedes the past: time in Toba // *Word*. – 1987. – Vol. 38. – Pp. 173–185.

Miles L.K., Betka E., Pendry L.F. & Macrae C.N. Mapping temporal constructs: Actions reveal that time is a place // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. – 2010a. – Vol. 63, № 11. – Pp. 2113–2119.

Miles L.K., Nind L.K. & Macrae C.N. Moving through time // *Psychological Science*. – 2010b. – Vol. 21, № 2. – Pp. 222–223.

Miracle A. & Yapita Moya J. Time and space in Aymara // *M. Hardman (Ed.), The Aymara language and its social and cultural context*. – Gainesville, FL: University of Florida Press, 1981. – Pp. 33–56.

Nьсез R. & Sweetser E. With the future behind them: Convergent evidence from Aymara language and gesture in the crosslinguistic comparison of spatial construals of time // *Cognitive Science*. – 2006. – Vol. 30, № 3. – Pp. 401–450.

Nьсез R., Motz B. & Teuscher U. Time after time: The psychological reality of the Ego- and Time-Reference-Point distinction in metaphorical construals of time // *Metaphor and Symbol*. – 2006. – Vol. 21, № 3. – Pp. 133–146.

Цззалиекан С. Metaphor meets typology: Ways of moving metaphorically in English and Turkish // *Cognitive Linguistics*. – 2005. – Vol. 16, № 1. – Pp. 207–246.

Poppel E. Temporal mechanisms in perception // *O. Sporns & G. Tononi (Eds.), Selectionism and the brain: International review of neurology*. – San Diego, CA: Academic Press. – 1994. – Vol. 37. – Pp. 185–201.

Ouellet M., Santiago J., Funes M. J., & Lupiьсез J. Thinking about the future moves attention to the right // *Journal of Experimental Psychology: Human, Perception and Performance*. – 2010. – Vol. 36, № 1. – Pp. 17–24.

Radden G. The metaphor «Time as Space» across languages // *N. Baumgarten, C. Buttger, M. Motz & J. Probst, (eds.), Ёbersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprach-vermittlung – das Leben mit mehreren Sprachen*. – Festschrift fьr Juliane House zum 60. Geburtstag, Zeitschrift fьr Interkulturellen Fremdsprachenunterricht [Online]. Mei, 2003. Jahrgang 8. – № 2/3. – S. 226–239.

Santiago J., Lupiьсез J., Pьrez E. & Funes M.-J. Time (also) flies from left to right // *Psychonomic Bulletin & Review*. – 2007. – Vol. 14, № 3. – Pp. 512–516.

Sheets-Johnstone M. The primacy of movement. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2011 (1st ed. 1999). – 574 p.

Shinohara K. & Matsunaka Y. Spatial cognition and linguistic expression: Empirical research on frames of reference in Japanese // *F.J. Ruiz de Mendoza Ёбсез (Ed.), Annual Review of Cognitive Linguistics*. – 2004. – Vol. 2. – Pp. 261–283.

Spencer H. *The principles of psychology. Ch. XIII–XV*. – London: Longman, Brown, Green and Longmans, 1855. – 620 p. // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://oll.libertyfund.org/?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=1394

Thelen E. Time-scale dynamics in the development of an embodied cognition // *R. Port & T. van Gelder (Ed.), Mind in motion*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1995. – Pp. 69–100.

Tversky B. Functional significance of visuospatial representations // P. Shah & A. Miyake (Eds.), Handbook of higher-level visuospatial thinking. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – Pp. 1–34.

Varela F.J. Brain time, cognitive time // J. Montangero & A. Tryphon (Eds.), Psychologie гинйtique et sciences cognitive, 12th Piaget Symposium, Presses University Geneve, 1991. – Pp. 195–209.

Varela F. J. The specious present: A neurophenomenology of time consciousness // J. Petitot, F.J. Varela, B. Pachoud & J.-M. Roy (Eds.), Naturalizing phenomenology: Issues in contemporary phenomenology and cognitive science, Stanford: Stanford University Press, 1999. – Pp. 266–314 // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.franzreichle.ch/images/Francisco_Varela/Human_Consciousness_Article02.htm

Yu N. The contemporary theory of metaphor: A perspective from Chinese. – Amsterdam: John Benjamins, 1998. – 278 p.

Regina Maria Freire

**“LITERACY AND ITS AVATARS”:
GLEAMING NEW GAZES/DOINGS IN THE PROCESS OF LITERACY¹**

The purpose of this workshop is to present the research project “Literacy and its avatars” to contribute to the production of knowledge through research applied to education that underpin on the advances in the field of speech pathology in its articulation with the development of reading and writing.

This goal goes beyond raising issues that may explain children’s low academic performance and the high demand in specialized health centers; it aims to transform this context towards a better training of professionals who work with literacy.

The project, comprising more than 20 elements, rests on the conduction of a series of activities: monthly meetings of the entire group and weekly meetings of various sub-groups: teachers of basic education; undergraduate students in psychology; master’s students; doctorate students; visits to schools; teacher’s training; observation of special classes and scientific events. These activities and the research arising therefrom will be the subject of the papers to be presented today. An abstract of each paper will follow:

Реджина Мария Фрейре

**«ГРАМОТНОСТЬ И ЕЕ ВРАГИ»:
ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ГРАМОТНОСТИ**

Цель семинара – представление исследовательского проекта «Грамотность и ее враги», который ориентирован на проведение научных исследований, применимых в сфере образования, и который базируется на достижениях в области патологии речи применительно к развитию навыков чтения и письма.

Наша задача выходит за рамки объяснения низкой детской академической успеваемости и высокого спроса на услуги специализированных медицинских центров; она состоит в том, чтобы сместить акцент в сторону повышения уровня подготовки специалистов, работающих над улучшением грамотности.

Проект, включающий в себя более 20 элементов, опирается на проведение серии мероприятий: ежемесячные встречи всей группы и еженедельные заседания различных подгрупп – учителей начальной школы, студентов-психологов, магистрантов, докторантов; обучение учителей; посещение школ и научных конференций. Описание этих мероприятий и основанных на них исследований и будет предметом сегодняшних выступлений.

Cynthia Ferreira Gonçalves

Regina Maria Freire

**DISCOURSE ANALYSIS AND SPEECH AND LANGUAGE THERAPY
DIALOGUE: POSSIBILITIES**

Introduction: Many studies in the field of Speech-Language Pathology are being supported by a statistical method that quantifies data analysis results, generating a percentage that confirms or denies the study hypothesis. In this mindset, the subject is

---

¹ Автор выражает особую благодарность OBEDUC/ CAPES

hidden by numbers, or is prisoner of a group as he is no longer seen in his singularity. On the other hand, there is a growing interest in the field of Speech-Language Pathology for studies that focus on discourse, especially those that focus on indexing disciplines, such as French Discourse Analysis, which will be stressed in this paper.

Aim: to suggest French Discourse Analysis as theoretical support and data analysis tool in the several fields of practice in Speech-Language Pathology, highlighting the fertility of dialogue between both fields.

Methodology: bibliography review of papers and dissertations produced in the field of Speech-Language Pathology that have used French Discourse Analysis as a theoretical-methodological device.

Results: When using DA it was possible to identify certain discourse characteristics in stuttering; to use interpretation as a therapeutic technique to act upon the speech of patients; to understand the demand of patients from the effects indicated by the subject in his speech; to use listening and interpretation for Speech-Language Pathology diagnosis that is committed to the subject in his/her Language symptom. Moreover, the Speech-Language Pathologist was recognized to be himself a subject in the dominating ideology, which opens space for maneuvering in his educational process.

Conclusion: Several areas in Speech-Language Pathology have benefitted with the proximity to French Discourse Analysis as a theory and research method. There is a relation of interests between both fields that favors the dialogue in search for answers to each field's recurring questions. Discourse Analysis contributes in the questioning of the Speech-Language Pathology field, in regards to its clinical method and institutional performance, discussing ideological issues and questioning the listening, the interpretation and the discourse, in a perspective that looks into ideology and subjectivity, and that can be a tool for data analysis in the practice of Speech-Language Pathologists.

Синтия Ферейра Гонсалес

Реджина Мария Фрейре

**О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ПРАКТИКЕ ЛЕЧЕНИЯ РЕЧЕВЫХ И ЯЗЫКОВЫХ
РАССТРОЙСТВ**

До недавнего времени исследования в области речевых и языковых расстройств в основном базировались на статистическом методе, главным недостатком которого является то, что он оперирует лишь количественными показателями речи пациента, не принимая во внимание его личность. В то же время возрастает интерес к исследованиям, в которых в качестве основного метода используется дискурс-анализ; возможности которого применительно к практике лечения речевых и языковых расстройств и рассматриваются в данной статье. По мнению авторов, данный метод в его французской версии (французский дискурс-анализ) обладает большой объяснительной силой и может использоваться при лечении различных нарушений языковых и речевых способностей. В качестве методологической базы своего исследования авторы статьи используют публикации различных специалистов в области патологии речи, применявших в своих работах метод дискурс-анализа.

Ключевые слова: нарушения языковых и речевых способностей, французская школа дискурс-анализа, лечение речевых и языковых расстройств.

Regina Maria Ayres de Camargo Freire

Janaina Venezian

Manoela de Souza Piccirilli

Bruna de Souza Diogenes

**THE PROJECT “LITERACY AND ITS AVATARS”:
SPACE FOR DECONSTRUCTING AND CONSTRUCTING KNOWLEDGE**

Introduction: Based on a scenery where Brazil is one of the bottom-list countries in the Development Index for Basic Education, the federal government has created the program entitled Education Observatory, in order to develop studies in this field. One of the studies supported by this program is the project “Literacy and its Avatars” that faces issues related to literacy and its impasses, based on a field research in two schools in the city of São Paulo. Aim: To present one of the work fields in the Project “Literacy and its Avatars” conducted with teachers from two of the schools participating in the Project.

Method: This is a qualitative study, of discursive data collection from dialogic activity on themes suggested by the participants. The group was a space where the teachers could speak about the difficulties they face in the classroom. Weekly encounters were held with a group of 6 to 8 teachers in between the months of April and December, under the coordination of two Speech-Language Pathologists and one Psychologist.

Results: After one semester, it was observed that the teachers are clearer about their roles in the classroom, and this is manifested through a less segregating approach in regards to the children, where they are able to identify and recognize each one’s singularities. New strategies are suggested in front of their own difficulties and those of their students, considering the avatars involved in literacy. The teachers’ value of their own knowledge is also observed, as well as the initiative to think of research projects for their Masters’ degree. Conclusion: The articulation in between university and school has been promising in the field of literacy providing a space for deconstruction and construction of new knowledge that point in the direction of better involvement with literacy in our country.

Реджина Мария Айрес Камарго Фрейре

Джанайна Венециан

Манозла де Суза Пиккирилли

Бруна де Суза Диогенез

**ПРОЕКТ «ГРАМОТНОСТЬ И ЕЕ ВРАГИ»:
ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ РАЗРУШЕНИЯ СТЕРЕОТИПОВ И ПОЯВЛЕНИЯ
НОВЫХ ЗНАНИЙ**

Авторы статьи ставили перед собой задачу представить результаты полевой работы с учителями школ, задействованных в национальном проекте «Грамотность и ее враги». Цель данной работы – совместно с учителями, психологами и специалистами по патологии речи выявить проблемы в обучении учащихся чтению и письму и наметить стратегии их решения. Исследование состояло в сборе и интерпретации диалогических дискурсов учителей на выбранные ими темы, связанные с проблемами обучения (т. наз. метод исследования-действия). Данная работа оказалась очень плодотворной и крайне важной, учитывая невысокий уровень обучения в начальной школе в стране.

Ключевые слова: проблемы при обучении грамотности, метод исследования-действия, сбор диалогических дискурсов, модель организации языковых симптомов, междисциплинарное исследование.

Cinthia Ferreira Gonçalves

Regina Maria Freire

THE APPRENTICE'S POSITION IN THE DISCOURSE OF TEACHERS

Introduction: In the speech of the child who comes to the Speech-Language Therapy clinic, the discourses of their teachers and families, amidst her own. In other words, the child says of him/herself that which they *are* able to listen of what they are told. In order to understand reading and writing disorders, attention should be paid to the school discourse.

Aim: To identify and trace the positions occupied by the apprentice in their teachers' discourse and discuss their effects on the apprentice's constitution as a subject of writing.

Methodology: The theoretical basis used for data analysis was the French Discourse Analysis. The data were extracted from discussions in a group of five elementary school teachers in a public school of São Paulo, Brazil, during the Continued Education Program. The speeches derived from the subject of the course – language and Literacy – were recorded and later transcribed. Clippings of these speeches were analyzed, and guided the delineation of the teachers' discourses.

Results: The teachers' discourse is vague, undetermined and teachers are not positioned as subjects, but as working-class representatives, with whom they share the same principles. There are value judgments, prejudice, criticisms towards the students, the families, the community, and the school. There are hypothesis about academic failure, such as: aggressive behavior, fear, guilty feelings from the students and teachers, difficulty in dealing with the social problems coming from popular social classes, drug abuse, violence, contradictions in the discourses of family and school. There are doubts and/or lack of knowledge for educational practices in the classroom. Many times they move from their positions as teachers to those of parents when dealing with the students.

Conclusion: The teacher's discourse puts the student in a subjective position that may affect the process of literacy. The teacher builds an image of his/her student based on the ideology that those who come from different cultural environments do not easily learn how to read and write. There is a belief system in the teacher's discourse, based on imagination, that may contribute to academic failure. The teachers' conceptions must be questioned, so that the apprentice may change places in their discourse and, thus, interfere in the process of referral to the Speech-Language Pathology office, and contribute to the clinical practice by the interaction among clinic/family/school.

Синтия Ферейра Гонсалес

Реджина Мария Фрейре

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ УЧАЩЕМСЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Цель данной статьи – выявить представления учителей об учащемся на основе анализа педагогического дискурса и изучить влияние этих представлений на процесс обучения. Авторы опираются на теоретические положения французской

школы дискурс-анализа; материалом для исследования были получены из записей беседы учителей начальной школы и их выступлений на уроках. Основной вывод, к которому приходят авторы, заключается в том, что в дискурсе учителей учащийся занимает позицию подчиненного и многие учителя критически и предвзято относятся к ученикам. Все это, по мнению авторов статьи, негативно сказывается на процессе обучения и является одной из причин академической неуспеваемости.

Ключевые слова: педагогический дискурс, французская школа дискурс-анализа, позиция подчиненного, предвзятое отношение, критика, академическая неуспеваемость.

Gisele Gouvea

Regina Maria Freire

SPEECH-LANGUAGE PATHOLOGY SEMIOLOGY: THE SIGN AND THE LANGUAGE SYMPTOM

Introduction: the term semiology comes from the Greek semeion which means sign, thus semiology is the Science of the sign. The first person to use this term was Doctor Henry Stubbe in 1670, as a medical discipline dedicated to the interpretation of morbid signs of a body illness. Semiology as the Science of the sign and semiotics as the view of signs were thoroughly studied by Saussure and Pierce. These authors bring to light important notions in order to think about the concept of semiology in Speech-Language Pathology. For the first author, the sign is tied to a value system where the association of a concept – meaning and an acoustic image – significant, is circumscribed according to syntagmatic and paradigmatic laws, through similarities and differences. For the second author, a sign is anything of any kind that represents something else and produces interpretative effects; there would be three types of signs: the icon, the index and the symbol. In classic medical clinic, it may be observed that the key to semiological understanding was obtained by the description of the morbid signs found in the body, and thus the signs are stable and their value is attributed to a case, according to anamnesis, prognostic and diagnostic values. On the other hand, in the psychoanalytic clinic, the semiology of each case is presented through its singular and unstable signification characteristic, since their semiology is characterized by discursive order and subjectivity.

Aim: to study the notion and use of signs in Speech-Language Pathology semiology and its consequences on therapeutic intervention.

Method: to establish the notions of sign and Language symptom in Speech-Language Pathology according to prescriptive and interpretative models of Speech-Language Pathology interventions.

Results: It was observed that the prescriptive intervention understands the sign as a stable value among what is seen in the organs of articulation and their production of Language, the interpretation of the sign. If, in the act of reading the subject is understood as perception (hearing) and the object as mobility (speech articulation organs), the result is the sign. For example, a series of signs observed in someone's speech: tongue interposition, flaccid and averted lips, nasal escape associated to a devoiced linguodental emission, refers to the sign of frontal lisp. The therapeutic strategy of this speech articulation disorder would be based on the repetition and prescription of speech articulation exercises in order to correct tongue posture and mobility as well as breathing.

However, if, in reading the same case the speaker occupies the place of subject and the other, the place of object, a Language symptom may result. In this case, the therapeutic strategy would not reside in oral mobility, but on the discourse and the effects of the speech of the subject and the Speech-Language therapist.

Conclusion: The sign in the Speech-Language Pathology practice would belong to the field of meaning and translation of aspects of mobility into Language disorders. The language symptom would belong to the field of enunciation and of the effects of the relationships between the subject's speech and the other's speech.

**Гисель Гоувза
Реджина Мария Фрейре
СЕМИОЛОГИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РЕЧЕВЫХ
И ЯЗЫКОВЫХ НАРУШЕНИЙ:
ПОНЯТИЕ ЗНАКА И ЯЗЫКОВОГО СИМПТОМА**

Цель данной статьи – рассмотреть особенности понятия знака в теории речевых и языковых расстройств и изучить влияние различий в понимании знака на выбор стратегии лечения. В статье представлены два подхода к рассмотрению знака и связанные с ними типы терапевтического вмешательства: предписывающий и интерпретирующий.

Ключевые слова: языковой симптом, предписывающая и интерпретирующая модели терапевтического вмешательства, нарушение артикуляции, стратегия лечения.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград, Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.

Книги, подобные рецензируемому изданию, – значимое явление в современной лингвистике. Данная коллективная монография стала еще одним и интеллектуальным продуктом многолетней работы научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» под руководством доктора филологических наук, профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета В.И. Шаховского, его учеников и единомышленников.

Концептуальные основы книги были апробированы и обсуждены на прошедшем в сентябре 2012 г. общероссийском научно-теоретическом семинаре «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве», который сам по себе также явление незаурядное, демонстрирующее, что реалии нового времени ставят перед современным языкознанием важные задачи, имеющие социальное звучание. Целью этого научного форума, как и создания монографии «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве», стало «привлечение внимания широкого круга лингвистов, лингвоэкологов, лингвокультурологов к роли эмоций в человеческой коммуникации, к изучению их влияния на здоровье человека через правильное / неправильное пользование языком, а также на здоровье, экологию самого языка; необходимость обсуждения актуальных вопросов нового лингвистического направления – эмотивной лингвоэкологии; разработка методологии и терминологического аппарата данной отрасли языкознания (Из резолюции общероссийского научно-теоретического семинара).

Названные задачи, по нашему мнению, направлены на обоснование новых векторов развития сложившихся, фундаментальных направлений в лингвистике и привлекают внимание исследователей к экологической значимости как языка, так и к его носителя, общественное, индивидуальное и языковое сознание которого сегодня претерпевает значительные изменения под влиянием динамично развивающихся, многообразных форм коммуникативной деятельности людей. Эколингвистический подход, заявленный в рецензируемом издании, предполагает аккумуляцию знаний об эмоциональном языке и языковой личности, которыми располагает современная отечественная и зарубежная лингвистика, и применение их для решения социальных задач, имеющих витальную значимость для человека.

Известно, что в качестве ключевых слов в дефинициях эколингвистики и прежде всего ее прикладного аспекта ученые чаще всего используют слова «забота», «охрана», «сохранение», «защита», «оздоровление» и др. Возникает вопрос, что же в таком случае является объектом защиты и охраны в эмотивной лингвоэкологии и можно ли сохранять эмоции или защищать от эмоций? Каково место эмоций в лингвоэкологических исследованиях, имеет ли эта область специфику и самостоятельный предмет изучения? Как рассматривать эмоциональную коммуникацию с позиций лингвоэкологии?

На эти и другие вопросы, представляющиеся на первый взгляд наивными, но в то же время являющиеся важными не только для ученых-лингвистов, но и для каждого носителя языка, отвечают разделы рецензируемой книги. Именно поэто-

му при всей фундаментальности теоретического содержания ее без преувеличения можно назвать и первым учебником по эмотивной лингвоэкологии.

Часть 1 монографии «Эмотивная лингвоэкология: истоки и становление», включает разделы «Истоки эмотивной лингвоэкологии», «Эмотивная лингвоэкология: объект, предмет, задачи и перспективы», «Методология современной лингвоэкологии» (с. 8 – 115). Материал данных разделов показывает, что эмотивная лингвоэкология – это новое направление в лингвистике, подготовленное, однако, всем ходом развития лингвистической теории эмоций. Это направление призвано изучать роль эмоционального слова и эмоциональных речевых действий в жизни человека и общества с позиции их экологической ценности (с. 27).

Методология эмотивной лингвоэкологии как области языкознания раскрывается в достаточно объемном разделе (с. 53 – 115) посредством рассмотрения аспектов, которые в совокупности вполне ясно декларируют основополагающие подходы к исследованиям в этой области: выделяется модус экологичности в эмоциональной коммуникации; приемы, методы и подходы к эколингвистическому анализу эмоциональных явлений; определяется место лингвоэкологии в общенаучной методологии с точки зрения универсального субстратного подхода; рассматривается вопрос о выделении признаков экологичности в лингвистике; эмоциональность рассматривается как один из принципов экологичной коммуникации.

Объект изучения эмотивной лингвоэкологии, как он представлен в книге, имеет двоякую природу (с. 9, 55). Необходимость подобного двоякого подхода представляется объективной и определяется возможностью рассмотрения эмотивного аспекта речевой деятельности с позиций как психолингвистики (эмоциональный язык, речь текст), так и лингвопсихологии (эмоциональное мышление, воздействие, поведение и др.) [Демьянков, Воронина, Сергеева, Сергеев 2002: 29]. Подобная двоякость объекта эмотивной лингвоэкологии в полной мере соответствует и принципам описания явлений в экологических исследованиях (путем выделения аспектов: объект – среда). В данном случае речь идет о семиотической природе языка, благодаря которой он может выступать как объект влияния окружающей среды и одновременно определять форму и содержание самой коммуникативной и информационной среды «обитания» человека [Ионова 2011].

В монографии в качестве объекта эмотивной лингвоэкологии, с одной стороны, выступает эмотивный фонд языка и эмоциональная / эмотивная компетенция личности, необходимая для адекватного использования всех экспрессивных возможностей языка в речи и тексте. Поскольку слов с негативной оценкой в языке больше, чем с позитивной, и все негативное в нем более дифференцированно (с. 27), то, по мнению авторов, эта сторона эмоциональной коммуникации в значительной степени нуждается в лингвоэкологическом исследовании: необходимо выявлять признаки «лингвоэкологических нарушений» в языке, его «болезней», степени его «вульгаризации», «антропогенного загрязнения», «давления на языковую среду», «речевой вседозволенности» (с. 17), «чрезвычайной лингвоэкологической ситуации» (с. 46); разрабатывать критерии для установления «уровня языковой агрессии», «языка вражды и ненависти», «пределов толерантности» языка (с. 42, 45), «изучать речевые приемы «эмоционального балансирования», «амортизации конфликта», «эмоциональной толерантности» и «смягчения речевой агрессии» (с. 75).

С другой стороны, эмоции, выраженные в слове, в речи, обладают эмоциональной энергией, воздействующей на сознание и волю человека и отражающиеся на его физиологии. Эмоции «позволяют получить доступ к сфере *ratio* и *cognition*», являются «мотивационной основой сознания (с. 61) и, будучи вербализованными, они могут оказывать как лингвотерапевтическое, так и эмоционально травмирующее действие. При таком подходе эмоциональное слово в «неэкологичной упаковке» (с. 46, 61) становится средством воздействия на здоровье человека (с. 19), а его сознание и психосфера становятся мишенью для агрессивных, здороовьеразрушающих речевых действий говорящих (с. 53).

Указывая на то, что разрушающая энергия эмоционального слова непредсказуема и сопоставима с самыми сильными физическими действиями, авторы монографии своими работами призывают носителей языка к осознанному и экологичному эмоциональному общению, к культивированию в обществе знаний о приемах противодействия здороовьеразрушающим тактикам неэкологичной коммуникации – эмотивной валеологии (с. 13 – 18, 24).

Описанию экологического содержания эмотивных проявлений языка в процессах номинации, а также в институциональной и межличностной коммуникации посвящены разделы Части 2 рецензируемой монографии.

Известно, что нарушения баланса в сфере эмоций являются наиболее зримыми, имеют очевидные психологические и социальные проявления, остро переживаются участниками коммуникативных ситуаций. Именно поэтому, вероятно, большая часть анализируемых авторами книги явлений касается категориальных эмоциональных ситуаций, в которых реализуется негативный эмотивный потенциал языка и проявляется неэкологичное воздействие на человека.

В разделах второй части монографии рассматривается лингвоэкологическая природа таких эмоционально опосредованных явлений, как инвективная лексика и вульгарная речь, ироничный стиль, невежливость и недостоверность в общении, ценностные параметры лингвоэкологического общения, юридизированные эмоции, языковая игра с элементами вульгарности,okkaзионализмы и их эмоционально-экспрессивный потенциал, способы диффамации адресата, неэкологичные речевые акты, экологичная модальность текста, эргономичность коммуникации, этическая рефлексия речевого поведения, синергетические механизмы существования языка. Рассматриваются категориальные эмоциональные ситуации межконфессионального и межкультурного общения, профессионального и межличностного конфликта, агрессивного и деструктивного речевого поведения, а также амбивалентные ситуации двумодусного общения: признания вины, романтического общения, «смешанных чувств», разговора врача с пациентом. Обосновывается направление лингвоэкологических исследований в эмотивных сферах научающей, рекламной, медицинской, медийной, художественной коммуникации, бизнес-общения, а также в сфере терминотворчества (с. 116 – 415).

Даже простой перечень рассматриваемых в книге вопросов и предлагаемых подходов к их исследованию показывает, что они отражают ситуации эмоционального общения, знакомые каждому носителю языка, а потому имеют практическую ценность, которая вслед за научным редактором монографии может быть сформулирована как попытка построения непротиворечивой методики рационализации эмоций. Названные проблемы, безусловно, входят и в число наиболее важных те-

оретических задач современной психолингвистики, лингвистики эмоций, теории коммуникации, которые, получая важное социальное, экологическое звучание, приобретают сегодня стимул для интенсивного поиска научно обоснованных ответов на поставленные вопросы.

Безусловно, коллективная монография «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» будет интересна и полезна студентам и аспирантам, лингвистам-теоретикам, специалистам в области теории речевой деятельности, а также практикам коммуникации, интересующимся вопросами речевого воздействия, экспрессивного потенциала языка и речевой компетенции его носителей.

Содержание монографии показывает, что вопрос о научной легитимности эколингвистики [Сковородников 2013: 211] сегодня уже не стоит. Эта новая область гуманитарного знания уже принята филологической общественностью, она развивается, конкретизируется, приближается к потребностям человека и общества. Рецензируемое издание - еще одно подтверждение этому.

Список литературы

Демьянков В.З., Воронина Л.В., Сергеева Д.В., Сергеев А.И. Лингвопсихология как раздел когнитивной лингвистики, или: Где эмоция, там и когниция // С любовью к языку: Сб. науч. Трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – 492 с.

Ионова С.В. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2011. № 1 (13). – С. 82 – 90.

Сковородников А.П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. – С. 194–222.

С.В. Ионова

Бабайцева В.В. Статьи последних лет. – М. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – 276 с.

В начале 2014 г. вышла из печати книга выдающегося отечественного лингвиста и лингвометодиста профессора Веры Васильевны Бабайцевой, являющейся главой структурно-семантического направления в современном общем и русском языкознании. В лингвистике с именем В.В. Бабайцевой связано создание теории синхронной переходности, позволяющей объяснять синкретизм речевых фактов на разных уровнях языка, тогда как в лингвометодике (кстати говоря, термин «лингвометодика» введен в научный оборот более 40 лет назад именно В.В. Бабайцевой) – развитие теории учебника родного языка, нацеленного на глубокое, сознательное освоение русского языка и науки о нем.

Новая книга ученого названа поразительно скромно – «Статьи последних лет», хотя в ней поднимаются и исследуются с присущей Вере Васильевне обстоятельностью важнейшие проблемы теоретического языкознания и русского синтаксиса.

Кроме того, в книге значительное место отведено самоанализу жизни в науке (раздел «Долгой жизни подводя итог»), представлению научной школы профессора В.В. Бабайцевой (раздел написан д.ф.н. С.Б. Аюповой), ценным лингвометодическим материалам (в частности, обоснованию учебно-методического комплекса для углубленного изучения русского языка в 5–9 классах), рецензиям на монографии и учебники В.В. Бабайцевой, изданные в последние годы, и, наконец, статье К.Э. Штайн и Д.И. Петренко «В научной лаборатории В.В. Бабайцевой», в которой дан методологический анализ лингвистической концепции ученого.

Здесь нельзя не сказать о благородном вкладе профессора К.Э. Штайн и ее ставропольских коллег в дело популяризации трудов В.В. Бабайцевой: рецензируемая книга, как и два предыдущих сборника статей [Бабайцева 2005; 2010], опубликована в Ставрополе благодаря ученикам и последователям В.В. Бабайцевой из Северо-Кавказского федерального университета (бывшего Ставропольского государственного университета).

В разделе «Персоналии», значимом для лингвистической историографии, помещены две небольшие заметки, интересные своей обращенностью, с одной стороны, к недавнему прошлому русского языкознания, а с другой стороны, к одной из научных идей текущего момента.

В первой из них по-особому тепло В.В. Бабайцева пишет о своем наставнике в науке профессоре МГУ им. М.В. Ломоносова Евдокии Михайловне Галкиной-Федорук (1898–1965), проследивая жизненный путь и развитие идей ученого, ставшего, вне сомнения, классиком отечественного языкознания. Действительно, Е.М. Галкина-Федорук многое сделала в русистике впервые: именно ею была тщательно описана система наречий как особой части речи (в том числе с учетом переходных явлений), разработано несколько не потерявшее своей актуальности учение о безличном предложении, показаны тонкие и до конца не поддающиеся формализации взаимосвязи эмоционального и экспрессивного в языке и т.д. Е.М. Галкиной-Федорук была свойственна «простота метаязыка при глубине содержания», поэтому-то ее книги до сих пор «являются настольными у серьезных исследователей» (с. 167).

Во второй заметке интересны размышления В.В. Бабайцевой о так называемой «виталистической парадигме» в отечественном языкознании, вызванные книгой Д.И. Петренко «Лингвистический витализм» (Ставрополь, 2013). В русле этой парадигмы язык понимается как «живая» функциональная система, для которой характерны открытость, комплексность, динамичность, внутренняя обусловленность переходности и синкретизма речевой фактуры. Идея лингвистического витализма находит творческое преломление в анализе метапоэтики К.И. Чуковского, в особенности его взглядов на детский язык. Отмечается лингвометодическая продуктивность понятия «play with language» («игра с языком»), которым писатель обозначил отстаиваемый им игровой подход к обучению детей языку (с. 176).

Правда, здесь вызывает недоумение такой признак языка («живой» системы), как «способность к самовоспроизведению (разрядка моя. – К.С.)» (с. 173), отмечаемый Д.И. Петренко. Ведь если бы язык мог воспроизводить себя сам, то он вовсе не нуждался бы в своих носителях и никогда бы не умирал. По-видимому, не стоит переносить виталистическую метафору, выступающую в качестве аспекта познания языка, в онтологию языка.

Кстати говоря, сама В.В. Бабайцева на с. 73 своей книги совершенно определенно пишет: «Язык – не саморазвивающаяся (разрядка моя. – К.С.) система. Творцом языка является народ. Развитие языка осуществляется языковой деятельностью человеческого коллектива». Это мудрое теоретическое указание В.В. Бабайцевой, несомненно, даст повод для размышлений тем лингвистам, которые работают в рамках «виталистической парадигмы».

В центре внимания В.В. Бабайцевой в рецензируемой книге стоит такая классическая проблема теоретического языкознания, как проблема языка и речи. Как пишет сама В.В. Бабайцева, «еще на заре туманной юности Сергей Игнатьевич Бернштейн приказал мне прочитать «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра и ответить на вопрос, какая разница между языком и речью. Естественно, я не смогла тогда дать ответ, но в дальнейшем этот вопрос был для меня... постоянным материалом для размышлений! О чем бы я ни думала, о чем бы я ни писала, фоновым основанием была интуитивная (на первых порах) дифференциация языкового и речевого» (с. 16). Подход В.В. Бабайцевой к проблеме языка и речи нестандартен и, как представляется, небезынтересен для психолингвистики.

Напомнив общеизвестную триаду аспектов языковых явлений в учении Л.В. Щербы, В.В. Бабайцева обосновывает идею о том, что язык состоит из трех компонентов: языковой системы, языковой деятельности (иначе – речетворчества) и речи. Получается, что «языковая система – основная часть (компонент) языка, но это еще не язык. Только совокупность (синтез) всех компонентов позволяет языку выполнять мыслительную и коммуникативную функции» (с. 59–60). По мысли В.В. Бабайцевой, отождествление языка и языковой системы и привело в свое время к схоластическим спорам о разграничении языка и речи. Языковая система есть в сознании каждого человека, но «представлена она не полностью» (с. 73). «Система языка – не язык, а тот материал, благодаря которому формируются и выражаются мысли в результате языковой деятельности субъекта речи» (с. 76).

Поскольку язык дан субъекту в форме внутренней и внешней речи (с. 55), речь не может обладать какой-либо иной системностью по сравнению с той, которая имеется в языке. По словам В.В. Бабайцевой, «поиски особой речевой системы

безуспешны», вне целостной структуры языка речь – это «фикция» (с. 59). Именно поэтому В.В. Бабайцева высказывает сомнение в целесообразности дифференциации *предложения* и *высказывания* в метаязыке синтаксической науки. Речь воссоединена с системой языка на психолингвистической основе – через языковую деятельность субъекта речи, или, иначе говоря, через речетворчество.

Весьма важным в трактовке В.В. Бабайцевой является переосмысление щербовского термина «аспект», для нее языковая система, языковая деятельность и речь (в виде предложения, диалогического единства и текста) – это не аспекты, а компоненты языка, образующие его функциональную целостность. Отсюда следует, что идущее от Ф. де Соссюра разграничение «лингвистики языка» и «лингвистики речи» далеко не бесспорно, если каждая из них отстаивает собственную онтологию. По В.В. Бабайцевой, «лингвистика речи – одно из направлений лингвистики языка, занимающее в настоящее время одно из ведущих мест» (с. 99).

Напомним, что единство языка и речи и наличие в сознании человека единой «речезыковой способности» (Т.Н. Ушакова) в психолингвистике отстаивается давно. Однако с психолингвистической точки зрения очевидно и то, что речь не исчерпывается языком. Иначе в язык необходимо было бы поместить средства невербального общения, парафонические явления и многое другое. Вместе с тем семиотическое восприятие тех же жестов опосредовано их номинацией (ср. *махнуть рукой, ударить кулаком по столу* и т.д.), осознание назализации как парафонического явления в русской речи обеспечено не чем иным, как асистемностью назализации гласных звуков и т.д. Выходит, что речь не исчерпывается языком, но она неотрывна от него как от источника своего означивания и металингвистического объяснения. И в этом смысле В.В. Бабайцева, безусловно, права.

Благодаря своеобразному разрешению В.В. Бабайцевой проблемы языка и речи становится возможным обоснование текста как языковой единицы, интертекстуальных связей как номинативного ресурса, речежанровой дифференциации взаимодействия лексики и синтаксиса и т.д. Наконец, чрезвычайно важным представляется то, что многие синтаксические явления, воспринимавшиеся обычно как исключительно речевой «прибавок» к предложению, получают языковой статус и обретают свое место в языковой системе.

Не случайно В.В. Бабайцева обращается в рецензируемой книге именно к таким явлениям. В частности, здесь аргументируется синтаксический статус присоединенных компонентов, рассматриваются их системные отношения с вводными и вставными компонентами, получают исчерпывающее описание предложения типа *Это птицы летят*, не имеющие четкой трактовки в русской синтаксической литературе, наконец, представлен изумительный по своей проникновенности анализ синтаксиса стихотворения И.С. Тургенева «В дороге» («Утро туманное. Утро седое. Нивы печальные, снегом покрытые...») и художественно-образительных функций неопределенно-личных предложений.

Здесь отметим особо лишь то, что может показаться интересным с точки зрения психолингвистики. Дифференциация вводных, вставных и присоединенных компонентов строится у В.В. Бабайцевой с учетом времени их зарождения и формирования в речи, что в какой-то степени идет еще от Л.В. Щербы. Так, «вводные компоненты появляются до окончания процесса формирования мысли, вставные – во время презентации мысли предложением, присоединенные – после базового

предложения, отражая последующие этапы процесса мышления» (с. 116). С этим отчасти связана обобщенная семантика этих синтаксических компонентов и в полной мере – их позиция в речевой структуре предложения.

Безусловно, новая книга В.В. Бабайцевой станет для многих вдумчивых лингвистов настольной, ее надо читать медленно, следуя за логикой мысли автора и наслаждаясь филигранным анализом изысканных примеров, взятых из лучших произведений русской литературы. Эта книга показывает, что Вера Васильевна Бабайцева, уже давно, как и ее учитель Е.М. Галкина-Федорук, ставшая классиком отечественного языкознания, еще в строю, полна идей и ценнейших наблюдений.

Список литературы

Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: Сб. научных и научно-методических статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – 520 с.

Бабайцева В.В. Избранное. 2005–2010: Сб. научных и научно-методических статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – 400 с.

К.Я. Сигал

Сведения об авторах

Барина Анастасия Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета английского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, e-mail: stacey84@list.ru

Бондарькова Анастасия Викторовна – аспирант, Институт языкознания РАН, e-mail: avbondarkova@mail.ru

Горошко Елена Игоревна – доктор филологических наук профессор, доктор социологических наук, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», г. Харьков, Украина, e-mail: elegorosh@yandex.ru

Гриценко Елена Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, e-mail: egritsenko@lunn.ru

Кузнецова Александра Олеговна – аспирант кафедры русской филологии и общего языкознания ФГБОУ ВПО «НГЛУ», e-mail: alexandrakuznetsova77@gmail.com

Ларпо Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»), e-mail: lappo2000@mail.ru

Медведева Елена Анатольевна – аспирант, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток; методист отдела повышения квалификации профессорско-преподавательского состава, Школа региональных и международных исследований, e-mail: elena.medvedeva.vl@mail.ru

Полякова Татьяна Леонидовна – старший преподаватель, Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет, кафедра иностранных языков №1, e-mail: elegorosh@yandex.ru

Сигал Кирилл Яковлевич – доктор филологических наук, заведующий отделом экспериментальных исследований речи, Институт языкознания РАН, e-mail: kjseagal@yandex.ru

Уфимцева Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором этнопсихолингвистики, Институт языкознания РАН, e-mail: nufimtseva@yandex.ru

Федосеева Татьяна Владимировна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Институт Языкознания РАН, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки-2», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, e-mail: t.v.fedoseeva@yandex.ru

Чугунова Светлана Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского, e-mail: chugunovasveta1@ Rambler.ru

Шаховский Виктор Иванович – доктор филологических наук, кафедра языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Шляхова Светлана Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, e-mail: shlyahova@mail.ru

Информация

Hristo Kyuchukov is a Doctor of Linguistics from University of Amsterdam, The Netherlands and Doctor of Pedagogical science (dpn) from Sofia University, Bulgaria , professor of Romani language at the Institute of Turkology at Free University of Berlin, e-mail: hkyuchukov@gmail.com

Jill de Villiers is a Doctor of Psychology from Harvard University, professor of Psychology at Smith College, MA, USA. e- mail: jdevilli@smith.edu

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть представлена в печатном и в электронном виде или отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

На отдельном листе (в отдельном файле) прилагаются сведения об авторе:

- фамилия, имя отчество;
- ученая степень;
- ученое звание;
- место работы;
- должность;
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- контактный телефон;
- адрес электронной почты, который будет опубликован в журнале.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по контактному адресу и/или телефонам, указанным в заявке.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И СТРУКТУРЕ СТАТЬИ

Статья должна содержать:

- название (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
- инициалы и фамилию автора/авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на русском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова (5-7 слов) на русском языке;
- название статьи и фамилии автора/авторов на английском языке (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на английском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова на английском языке (5-7 слов).

Основной текст статьи должен содержать:

- Введение – с указанием на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы;
- Основную часть (может содержать разделы);
- Заключение (выводы) – с указанием новых результатов, их теоретического или прикладного значения;
- Библиографический список.

ОФОРМЛЕНИЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере на одной стороне листа (для печатного варианта); формат – А4; поля – 2,5 смс каждой стороны (не более 30 строк на одной странице; 60 знаков в строке включая интервалы между словами); размер шрифта – 12; гарнитура – NewTimesRoman; абзацный отступ – 1,25 см; интервал между строками – 1,5 см.

Все страницы рукописи в печатном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в число страниц рукописи включаются таблицы, рисунки, подписи к рисункам, библиографический список).

В электронном варианте статьи страницы не нумеруются.

ЗНАКИ, ЦИФРЫ, ФОРМУЛЫ

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также символами: O (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или буква «i»).

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отделяют пробелом от смежных символов.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ.

Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями.

Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, заменяя их подписями.

Подписи приводятся шрифтом одной величины.

На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

ТАБЛИЦЫ

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью.

В названии таблицы и в ячейке таблицы после названия точка не ставится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Библиографический список оформляется в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц для каждого источника. Размер шрифта – 12; междустрочный интервал – 1,0.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Единым форматом оформления пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСТАТЕЙНОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // *Ret. Libr.* – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Автореферат:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Аналитический обзор:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Патент:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Материалы конференций, симпозиумов, конгрессов, форумов и т.д.:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. – 350 с.

Марьянских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Интернет-документ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005-2007. URL: <http://www.nlr.rtfawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логонова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/memoflatchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ

Информация

125009, Москва, Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1
Институт языкознания РАН, к. 47
Отдел психолингвистики
Телефон: (495) 690-14-64
E-mail: editorial-vpl@yandex.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Сообщество психолингвистов нуждается в постоянной организации своей работы. Ранее таким средством служили только наши симпозиумы. В настоящее время мы создали еще одно средство информационной поддержки работы нашего психолингвистического сообщества – это журнал «Вопросы психолингвистики», который издается Институтом языкознания РАН при поддержке Московского института лингвистики.

Для распространения журнала необходима коллективная поддержка. Мы обращаемся к Вам с просьбой организовать в Вашем научном подразделении подписку на журнал «Вопросы психолингвистики», чтобы сделать его доступным через вузовские библиотеки как можно более широкому кругу исследователей. В первую очередь мы обращаем Ваше внимание на желательность ознакомления с журналом не только студентов старших курсов, но и преподавательского состава.

Как показывает практика последнего времени, круг людей, проявляющих интерес к журналу, постоянно расширяется. Подтверждением этому является высокий импакт-фактор Российского индекса научного цитирования «Вопросов психолингвистики» – 0,359 по данным 2012 г.

Напоминаем Вам, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс **37152**.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru.